Александр

НИКОНОВ

ЧЕЛОВЕК КАК ЖИВОТНОЕ

“Занесем лупу зоолога над глобальным человейником”.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Александр Никонов — известный писатель, автор знаменитых бестселлеров «Конец феминизма» и «Кризисы в истории цивилизации». Мастерски дискутируя на острые и неоднозначные темы, автор выступает в своих произведениях апологетом здравого смысла. Талантливые провокации Никонова возмущают, вызывают желание найти опровержение, оспорить, но самое главное — заставляют думать. “Человек как животное”, вне сомнений, вызовет негативную реакцию у многих представителей нашего “человейника”. Но что есть книга, как ни своевременный толчок к тому, чтобы задуматься?

- Александр Никонов
  - ○
  - ○ Часть 1
    - ■
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
  - ○ Часть 2
    - ■
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
  - ○ Часть 3
    - ■
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
  - ○ Часть 4
    - ■
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
  - ○ Часть 5
    - ■
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
  - ○ Послесловие
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8

Александр Никонов
Человек как животное

Много нас по подобию Божию,
И все-таки каждый с изъяном.
Будем считать, что изъянами
Обязаны мы обезьянам.

Олег Григорьев

«Никонова можно убить. Даже нужно. А книги его сжечь. Это добавит им скандальной популярности. Я не согласен ни с одним его словом, кроме союзов и предлогов. Но читаю до конца. Слишком сильно затягивают факты — неизвестные, сенсационные, шокирующие, опрокидывающие привычный мир».

Михаил Веллер, писатель

«Талантливый человек, поцелованный при рождении Богом в ту самую зону, которая впоследствии определяет литературный талант».

Аркадий Арканов, писатель-сатирик

Идея этой книги была внезапной, как понос. Так всегда начинаются хорошие книги…

Просто однажды, слушая излияния своего доброго знакомого о его пунктирной семейной жизни и взаимоотношениях с деньгами и женщинами, я подумал, что все его жизненные загогулины вызваны не его решениями, а сработавшими инстинктами той обезьяны, что сидит внутри каждого из нас.

Вся наша жизнь — и в малом, и в большом — устроена по слепку того зверя, от которого мы произошли. Произойди мы от другого существа, например от овцы, весь облик цивилизации был бы совершенно другим. Потому что каждому виду присуще свое видовое поведение. Повадки травоядных в корне отличаются от повадок хищника. А поведение хищника — от поведения

всеядного стадного существа, живущего в кронах деревьев, каковыми мы с вами по базовой конструкции и являемся.

Поэтому, черт побери, было бы крайне интересно посмотреть на человека и цивилизацию, которую он создал, глазами зоолога или этолога — специалиста по поведению животных. И тогда мы с вами увидим отражение всеядного стадного млекопитающего, прыгающего по деревьям, на всем, что нас окружает, — на предметах, на взаимоотношениях, на земном искусстве и на бытовых мелочах, на религии и на высочайших взлетах духа.

Ну что? Занесем лупу над глобальным человейником, как назвал нашу цивилизацию один философ?

Часть 1
Мы есть то, что едим

Дорогие дети!

Не следует спрашивать: «Что такое животное?» – а нужно спросить: «Какого рода объект мы обозначаем как животное?» Мы называем животным все имеющее следующие свойства: питается, происходит от подобных себе родителей, растет, самостоятельно передвигается и умирает, когда приходит срок. Поэтому мы относим к животным червяка, цыпленка, собаку и обезьяну. Что же сказать о людях? Подумайте об этом с точки зрения перечисленных выше признаков и затем решите сами, правильно ли считать нас животными.

Альберт Эйнштейн

Я сейчас не собираюсь доказывать каждому грамотному, умеющему читать и думать гражданину очевидное — что человек есть животное. Вряд ли среди читателей моей книги найдется хоть один, который бы прошел в жизни мимо этого замечательного факта: мы звери, господа!

Помнится, еще в школе на уроке биологии я спорил со свои недалеким одноклассником, доказывая ему, что человек суть животное. Он упирался против этой очевидности и верить ей не хотел.

— А кто же еще, если не животное? Робот, что ли? — удивлялся я упорству туповатого приятеля.

Сейчас с этим не спорят даже глубокие церковники: да, говорят они, человек — это животное. А некоторые даже добавляют, что Господь создал человека на той материальной базе, которой на тот момент обладал, — животной. Зато вдохнул в него душу! Которая, мол, и выделяет человека из всего прочего животного царства.

Человек действительно сильно отличается от всего звериного

мира. Разительно отличается! Поэтому туповатый одноклассник и спорил со мной, никак не желая соглашаться со своей животностью: на детей, которые гораздо ближе к животным, чем социализированные и дрессированные социумом взрослые, тот факт, что человек есть животное, производит шоковое впечатление — такой вот парадокс. Когда-то целый класс американских школьников, шокированный рассказом учителя биологии о том, что люди есть животные, написал письмо Эйнштейну, попросив его рассудить их спор с учителем. То, что ответил детям Эйнштейн, вы уже прочли в эпиграфе…

Отличия между людьми и другими животными настолько бросаются в глаза, что задавать вопрос о том, чем наш вид отличается от прочих, на первый взгляд даже как-то глупо: мы в штанах ходим, кушаем вилками и вон какую цивилизацию построили! Мы разумные, а не зверье какое-нибудь!

Моя сестра, которая зело любит животных, пару лет назад увлеклась чтением научно-популярной литературы. На вопрос, отчего вдруг такой интерес к науке, ответила:

— Да ты сам прикинь, сколько удивительного люди сделали на этой планете, начиная от простейшей гаечки, которую тоже надо было изобрести. Мы вышли в космос, узнали, почему светят звезды. И подумать только — все это сделал зверь! Обычный животный зверь…

Но у этого зверя был неплохой инструмент — разум. С помощью разума мы захватили всю планету — от влажных экваториальных областей, которые когда-то были нашей родиной, едва ли не до самых полюсов, где царят жестокие холода. Овладев огнем и научившись защищать свое голое тело от непогоды искусственными шкурами, называемыми одеждой, мы раздвинули свой ареал обитания до размеров всей Земли.

Мы властно оттеснили в сторону другие виды, когда-то обитавшие там, где теперь обитаем мы. И мы теперь — практически повсюду! Многие виды вымерли, не выдержав конкуренции с нами, или же попросту были нами физически уничтожены. Зато другие виды мы размножили до неимоверности — вместе с собой. Судите сами…

Людей и так называемых «домашних животных», которых мы разводим искусственно, примерно на пять порядков (в сто тысяч раз) больше, чем животных схожих с нами по массе и типу питания. Если вы посмотрите на приведенный ниже график, то увидите, что зависимость между численностью вида и размерами его представителей обратно пропорциональная. То есть чем крупнее вид, тем меньшее количество особей этого вида живет на планете. Мы же вываливаемся из этого закона.

Человечество не только захватило всю планету. Оно трансформирует облик самой планеты. О том, что человечество стало геологической силой, меняющей природные ландшафты, писал еще академик Вернадский. И это не было поэтической метафорой ученого. Мы действительно преобразуем планету в самом буквальном смысле. Судите сами…

Географически Европа — это зона тайги и смешанных лесов. Но леса тут были сведены под пашню еще до Средневековья, они остались лишь в горах и заповедниках. Вместо сплошного лесного покрова в Западной Европе теперь лишь небольшие лесные «заплатки».

Мы распахиваем целинные степи и строим бетонные джунгли городов. Мы заливаем искусственными морями равнины с целью накопления воды для этих городов и получения электрической энергии. Мы в самом прямом смысле слова срываем горы в поисках полезных ископаемых и выкапываем гигантские котлованы для открытой добычи угля. Наконец, как подметила моя сестра, мы вышли за пределы планеты. И даже в какой-то степени изменили лик своей звездной системы: за последние сто лет радиоизлучение нашей Солнечной системы повысилось вдвое, к удивлению потенциальных звездных наблюдателей из других миров. А все потому, что Маркони с Поповым изобрели радио.

Причем, что интересно, человечество начало менять облик планеты, трансформируя целые природные ландшафты не вот-вот, «буквально вчера», поднявшись на высоты индустриальной цивилизации и вооружившись экскаваторами и бульдозерами, а сотни и тысячи лет назад. С копьем и палкой-копалкой.

Глава 1
Ластик человечества на контурной карте мира

Все пустыни друг другу от века родны,
Но Аравия, Сирия, Гоби —
Это лишь затиханье Сахарской волны,
В сатанинской воспрянувшей злобе…

И когда наконец корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

Николай Гумилев

Еще в каменном веке, непринужденно помахивая кремневым топором, человечество уничтожило всех мамонтов и шерстистых носорогов на территории Евразии. А переместившись по Берингову перешейку в Америку, выбило всю мегафауну и там.

Куда бы ни приходили люди, они начинали с уничтожения крупной фауны. В той же Евразии, кстати, нами были напрочь выбиты, помимо мамонтов и носорогов, пещерные медведи, пещерные львы, гигантские олени… В обеих Америках человечество уничтожило мамонтов, мастодонтов, саблезубых тигров, гигантских ленивцев, гигантских грызунов, лошадей и верблюдов. Все более-менее крупное оказалось выбитым.

Ученые долго не могли взять в толк, что же послужило причиной столь масштабного и быстрого вымирания, и поначалу грешили на климат. Точнее, на его изменения, связанные с наступлением-отступлением льдов во время последнего ледникового периода. Однако ледниковые периоды в жизни нашей планеты явление периодическое, они наступают-отступают с частотой примерно в 100 тысяч лет, и все перечисленные животные прекрасно эти периоды переносили, приспосабливались. Когда наступали льды, животные отступали к

экватору, когда же гигантские ледяные шапки таяли, звери приближались ближе к полюсам. А гигантских ленивцев происходящее со льдами вообще не касалось, они жили у себя в тропиках и никуда по лености не ходили. Однако тоже исчезли с лица планеты. И по странной случайности, вымирание совпало с распространением по планете чрезвычайно агрессивного и зловредного вида — homo sapiens, который сеял смерть всюду, где появлялся.

Если бы последнее оледенение было самым сильным, вымирание крупных зверей можно было бы объяснить тем, что сильно сузилась кормовая база (кстати, во время последнего ледникового периода северная ледяная шапка покрывала всю Канаду и север США, то есть края ледника, чтоб вы понимали, опускались до широты Сочи). Но фокус в том, что вымирание произошло не во время наступления ледника, а как раз напротив — в эпоху глобального потепления, когда ледяные шапки начали отступать к северу, а растительность, то есть кормовая база мамонтов, стала отвоевывать у льдов все большее пространство суши. Вот тут бы и расплодиться на дармовых харчах! Ан нет… Скоропостижно вымерли.

Тогда исчезли десятки видов животных. Наши предки их просто перебили. Причем несчастных животных уничтожали порой в масштабах, превышающих пищевые потребности, — просто в азарте охоты. Так волк в овчарне режет всех овец, хотя съесть больше одной не может.

Из костей мамонтов строились жилища. Наиболее крупные кости составляли нижнюю часть стен, а кости помельче шли на верхнюю. Силовой же каркас наши предки делали из бивней. Так вот, на сооружение только одного, хотя и самого крупного из известных жилищ первобытных людей, найденного на территории нынешней Украины, ушли кости более сотни мамонтов. Как видите, несчастных убивали просто в промышленных масштабах!

А чего экономить, если ресурс кажется неисчерпаемым? Так ожиревший медведь во время нереста лосося, когда вся река буквально кишит рыбой, съедает у пойманных рыбин только икру и головы — то, что представляется ему самым вкусным… Так браконьеры выбрасывают в реку, кишащую рыбой, распоротые туши лосося, забирая только икру… Так ребенок выедает из пирожка только начинку… Так первые люди, попавшие в Новую Зеландию, убивали гигантских птиц моа только для того, чтобы съесть их бедра, и в конце концов истребили всех птиц на островах. (Зато, как показывают археологические раскопки, когда птиц моа осталось мало, люди съедали уже все мясо и даже обгладывали кости.)

Изобилие неминуемо развращает. Этнографы XIX века описывали загонные охоты дикарей (индейцев, африканцев), живших на уровне каменного века, которые во время этих охот убивали намного больше животных, чем могли съесть. Впрочем, цивилизованные европейцы, вооруженные винтовками, недалеко от них ушли, в чем мы чуть позже еще убедимся.

Факт выбивания людьми столь крупных животных, да в таких количествах, да в столь короткие сроки (десятки и сотни лет, в зависимости от вида и территории), вызывает у многих удивление и недоверие. Поэтому до сих пор в науке предпринимаются отчаянные попытки объяснить вымирание мегафауны, случившееся 10–12 тысяч лет назад, естественными причинами — тем же климатом, например, или какими-либо катастрофами. Есть даже экзотические гипотезы, предполагающие, будто мамонты вымерли от… старости. Не от личной старости, разумеется, а от старости вида. Дело в том, что виды животных, как и отдельные особи, не вечны и имеют определенное время жизни. Вот, мол, у мамонта, как вида, подошло время исчезновения. Непонятно только, почему это время «старости» мамонтов так странно совпало со временем «старости» десятков других видов. И с распространением человечества. Да и слоны в Африке и Индии «от старости» почему-то не вымерли.

А, кстати, почему?

Отчего не вымерли слоны в Африке, разве там люди на них не охотились? Возможно, это произошло по той причине, что человек появился как раз в Африке и именно там происходило его постепенное медленное взросление и вооружение. У здешней фауны было достаточно времени, чтобы приспособиться к новому хищнику. А вот когда уже умелый, опытный и вооруженный дистанционным оружием (копья, луки) человек внезапно для местной фауны появлялся в новых местах в процессе заселения планеты, животные приспосабливаться к появлению новой напасти просто не успевали.

Известно, что до 1913 года сибиряки нашли и продали скупщикам около 50 тысяч мамонтовых бивней. Причем искать их было не особо затруднительно: часто бивни и кости лежали под землей сосредоточенными в большие груды, в которых находились кости сразу десятков мамонтов.

Тем не менее многим трудно поверить, что такие мелкие звери, как люди, смогли выбить таких гигантов, как мамонты или шерстистые носороги. И вправду, как могли существа весом в 60–70 кг с примитивными каменными орудиями полностью отгеноцидить десятки тысяч сильных зверей массой до 10 тонн? В

этом сомневаются не только обыватели, но и ученые. Скажем, французский палеонтолог Клод Герен писал, что охота людей на носорогов вещь невозможная, а все пещерные рисунки на эту тему следует рассматривать как фантазию дикарей. Вот только Клод Герен специалист по носорогам, а не по охоте. И поэтому в данном случае его мнением можно запросто пренебречь. Хотя удивление культурного француза понятно: мы с вами, даже собравшись вместе с соседями, вряд ли без огнестрельного оружия одолеем мамонта и уж тем более свирепого и опасного шерстистого носорога. Но вот дикие люди делают это легко даже с примитивными каменными орудиями.

Два масая с копьями справляются с одним носорогом. Один дразнит зверя, выманивая его на себя, и когда разъяренный носорог бежит к нему, чтобы пришибить, дразнивший в последний момент отскакивает, а второй, сидящий в засаде, вонзает зверю копье за ухо. Иногда тот же фортель проделывает и один масай — отскакивает и вонзает копье в пролетающий многотонный «автобус».

Масаи длинные, рослые люди. А пигмеи вдвое короче масаев. И вдвое легче. Но тем не менее пигмеи в одиночку ходят на слонов. И убивают их!

Как?

Весьма жестоким и несправедливым способом. Подкрадываются по ветру, чтобы слоны не учуяли, и вонзают копье в пах или живот. Причем стараются, мерзавцы, так воткнуть, чтобы копье торчало вперед: когда слон от боли побежит, копье, задевая за кусты или землю, будет все больше и больше разворачивать ему внутренности. И вскоре раненый слон умирает от сепсиса.

Поэтому слоны в Африке жутко боятся пигмеев, точно так же как приматы (и мы в том числе) инстинктивно боятся змей и пауков. Это страх, вшитый в БИОС, или, говоря языком биологов, в гены.

Ну а если в охоте участвует не один охотник, а целая группа, то закидать слона копьями и дождаться, пока он бессильно сляжет от потери крови, задача нехитрая. Так что специализировавшимся на охоте диким племенам каменного века изничтожить мамонтов и прочую мегафауну с помощью орудий было не так уж сложно, как это представляется некоторым современным городским ученым.

Еще один факт в пользу гипотезы выбивания — там, где людей не было, например на острове Врангеля, мамонты после своего «официального вымирания» преспокойно жили еще несколько тысяч лет. И только потом исчезли — последний

мамонт на острове Врангеля умер всего 3700 лет назад. Почему они там все же вымерли? Да просто выродились! Дело в том, что на остров Врангеля мамонты прошли по сухому перешейку, который тогда соединял остров с континентом. Потом, по мере таяния льдов, эта часть суши ушла под воду и мамонтов на острове отрезало. Но остров есть остров, база питания тут ограничена, поэтому мамонты начали вырождаться — сначала уменьшились в размерах (выживали те, кому нужно было меньше питания), потом начали страдать разными болезнями из-за близкородственного скрещивания и, наконец, совсем исчезли.

К этому вымиранию человек руку не приложил, поскольку, по современным представлениям, к моменту отделения острова Врангеля от Евразии люди туда еще не добрались. А вот там, куда простерлась рука человека, мамонтов вскоре не осталось. И не только мамонтов. Люди на своем пути сжирали все.

В Атлантическом океане есть Карибские острова. Раскопки показывают, что крупное зверье там повымерло примерно 6 тысяч лет назад. По странному стечению обстоятельств именно 6 тысяч лет назад там появились первые люди.

В Австралии тоже когда-то мегафауна была весьма богато представлена, ее массовое вымирание случилось примерно 50 тысяч лет назад. Теперь, если вам задать вопрос, когда же появился на этом континенте человек, вы по аналогии с предыдущим примером точно ответите: «50 тысяч лет назад первые люди добрались из Азии до Австралии!» И будете правы. Добрались и в момент вырезали все крупное.

Схожим образом люди вели себя везде и, что примечательно, до совсем недавнего времени. На Мадагаскаре были выбиты гигантские птицы эпиорнисы, в Новой Зеландии птицы моа, в Европе практически полностью уничтожили зубров, а в Америке — бизонов. Причем последнее произошло уже после появления в Америке белого человека. Бизонов было множество — несколько десятков миллионов, но против огнестрельного оружия вид не устоял — перестреляли всех! Убивали не только и даже не столько из-за мяса (часто из всей многотонной туши поедали только язык), сколько просто ради развлечения — палили из окон поездов и радовались метким попаданиям. Точно так же радовались, получая удовольствие от удачной охоты, первобытные люди в те времена, когда ходячего мяса было еще много. А вот когда его стало мало…

Экологическая катастрофа, к которой привело эпидемически быстрое расселение по планете нового агрессивного вида с кремневыми орудиями, была не только масштабной, но и весьма трагичной для самого этого вида: истощение среды

сопровождалось его массовым вымиранием. Считается, что тогда вымерло до 90% человечества. Остатки, как вы знаете, спас переход на новые технологии — от охоты и собирательства люди перешли к сельскому хозяйству, то есть искусственному выращиванию растений и животных. Это время получило название Неолитической революции.

По всей видимости, людям легче дался переход к животноводству, нежели к земледелию. Это как-то проще и логичнее: если всходов брошенного в землю зерна нужно ждать целый сезон, то «пленение» животных получается почти само собой. И в самом деле, если удалось загнать или заманить в некий закон стадо диких лошадок, например, то глупо убивать сразу всех — мясо испортится. Лучше сохранять живые консервы, поедая животных по мере нужды. Но если животных много, они будут голодать и худеть, ожидая своей очереди на эшафот. Зачем терять мясо? Лучше накидать животным в загон травы. А можно стреножить да пустить на выпас. И присматривать, чтобы не разбрелись.

Следующий шаг — дождаться, когда «пленные» животные в неволе начнут размножаться. И тогда нужда в поиске и охоте вообще отпадает. Зачем охотится на вольных, если можно охранять пленных? Это понятно даже уголовникам, которые в девяностые годы, вместо того чтобы пробавляться случайной «охотой», стали крышевать тучные стада кооператоров и мелких предпринимателей. Аналогично поступали в свое время и феодалы, крышевавшие крестьян от наездов других хищников.

В общем, теперь не нужно стало охотиться, а нужно было лишь охранять свое стадо от чужих охотников… Так произошел переход от хищнической эксплуатации природы к сберегающей. Правда, сбережение это было весьма относительным, потому что вступление в аграрную эпоху привело к циклопическим изменениям в облике планеты. Этот шаг изменил ландшафты планеты больше, чем истребление мамонтов.

Читатель может спросить: «Погодите, а какая связь между мамонтами и ландшафтами?» Резонный вопрос.

Дело в том, что крупные животные — такие, как слоны и носороги — формируют природные ландшафты. Вы никогда не задумывались, почему саванна не зарастает кустарником, ведь отдельные кусты и деревья там торчат? Потому что слоны и носороги широкими ногами вытаптывают поросль. Поддерживается некий гомеостаз — саморегулирующаяся биосистема работает в направлении поддержания самой себя.

Точно так же поддерживались североевразийские и североамериканские экосистемы мамонтами и шерстистыми

носорогами. По всей видимости, там было нечто среднее между мелколесьем и тундростепью. Северная саванна! И видовой набор растительности был, видимо, несколько иным. А когда исчезли мамонты, некому стало вытаптывать и объедать кусты, а также мощно удобрять здешние просторы. И растительная декорация сменилась, ознаменовав произошедшую трагедию…

Переход к новым технологиям эксплуатации окружающей среды не просто спас представителей нашего вида от вымирания, но и позволил резко увеличить несущую способность среды: если для того, чтобы прокормить тысячу человек охотой и собирательством, нужна территория, примерно равная Чехии, то для прокорма той же тысячи с помощью аграрного уклада необходима всего сотня гектаров. Гигантский резерв для роста численности населения! Чем особи нашего вида не преминули воспользоваться.

Рост человечества был ураганным. Последствия для окружающей среды тоже. Есть, например, гипотеза, согласно которой возникновение в Африке самой большой в мире пустыни — Сахары — было делом рук человеческих. Конечно, природа человеку в этом помогла, но спусковой крючок спустил именно он, запустив процесс опустынивания. Каким же образом?

Вы никогда не слышали такую фразу: «Козы съели Грецию»? У этой фразы есть расхожий близнец: «Козы съели Оттоманскую империю». Здесь имеется в виду, что выпас коз привел к опустыниванию и высушиванию земель. На место Греции и Оттоманской империи можно подставить любые средиземноморские страны, потому что козы аналогичным образом поступили со всей колыбелью цивилизации — Средиземноморьем.

Дело в том, что из всех одомашненных человеком животных козы наиболее всеядны. Количество поедаемых ими наименований растений едва ли не в полтора раза превышает количество растений, поедаемых овцами, и почти в два раза — поедаемых коровами. Козы «всепогодны», они живут и в жаркой Африке, и на холодном севере. Козы без особого вреда могут есть морские водоросли и даже некоторые ядовитые растения. Они запросто грызут ветки. А траву козы выщипывают и съедают вместе с корнями… Впрочем, что я вам говорю! Наверняка, отдыхая в Египте или Турции, вы видели коз, мирно пасущихся на замусоренных пустырях и жующих бумагу…

Козы в самом буквальном смысле выедают окружающее пространство — сначала выжирают начисто траву, потом начинают глодать молодые побеги, кустарник. Затем обгладывают кору с деревьев, тем самым убивая их. В результате

местность постепенно лишается зелени. В природе на неприхотливых к еде коз охотятся хищники. Но тут главный хищник планеты взял коз под свое покровительство. Результат известен — опустынивание местности.

Геродот описывал Крит как остров, сплошь покрытый лесами. Здесь шумели дубовые рощи и густые хвойные боры. Добавим, что росло все это на полуметровом слое чернозема. А что там теперь? Скудный и привычный для всего Средиземноморья пейзаж — пожухшая на солнце желтая трава, редкие деревья. Причем вырубать для ведения сельского хозяйства люди начали леса, а довершили экологическую катастрофу — козы.

Когда-то греки коз боготворили. Действительно, это была настоящая находка! Кормить ее специально не надо, коза сама пасется, находя себе скудное пропитание где угодно и бесплатно превращая найденное в мясо и молоко. Удивительный аппарат!.. Кстати, насчет того, что коз боготворили, я ничуть не преувеличил. Древнегреческий миф гласит, что отец Зевса Кронос имел дурную привычку пожирать своих детей. Поэтому мать Зевса Рея спрятала младенца от отца в пещере на острове Крит. Вскармливала маленького Зевса коза с красивым именем Амальтея. В благодарность повзрослевший Зевс взял ее потом с собой на небо, и теперь каждый может наблюдать небесную козу самолично: звезда Капелла в созвездии Возничего и есть она, Амальтея. Так гласит легенда…

Но потом, когда люди прочухались и поняли, чем грозит им козье нашествие, пиетет перед козами рухнул и выпас коз начали повсеместно запрещать. На африканском побережье Средиземного моря, в Южной Европе, в Малой Азии принимались меры по сокращению численности коз. Впрочем, у людей всегда так — увидят последнего, кто бросил бумажку в кучу мусора, и начинают его ругать как главного загрязнителя. А ведь коза просто закончила цикл выжирания среды, который человек, перейдя к скотоводству, запустил, начав с крупного рогатого скота. Поясню.

Корова большая и потому удобная. Она, просто в силу своих геометрических размеров, дает много молока и говядины. Но по той же геометрической причине корове нужно много еды. Когда коровы выжирают среду, на их место человек запускает более неприхотливых овец. Они выщипывают траву почти дочиста. И уж потом приходит черед жилистых вонючих коз, которые завершают картину опустошения, уничтожая не только поредевшую траву, но и все, что пытается расти.

Наиболее ярким примером «козьей катастрофы» является остров Святой Елены, где закончил свою жизнь Наполеон

Бонапарт, сосланный туда англичанами. Остров Святой Елены, расположенный в южной Атлантике, открыли в XVI веке. Он был необитаем, и поэтому лесист. Причем тут росли во множестве так называемые «эбеновые деревья», с древесиной черного или темно-коричневого цвета, которое очень ценилось мебельщиками. Эбеновое дерево дороже красного, дороже карельской березы, поэтому радости от изобилия этакой ценности было немало.

Увы! Прошло каких-то двести с небольшим лет, и остров облысел начисто. И вовсе не потому, что все деревья свели на мебель, хотя и это было. Лес добили козы. Их завезли первопоселенцы и выпустили на вольный выпас. Козы пристрастились не только грызть молодые побеги эбеновых деревьев, но и обгладывать кору со взрослых. Результат известен… Кстати, вместе с эбеновыми деревьями козы практически полностью уничтожили такой редкий вид растений, как древовидные маргаритки. Тоже жалко…

А при чем тут Сахара и опустынивание?

А при том, что когда-то на месте этой великой пустыни цвела саванна, бродили слоники и буйволы, носороги и бегемоты. В водоемах некрасиво таились коварные крокодилы… Впервые люди узнали об этом в конце XIX века, когда в Сахаре были обнаружены наскальные рисунки, оставленные первобытными охотниками. На них все вышеперечисленные звери и были нарисованы. Кроме верблюдов, этих кораблей пустыни.

Одну из самых обширных первобытных «картинных галерей», найденную в горах Алжира, описал французский археолог Анри Лот. Его публикация произвела в научном мире эффект разорвавшейся бомбы. «Неужели на месте величайшей пустыни когда-то была саванна? — поражались ученые. — Куда же она делась? Почему теперь тут сплошные пески?»

Позже с помощью космической съемки в Сахаре нашли высохшие русла широченных рек с притоками и провалы на месте бывших озер. Цветущий был край!

Причем самое интересное и поразительное то, что на древних европейских картах эти реки и озера в Сахаре наличествуют! Скажем, на знаменитых картах Птолемея в центре и на востоке Сахары показаны многоводные реки с большими озерами. Самая большая река — Кинипс — течет на север и впадает в Средиземное море. Откуда Птолемей взял эти карты, если за 600 лет до него отец истории Геродот описывал эти места как весьма пустынные и засушливые? Впрочем, данный вопрос тянет на отдельную книгу, а нас сейчас больше интересует тот факт, что на космических снимках русло Кинипса прекрасно видно, и был он не уже Амазонки в низовьях — почти 30 км в ширину!

Сахарские озера по своим масштабам не уступали рекам и напоминали моря. Нил имел полноводный приток, впадающий в него с запада, то есть притекающий из Сахары (у Птолемея этого притока нет, но он есть на картах Меркатора, который жил в XVI веке).

Когда советский институт Гидропроект в эпоху дружбы с Египтом спроектировал Асуанскую плотину, а советские строители ее построили, образовалось огромное водохранилище, которое носит имя второго президента Египта Гамаля Насера. Если внимательно посмотреть на карту, можно увидеть, что озеро Насера имеет слева длинный узкий залив странной формы, — это вода заполнила пересохшее тысячи лет назад русло древнего притока Нила, притекавшего из зеленой когда-то Сахары.

Соседка Сахары — Аравийская пустыня — тоже раньше была местечком довольно зеленым и покрытым сетью рек. Те же птолемеевские карты демонстрируют нам венозную сеть аравийских рек с гематомами озер. Точнее, одного большого озера, на месте которого теперь заполненная песками впадина диаметров 250 км. На космической съемке и эта впадина, и сеть пересохших речных русел прекрасно видны.

Археологи же, помимо надписей, обнаружили в Сахаре большое количество неолитических стоянок и кремневых охотничьих орудий, а также костей носорогов, слонов и крокодилов.

Так куда же делось все это изобилие, которое было еще на памяти человечества? Кто или что его изничтожило?..

Поначалу, как это обычно и бывает в науке, подозрения пали на естественные причины — климатические. Раньше очень любили все вымирания списывать на климат. На иную причину намекают древние рисунки. Наскальные изображения показывают нам наряду со слонами, страусами и жирафами пасущиеся стада и колесные повозки. На более поздних рисунках изображения типичных представителей саванны пропадают, равно как и изображения стад, и появляются изображения верблюдов. А это значит, что природная декорация сменилась на пустынную. И произошло это много позже отступления ледниковья, на которое поначалу пытались списать столь трагичные перемены.

Процесс опустынивания запустил человек. Сначала охотники изрядно повыбили мегафауну: слонов и носорогов, страусов и жирафов, — после чего настал период скотоводства.

Человек родом из Африки. Но одомашнивание скота, по всей видимости, произошло где-то в районе Малой или Передней Азии. И уж затем, опустынив огромные территории Центральной и Передней Азии, кочевники спустились в тучные

североафриканские степи. Появление одомашненных стад разрушило экологическое равновесие североафриканской саванны. Охраняемые людьми стада вытеснили из экологической ниши тамошнюю живность. А потом выжрали и вытоптали все, что можно было выжрать.

Травянистый покров держит почву, не позволяя ветрам уносить ее частички. Выбивание же корневой «арматуры» приводит к тому, что ветер начинает беспрепятственно точить верхние почвенные горизонты. Ветровая эрозия в самом буквальном смысле развеивает наиболее плодородный слой грунта — гумус, делая почву непригодной для той растительности, которая росла тут тысячелетиями. За считанные десятки лет содержание необходимых для растений азота и фосфора падает в несколько раз… Кстати говоря, этот процесс происходит и сейчас — ежегодно на Земле ветровая эрозия выводит из строя миллионы гектаров, некогда покрытых зеленью. Причем никаких ураганов для этого не нужно. Эрозия начинается уже при слабом ветре в 3 м/с. Уже в наше время такая отрасль сельского хозяйства, как овцеводство, превратила многие районы Австралии в пустыню. По итогам человеческой деятельности на конец XX века площадь рукотворных пустынь на нашей планете превысила территорию Китая и составила уже почти 7% всей суши Земли.

Довершает процесс убийства земли водная эрозия. Корни трав и деревьев связывают грунт, затрудняя его размывание. А густые кроны деревьев и травяных зарослей принимают на себя кинетическую энергию миллиардов миллиардов дождевых капель, выпадающих столетие за столетием с неба. Вся их энергия уходит на раскачивание упругой зелени. Если же зелень поредела, сожранная стадами копытных, капли начинают разбивать почву, ручьи безжалостно режут грунт, более не связанный корневой системой. Раньше до 20% воды всасывалось травянистой растительностью и 30–40% — деревьями, теперь эта вода просто течет по гравитационному градиенту. И вскоре там, где были предгорья или равнина, появляются сначала промоины, потом овраги. Кроме того, вода смывает плодородный слой. Каждый год дожди вымывают более 700 миллионов тонн гумуса там, где люди распахивают степи, уничтожая травянистый ковер.

Но это еще не всё. Неолитическая революция, положившая начало сельскому хозяйству, породила еще и такой катастрофический процесс, меняющий облик планеты, как засоление почв. И раз уж речь зашла о деградации планетарного покрова, надо пару слов сказать и об этом.

Считается, что человечество обязано письменностью

системам ирригации. Точнее говоря, необходимость в искусственном орошении породила первые государства и письменность, которая стала «искусственной памятью» человечества, дав невероятный толчок ускорению прогресса, потому что теперь накопленные знания можно было передавать не только из уст в уста, но и «консервировать».

Мы все живем в государствах. И привыкли к этой форме организации социума. А ведь государство изначально было всего-навсего инструментом для выживания в условиях недостаточного увлажнения, формой жизни социального организма в бассейнах больших рек.

Размножившемуся населению, ведущему аграрный образ жизни, становилось тесно вблизи реки. Приходилось отселяться подальше от воды. Но сельхозкультурам нужна вода! Значит, нужна система ирригационных каналов. Без бульдозеров и экскаваторов, с помощью ручного труда и примитивных инструментов систему каналов можно прорыть, только используя и организуя труд огромного количества народа. А это возможно, только если есть аппарат принуждения. Так появилось государство. Не от хорошей жизни. От нужды. Но появившись, оно расширило ареал обитания, повысило несущую способность среды, позволив проживать на той же территории большему количеству едоков за счет систем орошения. Но государство предполагает налоги, на которые содержится аппарат насилия. А налоги требуют учета и контроля. А значит, письменности, которая, как мы знаем, необычайно подстегнула прогресс в технике и культуре…

Однако переход на новые технологии, как это всегда и бывает, принес новые проблемы. К чему приводит полив земель? Повышается уровень грунтовых вод. И когда он превышает некий критический предел, за счет испарения воды в приповерхностных слоях, нагреваемых солнцем, начинается процесс соленакопления, поскольку вода всегда содержит соли. Вода испаряется, а соли остаются. Получается солончак…

Впервые с проблемой потери плодородия почв в результате их засоления столкнулись в древней Месопотамии, а сегодня треть всех обрабатываемых почв являются засоленными. Каждый год от наступления солончаков человечество теряет до 300 тысяч гектаров земель, ранее пригодных для ведения сельского хозяйства. Для сравнения: сельскохозяйственные территории Польши составляют более 15 миллионов гектаров. То есть за полвека мы теряем целую Польшу. А Польша, между прочим, третья в Евросоюзе страна по запасам пахотных земель после Франции и Испании.

Но и это еще не все. Про глобальное потепление, обусловленное производством парниковых газов, которые выбрасывает наша промышленность, все уже слышали. Но мало кто знает, что влиять на климат человечество начало без всякой промышленности — еще не расставшись с каменным топором.

Дело в том, что опустынивание, то есть изменение на территории огромных пространств цвета земной поверхности с зеленого на желтовато-грунтовый повысило альбедо (отражающую способность) планеты. Альбедо песка составляет 0,4, а зеленых растений — 0,2. То есть раньше солнечное излучение поглощалось растениями, а теперь оно отражается обратно, нагревая воздух. Создается зона высокого давления, мешающая проливаться дождям. И это еще больше иссушает местность. Образуется положительная обратная связь, которая быстро завершает катастрофический процесс опустынивания и высушивания.

Но главный парадокс заключается не в этом, а в том, что такие жаркие, казалось бы, пустыни служат для атмосферы планеты огромными холодильниками и нарушают ее прежнюю температурную стабильность, прежний тепловой гомеостаз, или термобарическое поле Земли. Как и почему это происходит?

Атмосфера, в силу прозрачности, получает от солнечного излучения только треть своего тепла. А остальные две трети она добирает от нагретой земной поверхности. Причем больше даже не от суши, а от океана — через возносящуюся вверх испаряющуюся воду. Основная масса солнечной энергии, падающей на Землю, тратится на испарение воды — с поверхности океанов, рек, озер, болот, древесных листов. Количество теплоты, попадающее в океаны, испаряет ежегодно с их поверхности слой воды толщиной два метра. Потом эта вода проливается над планетой дождями и возвращается реками в океаны… Так вот, поднявшись ввысь с восходящими потоками, водяной пар начинает конденсироваться, превращаться обратно в воду, отдавая атмосфере так называемую скрытую теплоту парообразования, то есть ту тепловую энергию, которую вода саккумулировала, совершая фазовый переход от жидкого состояния в газообразное. Так и происходит нагрев атмосферы.

То есть тепло транспортирует вода.

В пустынях воды нет. Именно поэтому и говорят, что пустыни являются областями охлаждения планеты, — от пустынь тепло в атмосферу не транспортируется паровозиками водных молекул. К тому же из-за высокого альбедо и постоянно чистого, безоблачного неба пустыни падающее на песок солнечное излучение отражается обратно в космос.

Сахара с Аравийской пустыней, с которых мы начали разговор, вовсе не единственные «рукотворные» пустыни, процесс образования которой запустил человек. Когда-то огромными стадами одомашненных копытных были выбиты в пыль и превращены в пустыню тучные ковыльные степи в Заволжье и Прикаспии. А обильное орошение плодородных некогда долин Тигра и Евфрата превратило их в засоленные пустыни. Погибли от ирригации земли на севере и северо-западе императорского Китая. И продолжают гибнуть по сию пору! За последнее время миллионы гектаров китайской пашни превратились в пустыню, пески наступают на Пекин, а более 24 тысяч деревень на севере страны полностью заброшено: на песке не посеешь. И это при том, что по обеспеченности пахотной землей на душу населения Китай занимает в мире второе место с конца (0,08 га на рыло). Хуже только у японцев — 0,03 га на голову. А если учесть, что Китай продолжает интенсивно терять землю из-за быстрого огорожанивания (за последние десять лет города и заводы в Китае съели более 900 тысяч га пашни да плюс землю ест автомобилизация, поскольку каждые 5 млн автомобилей требуют 1 млн га земли под дороги, автосалоны, стоянки и заправки, а машин в Китае уже более 20 млн и они продолжают множиться), то ситуация в Поднебесной видится совсем печальной…

Закат цивилизации майя, о котором так много спорят, по всей видимости, был вызвал экологической катастрофой, к которой привела хищническая вырубка лесов и выжирание среды. Американский профессор Д. Ленц, исследуя древние города индейцев майя, обратил внимание на странный факт — в индейских храмах эпохи майянского расцвета балки были сделаны из прочного сапотового дерева. Балки эти не только прочны, но и выглядят красиво — прямые, ровные. А вот храмы эпохи упадка имеют в качестве балок синий сандал — менее прочное, не очень высокое дерево, узловатое и потому малопригодное для строительства. Почему?

Потому что к тому времени хорошие деревья уже кончились — свели их начисто. А сведение лесов и распашка, как мы теперь знаем, приводит к эрозии почв и опустыниванию. Климатические модели показывают, что сведение лесов повысило среднюю локальную температуру майянской местности на 3–5 ˚С за счет формирования устойчивого антициклона с постоянно безоблачным небом. А с безоблачного неба не идут дожди. Результат — засухи, неурожаи, голод.

Лес индейцы вырубили под пашню. У них было так называемое «мильповое» земледелие. Это разновидность подсечно-огневого. Индейцы вырубали лес, ждали, когда

древесина подсохнет, затем сжигали. Зола использовалась как удобрение, и в течении 3–4 лет земля давала хороший урожай маиса. Затем почвы истощались, и индейцы сжигали очередной участок леса… Таким образом, человечество, перейдя от охоты и собирательства к сельскому хозяйству, остановило уничтожение среды по первой технологии и начало разрушать среду по второй. Правда, при этом на порядки выросла несущая способность среды, то есть появилась возможность прокормить на одной площади большее количество народу.

Я вижу, вам все это не нравится, друзья мои. Как-то неэкологично получается. Ничего не попишешь: мы — животные. А это значит, что полностью избежать разрушения среды для поддержания своего устойчивого неравновесия, своей выделенности из среды (попросту говоря, жизни) невозможно: такова физика нашего мира — чтобы противостоять нивелирующему давлению энтропии, нужно постоянно бороться. А для этого нужна энергия, которая берется из окружающей среды, потому что ничего, кроме окружающей среды, борющегося, как вы понимаете, не окружает. Брать и встраивать в себя чужую организацию и порядок для поддержания собственной внутренней организации как раз и означает разрушать среду, из которой мы этот порядок добываем, создавая тем самым в среде непорядок. Мы оплачиваем свой рост, свой прогресс разрушением окружающего. Энтропией. Поэтому все вопли экологистов и прочих поклонников зеленой религии о том, что надо жить в согласии с природой, гроша выеденного не стоят. И яйца ломаного.

Экологисты и леволиберальные маниловы с университетских кампусов, не имеющие достаточного образования, порой, умиляясь, приводят в пример разных пигмеев, которые живут, по их мнению, в согласии со средой. Порывшись в сети, можно без труда найти там такие, например, панегирические строки:

«Жизнь пигмеям дает лес — здесь они охотятся, собирают мед, плоды, коренья, личинок, орехи, съедобные травы и т. п. Прекрасные знатоки растений и животных, разумно относящиеся к окружающей среде, они отлично освоили тропические леса. По последним данным, гектар тропического леса может прокормить не более трех человек, поэтому пигмеям приходится вести кочевой образ жизни… Собирательство, как и охота, ведется в соответствии со строгими правилами бережного отношения к природе: нельзя срывать незрелые плоды; следует оставлять часть плодов на семена; запрещается одновременно собирать плоды со всех деревьев и кустарников, забирать весь мед у пчел, разорять дупла, выгонять рои и т. п.

На юге Африки в пустынях и полупустынях живут бушмены (саан). В суровых условиях они сумели создать сбалансированное хозяйство, сберегающее скудные природные ресурсы, достаточные для выживания. Некоторая часть бушменов сохраняет и поныне традиционный образ жизни. Охотники соблюдают древние правила природопользования: сроки охоты, запрет на убийство самок и детенышей и т. п.»

Вы бы хотели жить в таком вот равновесии с природой, друзья мои компьютерные? Без стиральных машин, стоматологии, социальных сетей, чешского пива, с голой задницей и копьем наперевес?.. Если нет, разговоры о жизни в согласии с природой предлагаю оставить. Тем паче что любая жизнь, даже пигмейская, все равно разрушает природу. Просто дикари это делают «экономно» — так, чтобы только поддерживать свое полуживотное тусклое существование. А мы разрушаем с умом, поэтому живем в комфорте, вышли в космос и вкусно кушаем.

Впрочем, эта книга не об экологии, а о том, как одно из животных выделилось из ряда прочего зверья. Оставшись при этом зверем.

Глава 2
На службе тела

Лежу я в одиночестве
На человеке голом,
Ни мужском, ни женском,
Каком-то среднеполом.

Олег Григорьев

Как видите, уничтожать ландшафты наш вид начал еще в те далекие времена, когда представителей этого вида мы сами, зажав носы, с брезгливой миной отнесли бы скорее к животным, ибо дезодорантами наши далекие предки еще не пользовались, металлы плавить не научились и галстуков не носили.

Понятно, что мы, их потомки, овладев принципиально иными инструментальными возможностями, продолжили дело дикарей каменного века и варваров Средневековья совершенно другими темпами — нами с начала XVII века в одной только Северной Америке было вырублено лесов больше, чем за тысячелетие в Европе. Вот что значит интеллект!..

Наши предки изводили мегафауну столетиями, а белым колонистам в Америке, чтобы истребить многомиллионные стада бизонов, потребовались считанные десятилетия. Вот что значит инструментальные возможности!..

Когда-то на той территории, которая сейчас зовется Канадой и Соединенными Штатами Америки произрастало 170 миллионов га леса. Сейчас — 8 миллионов. В Китае, о котором я уже упоминал чуть выше, от прежнего лесного изобилия сохранилась десятая часть. В Греции, Италии и Испании — седьмая часть…

В общем, мы уже давно не живем в природных ландшафтах. Человечество, как улитка, обитает в собственном, построенном домике. Только у улитки этот домик раковина, а у нас — антропосфера, или техносфера, вне которой наш вид существовать уже не может. Мы живем в искусственно созданной среде.

Плохо это или хорошо?

Это не плохо и не хорошо. Это факт. Любой разумный вид во Вселенной существует именно так. Но что такое «разум»? И почему при его наличии мы порой ведем себя ужасно неразумно, рубя сук, на котором сидим, как это делали сначала охотники и собиратели, потом аграрные цивилизации, затем цивилизация

промышленная?

Если в чашку Петри — широкое лабораторное блюдечко с питательным раствором — запустить колонию одноклеточных, они будут там весело размножаться, с удовольствием пожирая среду, в которой живут. И так будет до тех пор, пока бактерии не выжрут все и не начнут массово дохнуть от бескормицы и отравления продуктами собственных выделений. Абсолютно неразумное поведение!

И чем оно отличается от поведения человечества перед Неолитической революцией, когда из-за выжирания среды вымерло 90% населения планеты? Чем это отличается от хищнического уничтожения среды аграрной цивилизацией? Или от загрязнения ее же (среды) продуктами выбросов промышленности уже в Новой и Новейшей истории?

Разум всего лишь инструмент экспансии. Конечно, развитый мозг предоставил нашему виду мощные конкурентные преимущества перед другими видами — из-за этого отрыва многие представители нашего вида наотрез отказываются становиться на одну доску с животными, порой с целью унизить называют друг друга животными, приписывая тем плохие черты, а себе возвышенные, и даже мифологизируют разум: ведь именно разительное отличие нашего вида от прочих позволило церковникам приписать нашему виду наличие у него некоей особой волшебной сущности — души. Которая есть как бы частичка Бога, то есть некоего Сверхразума, — вот насколько нами идеализируется наш разум, который мы в своих мифах превозносим над собой и природой!

Но ничего волшебного в разуме нет. Ничего сказочного и потустороннего. Напротив, наш разум глубоко животен по своему происхождению. И никаких мифологических сущностей для его постижения не нужно.

Разум есть просто гипертрофированная способность. У жирафа и лебедя гипертрофированная шея. У слона — длинный нос. У глубоководной рыбы-удильщика — светящаяся в темноте приманка на особом длинном отростке. А у нас — развитый мозг. И все перечисленные «удлинения» только приспособительный дар эволюции, которая у всех видов шла по-разному.

Мозг вовсе не предназначен для того, чтобы строить стальные мосты через реки и выходить в космос на ракете. Мозг — так же как печень или поджелудочная железа — всего лишь скопище клеток, возникшее для решения специфических задач тела. Каких?

Перемещения в пространстве!

Мы ведь не флора, мы фауна — говорю это с гордостью! Мы

не торчим на одном месте, как растения. У растений мозга нет. Потому что им не нужно двигаться. А если и нужно, их несет ветер, как глупое перекати-поле. А вот для неслучайного (осмысленного!) движения нужны датчики и координация движений. То есть глаза, уши и мозги — то, что напрочь отсутствует у растений.

Сложную задачу по координации движений тела в пространстве и реагированию на внешние раздражители решает особое скопище нервных клеток под названием «нервная система с мозгом во главе». Эта система быстро анализирует поступающие сигналы и в обратку выдает управляющие сигналы — какие мышцы сокращать, то есть какие движения совершать (бежать, кусать, спариваться).

В результате эволюции часть клеток постепенно специализировалась именно на задаче приема и передачи электрохимического сигнала — точно так же как часть клеток специализировалась как клетки кожи, крови, печени и пр. У природы не было полупроводников с лампами, и она экспериментировала с тем, что оказалось «под рукой», — живыми клетками. И, кстати, не факт, что полупроводниковый мозг оказался бы лучше. Специализированные нервные клетки получили возможность отращивать длинные «провода» и «контактные площадки», получать, обрабатывать и передавать дальше химические и электрические сигналы, которые являли собой кодировку. Природе понадобилось счетно-решающее устройство, и она его создала.

Так возник новый клеточный орган — мозг.

Органов у движущихся биоконструкций было много. Печень специализировалась на очистке, складировании и производстве разного нужного добра и была похожа на депо. Кишечник работал на расщепление органики и был похож на трубку. А вот желеобразный мозг напоминал клубок или сеть проводов в виде отростков клеток, по которым постоянно бегали импульсы.

В этот особый орган, защищенный черепной коробкой, поступают электрохимические сигналы как изнутри тела, так и из окружающего пространства, находят там отражение в виде целой бури электрохимических реакций, а на выходе орган… чуть не написал «выделяет мысль». Нет, не мысль выделяет, а посылает отраженные и преобразованные электрохимические сигналы по проводам обратно. Управляя тем самым мышцами и другими обеспечивающими движение органами.

Клетки нервной системы и мозга называют нейронами. За сходство с клубком или сетью совокупность нейронов в мозгу называют нейронной сетью, или нейросетью. В ней происходит

анализ информации и ее накопление (запоминание).

Нейросеть возникла в результате эволюции для ловли закономерностей. И она их честно ловит и фиксирует, чтобы использовать найденное в дальнейшем. Слепой отбор природы не создавал мозг для рисования Джоконды или разработки теории относительности. Задача была скромнее — координировать в пространстве движущееся создание и запоминать удачные ходы с целью повышения выживаемости модельного ряда (вида).

Что нужно для успешного выживания? Нужно, перемещаясь в пространстве, активно добывать энергию для перемещения, убегать от тех, кто хочет воспользоваться накопленной тобой энергией, и выполнять еще одну специфическую функцию — размножения, то есть согласно включившейся неодолимой программе искать половых партнеров и с ними скрещиваться. В принципе вся сокровищница мировой литературы этому и посвящена — борьбе с конкурентами да размножению. Ну и еще осмыслению смерти — «быть или не быть, вот в чем вопрос». Потому что все движущиеся и недвижущиеся создания созданы природой смертными, так как природе начхать на отдельного «солдата» (особь), она оперирует «батальонами» и «полками» (видами, семействами, родами).

Окружающая среда на планете меняется, и дабы очередное колебание условий не выбило всю жизнь на планете, она должна постоянно меняться, подстраиваться под среду. А для подстройки нужна перетасовка свойств. То есть мутации и смешение генетического материала.

Ну, мутации появляются автоматически — случайности и ошибки имманентно присущи нашему самому квантовому из миров, это просто физика. А вот смешение генов достигается «искусственно» — двуполостью. Поэтому, учитывая неизменность физических законов во всей нашей Вселенной, можно с достаточной уверенностью утверждать: везде, на всех планетах, где возникала жизнь, она реализовалась в двуполом варианте. «Трехполье» слишком сложно в смысле поиска партнеров, а «однополья» не хватает для достижения нужного с точки зрения кибернетики разнообразия.

На этом нужно остановиться чуть подробнее. Дело в том, что двуполость наложила столь яркий отпечаток на всю нашу цивилизацию, на всю ее культуру, что не уделить сексу изрядного шматка книжного пространства было бы несправедливо. Несправедливо не перед читателем. Перед сексом! Несправедливость допущена не будет, тем более что применительно к двуполости было употреблено слово «кибернетика», а это также потребует некоторого

математического разговора и пояснений. Поэтому мы сейчас немного поговорим о сексе, а потом вернемся к мозгу, который есть не что иное, как слуга секса, жратвы и личного страха.

Для начала внесем ясность в половой вопрос… Если уж быть предельно откровенным, то придется признать, что размножаться можно и внеполовым образом — делением, например, как это делают одноклеточные. Или почкованием. И подобные куншткюки выкидывают не только примитивные создания. Например, некоторым видам двуполых (!) рыб и ящериц самец для размножения не нужен, они вполне способны размножаться партеногенезом, то есть самка рожает детеныша, используя только свой собственный генетический материал, — в результате получается ее точная генетическая копия. И это нехорошо, потому как не происходит никакого перемешивания свойств и, соответственно, разнообразия потомства. Ксерокс вместо конструктора.

С другой стороны, если уж нужен генный конструктор, можно придумать еще один вариант, который, казалось бы, превосходит нынешний двуполый мейнстрим — гермафродитизм. Тут двойная выгода: каждая особь может выступать и в качестве самца, и в качестве самки. Что это дает?

Большой выигрыш в числе комбинаций! Смотрите, если у нас есть 10 обычных особей — 5 самок и 5 самцов, то число возможный скрещиваний и, соответственно, генетических наборов составляет 25. Немало. Но если у нас есть 10 гермафродитов, то есть обоеполых существ, то число возможных генетических комбинаций увеличивается почти вдвое — до 45[1].

И столь удачные на первый взгляд модели живых существ с конвейера эволюции были выпущены — видов, обладающих гермафродитизмом, в природе немало. Однако почему-то не они царят в природе. Они находятся где-то на обочине реки жизни, а среди высокоорганизованных форм жизни гермафродитов нет. Почему? Отчего природа выбрала менее щедрый на разнообразие способ?

А оттого, что ей пришлось решать еще одну задачу — функциональную.

Природа одарила каждую особь только одним полом, а взамен второго додала «общественную нагрузку». Вид, как самостоятельная единица, был таким образом усложнен, у него появилась «внешняя оболочка», состоящая из самцов, и «внутреннее ядро», представляющее собой самок. Специализация! Самцы — активное начало, самки — консервативное, собирающее и аккумулирующее все лучшее, добытое самцами в неравных боях

со средой.

Понять это можно на следующем примере. Для того чтобы покрыть всех самок в популяции, достаточно 5% самцов. Однако число самцов и самок практически одинаково в любой популяции. Больше того! Если условия жизни ухудшаются, самцов рождается даже больше, чем самок. Зачем такой избыток?

А для улучшения качества потомства. Для того, чтобы самцы конкурировали друг с другом и чтобы только лучшие передавали потомству свои гены — гены победителей.

Именно поэтому самцы в природе дерутся за самок, а те с интересом за этим наблюдают. Именно поэтому в литературе и кино один из самых распространенных сюжетов — защита главным положительным героем главной героини от хулиганов, бандитов, террористов, трехголового дракона или стихии. С последующим скрещиванием самца-победителя с разомлевшей от его подвигов самкой. Крепкий орешек!

Вот почему самцов всегда с избытком. Вот почему многие птицы-самки высиживают в гнездах яйца не от своих «мужей» — тех хозяйственных «мужичков», которые исправно приносят им в гнездо червячков для прокорма семейства, — а яйца, нагулянные от совершенно постороннего любовника. Такое и у людей, кстати, часто случается. Впрочем, о сексуальном поведении особей нашего вида мы еще поговорим. А сейчас закончим с математикой и кибернетикой.

Если вы фермер и вам нужны яйца и мясо на продажу, вы купите 9 кур и одного петуха. И тогда получите максимум производительности — все 9 кур будут нести вам яйца и высиживать цыплят.

Если же вы по серости приобретете 9 петухов и 1 курицу, то канал по производству полезной продукции сузите в десять раз. Но зато в десять раз возрастет качество потомства! Потому что из десяти претендентов курица будет приносить потомство от лучшего. От победителя. Но при этом потомства будет слишком мало и любая случайность может стереть его с лица планеты. Рискованно!

Природа не дура. Именно поэтому она выбрала золотую середину между количеством и качеством, позволив виду иметь самок и самцов поровну. В этом случае есть и борьба за качество, и количество не сильно страдает, и число возможных комбинаций (генетический конструктор) довольно велико: в стае из 9 кур и одного петуха количество возможных генетических наборов равно 9, а в стае из 5 кур и 5 петухов теоретическое число комбинаций равно 25, как мы уже знаем.

Все прекрасно устроено!

Мы видим, что природа, не имея никакого мозга, поступает вполне разумно. Иными словами, разумное поведение возможно и без присутствия разума или концентрированного носителя разума (мозга) — просто с помощью механизмов естественного отбора. А кажимость разумности, с которой действует эволюция, породила гипотезу Бога, то есть предположение, будто есть некий разум, который все в этом мире столь чудесно устроил. Впрочем, о животных корнях религии мы тоже еще с вами поговорим. Пока же надо запомнить: разумное поведение вполне возможно без руководящей и направляющей силы разума и наоборот — разум вполне способен на неразумное поведение…

Теперь, пораскинув мозгами, вы можете сообразить, что у самцов возможностей оставить потомство гораздо больше, чем у самок. Самка млекопитающего (например, человека), забеременев, долго вынашивает потомство внутри своего организма, а затем исторгает его наружу и выхаживает до возраста относительной самостоятельности. То есть за свою недолгую репродуктивную жизнь она может оставить лишь не очень большое число потомков. А вот самец может удовольствия ради скрещиваться хоть каждый день с разными самками! Он может нараспылять потомства — тьмы и тьмы, в каждой порции его спермы содержатся сотни миллионов сперматозоидов, а завтра будут еще сотни миллионов. Не жалко!

С точки зрения природы это правильно: если самец удачный, именно его гены нужно передать потомству, а не гены робких аутсайдеров, которые влачат жалкое существование.

Именно поэтому женщины ругают мужиков кобелями и говорят свои знаменитые фразы о том, что «все мужики сволочи», «ни одну юбку пропустить не могут» и «всем им одного только надо». Это правда, девушки. У нас с вами действительно разные половые стратегии. Женщины в сексе более разборчивы и меньше склонны «давать», чем самцы, потому что на них лежит ответственность за потомство! А на мужике — только за число осемененных. Женщина отвечает за качество, самец — за количество. И это зашито так глубоко в генах и определяет поведение настолько базово, что бороться с этим все равно что против ветра плевать.

С точки зрения кибернетики[2] указанное обстоятельство означает, что случайно появившаяся у самца положительная мутация имеет больше шансов передаться потомству и изменить вид (у самца ведь могут быть сотни детей от разных самок), нежели полезная мутация, появившаяся у самки (самка принесет за жизнь всего лишь десятки детенышей). То есть самец имеет большее влияние на формирование будущего и выживаемость

вида.

Итак, резюмируем: самцы нужны для наработки новых свойств, они — расходный материал, который природа не щадя кидает в бой, а самки это новое наработанное качественное свойство закрепляют и консервируют, то есть сохраняют и передают в будущее. Именно поэтому разброс свойств у самцов больше, чем у самок, — среди них больше гениев и идиотов, гигантов и коротышек, сильных и слабых, а вот у самок все свойства более собраны — к серединочке кривой нормального распределения. То есть самцы идут в приспособительном смысле на шаг впереди самок, и по поведению и виду самцов всегда можно сказать, куда движется вид. Если природные условия изменились и теперь в данном ареале больше шансов выжить у лысых, то есть потерявших шерстяной покров особей, значит, самцы облысеют первыми.

Мы «лысые» обезьяны, то есть обезьяны, потерявшие по разным причинам шерстяной покров на теле. Мы единственный вид голых приматов. Все наши предки были волосатыми. И первыми потеряли шерстяной покров у нашего вида самцы.

Кроме того, когда-то наши предки были также не только шерстистыми, но и хвостатыми. А мы относимся к приматам бесхвостым. Это значит, что первыми хвосты начали терять самцы. А за ними уже подтянулось консервативное генетическое ядро вида — самки.

Сегодня, глядя на самцов и самок нашего вида, можно сказать, в какую сторону вид движется. Самцы нашего вида умнее самок. И, значит, наращивание интеллекта тоже является или являлось магистральным направлением нашей эволюции. Если по каким-то причинам выживают более рослые и умные, значит, они и оставляют больше потомство.

Так работает отбор. Кто-то всегда должен умирать. Как правило, это самцы, находящиеся на переднем крае войны с природой. Чтобы спастись в этом перманентном бою, популяция должна всегда быть в состоянии алертности, борьбы, всегда чувствовать «противника» краями. Ежесекундная борьба против нивелирующего воздействия энтропии, среды есть залог выживания. А вне противника, в тепличных условиях иммунитет и потенции к борьбе быстро атрофируются. Вот сейчас, например, на наш вид принцип естественного отбора уже практически не действует. Впрочем, это тема для отдельной книги…

Когда условия жизни ухудшаются, начинает рождаться больше мальчиков. По всей видимости, у женщин и других позвоночных млекопитающих данную регулировочную функцию запускают гормоны стресса. Вид увеличивает число самцов,

потому что требуется больше хворосту бросать в топку, поскольку вид нуждается в изменении качества под новые условия. А изменяют вид, как мы знаем, именно самцы. И их численный рост повышает шансы найти нужный вариант.

Еще один момент. Виды бывают разные — полигамные и моногамные. Моногамные создают более-менее устойчивые брачные пары, а у полигамных, например, один самец владеет целым гаремом. Так вот, вышеприведенную теорию функционального разделения полов прекрасно иллюстрирует тот факт, что у видов полигамных различия между самцами и самками более выражены, чем у видов моногамных. Это называется половым диморфизмом.

Моржи, например, полигамны. И самцы моржей много крупнее самок. Самцов и самок можно даже принять за разные виды — настолько они разнятся: в длину самцы моржей достигают 4,5 метра и весят до двух тонн, а самки вырастают до 3 метров и весят до 800 кг. …А вот волки моногамны. И самец волка крупнее самки всего на 20%. А не вдвое-втрое, как у моржей.

Почему так? Потому что у полигамных видов, то есть тех, где на каждого самца приходится десяток самок, а остальные самцы вообще не при делах, то есть лишние, очень высока конкуренция среди самцов за самок. Поэтому самцам выгоднее быть огромными, чтобы победить конкурентов.

А у нас? У нашего вида половой диморфизм не очень выражен — самцы выше самок в среднем всего на десяток сантиметров и тяжелее на пару десятков килограммов. Значит ли это, что мы моногамны? На этот вопрос я отвечу чуть позже, он требует отдельного разговора, а пока что мы разбираем, в чем кибернетическая причина двуполости. Вернее, уже разобрали. И попутно увидели, что разумность бывает вовсе без разума (с которым мы прочно отождествляем мозг) и наоборот — будучи разумным (имеющим развитый мозг), можно вести себя совершенно неразумно.

Почему?

Да потому что, повторюсь, мозг вовсе не предназначен для решения дифференциальных уравнений. Он всего лишь «аналитическая железа» для решения трех вопросов — где получше поесть, как получше сбежать от угрозы, где найти самку подоступнее. Все.

В мозгу для решения этих проблем существуют разные программы, блоки и отделы. Причем повреждение этих отделов порой приводит к забавным результатам. Так, например, известно, что в височных отделах мозга существуют особые зоны,

которые отвечают за опознание лиц. Повреждение такой зоны (она называется веретенообразной извилиной) приводит к тому, что человек перестает различать лица людей. А при воздействии на этот отдел мозга слабыми электротоками можно добиться удивительного эффекта — испытуемый начинает утверждать, что у врача на глазах меняется лицо на совершенно незнакомое!

Находящийся же неподалеку другой отдел мозга — верхняя височная борозда — влияет на число социальных связей у человека. Чем плотнее у человека этот участок (по данным компьютерной томографии), тем больше контактов у него в социальных сетях.

Именно устройство нашего мозга заставляет нас выделять себя из мира животных: люди прекрасно различают других людей по лицам и гораздо хуже других животных — для нас все волки на одно лицо. Другими словами, в мозгу непроизвольно складывается такая картина: есть мир людей, как явно видимых индивидуальностей, и есть весь прочий животный мир. Впрочем, так, по всей видимости, воспринимают мир все виды — они прекрасно различают «в лицо» особей своего вида и хуже отличают индивидуальности особей другого вида.

Предлагаю читателю в качестве самостоятельной работы подумать о том, что означает тот факт, будто для европейцев «все японцы на одно лицо»…

В общем, нами рулим не мы. Нами рулит устройство нашего «аналитической железы» и записанные в ней программы. Программы эти могут быть врожденными и благоприобретенными. Благоприобретенные — это условные, то есть наработанные рефлексы, а врожденные — это рефлексы безусловные. Иногда их еще называют инстинктами. Грань между рефлексами и инстинктами настолько тонка, если вообще существует, что Иван Петрович Павлов, в дальнейших представлениях не нуждающийся, вообще предлагал слово «инстинкты» не использовать, ограничившись словом «рефлексы».

Однако у широкой публики в ходу более употребительное слово — «инстинкт» (обычно соседствующее с приставкой «основной» и находящееся в одном ассоциативном ряду с сидящей нога на ногу Шэрон Стоун). Инстинкты нам как-то ближе, чем рефлексы.

Многие ученые считают инстинктивное поведение более сложным, нежели рефлекторное, и полагают, что инстинктивное поведение возникает как ответ на ситуацию и складывается из более примитивных рефлекторных реакций на раздражители. Но мы углубляться в эти тонкости не станем. Нам важно, что в основе любого поведения лежат инстинкты, то есть доставшиеся

нам в наследство и прописанные в конструкции комплексы программ.

Известный российский этолог Виктор Дольник говорил про обусловленность человеческой жизни инстинктивными программами следующим образом: есть программа — есть поведение, нет программы — нет поведения.

Если кому-то эта сентенция кажется слишком сильной или просто неочевидной, рекомендую задуматься вот над чем… Вам собирают компьютер по вашему заказу. Вы отдаете деньги и отправляетесь домой. Купили хорошую вещь! Однако вещь эта не работает, даже если вы подали на нее отличное питание из прекрасной розетки. Не потому, что сломана, а потому, что для работы нужны программы. Но вы же хитрый! Вы знаете об этом, и потому заранее приобрели лицензионный (кто бы сомневался!) диск оболочки и до кучи все те программы, которые могут вам понадобиться. Потому что компьютер не может работать без них!

Наш мозг — это компьютер, он получает данные, он хранит данные, он обрабатывает данные. Может ли компьютер работать без программ? Ответ известен. Значит, без программы не может быть поведения, то есть работы тела.

Большая часть наших программ любезным продавцом нам уже предустановлена — это инстинкты. Их очень много, потому что мы сложны и они составляют основу нашего поведения. Остальные программы наносные, мы их нарабатываем в течение жизни в процессе обучения. Они могут быть теми или иными — можно научиться говорить на русском, а можно на китайском. Можно наработать рефлекс прикрывать рот во время зевания, а можно зевать широкомасштабно и нестеснительно. Но основу, поведенческий базис мы получаем вместе с телом, наводя привнесенными программами лишь некоторый марафет. Кора служит подкорке, а мозг телу, а не наоборот.

Программы, вшитые в конструкт нашего тела, от него неотделимы. Собственно, и само построение тела начинается с программ — генетических. Именно они формируют тело — его каркас, органы, железы внутренней секреции, мозг. А как верно заметил в своей книге «Происхождение мозга» палеоневролог, доктор биологических наук Сергей Савельев, «морфологические принципы организации мозга образуют непреодолимый поведенческий барьер». Умри — лучше не скажешь!.. Как мы сделаны, так и ведем себя. Так что наша хваленая свобода воли ограничена нашим внутренним устройством. При этом надо помнить, что хотя мы все разные, но базовая модель у нас одна — обезьяна. И потому наша цивилизация — обезьянья.

Нам кажется, мы поступаем так, как хотим мы. Но

практически всегда мы делаем то, что хочет наша обезьяна. А мы лишь постфактум объясняем словами свои поступки, выдумывая какие-то псевдорациональные причины для того, чтобы объяснить окружающим или самим себе, почему мы поступили так, а не иначе.

Инстинкт дает позыв и причину, и мы поступаем. А потом натужно чешем репу, если нужно оформить свой поступок словесно. Порой это выглядит смешно. Когда, например, человек, у которого сильно выражена ксенофобия, начинает выдумывать какие-то причины, отчего чужаки — это плохо, и почему от них нужно избавляться.

Если человек совершает подлость, спасая свою шкуру и предавая других, он делает это под влиянием инстинкта. Если человек совершает подвиг, спасая других, он делает это под влиянием инстинкта. Просто разные инстинкты у разных особей выражены по-разному. Что не удивительно, у нас ведь и рост разный, и цвет глаз, и характер.

Кроме того, нужно помнить, что нервная система, этот великий координатор организма, есть приспособа весьма энергоемкая. В периоды интенсивной работы мозг потребляет до четверти энергоресурсов организма, а у мелких животных и больше! При этом мозг составляет всего 1/50-ю часть от веса тела!.. В моменты умственной деятельности — если такие моменты у вас в жизни были, конечно, — вы наверняка отмечали, что голова будто раздута и словно бы нагрета. А между тем никакого дополнительного кулера с целью ее охлаждения не предусмотрено!

Понятно, что такой форсаж поддерживать в постоянном режиме просто невозможно. Нужно как-то минимизировать затраты, чтобы не изобретать каждый раз велосипед. Для этого и существуют условные рефлексы и стереотипы, то есть приобретенные программки, которые, будучи однажды наработанными, потом включаются автоматически, не требуя анализа. С перегретой головой мы ходим не часто. Чаще там ветер свистит. Поэтому большую часть своей сознательной жизни мы проживаем неосознанно, реагируя инстинктивно, рефлекторно или стереотипно. То есть экономично. Лениво.

Так что граждане, которые слишком о себе возомнили, решительно открестившись от животного мира, слишком поторопились. Практически все их поведение в базе своей инстинктивно и направлено на удовлетворение базовых же телесных потребностей. А разум просто усложнил и надстроил эти потребности вещественно и поведенчески, не ликвидировав их фундамента. Потому что разум всего лишь слуга тела. Без тела

он не существует. Причем тело часто побеждает разум: люди разумом понимают, что должны больше двигаться, не переедать, не есть сладкого… Но телесная леность и любовь в плотским удовольствиям чаще всего разум пересиливают. И мозг покоряется телу. Хотя и понимает, что это сокращает длительность его бренного существования в нашем мире. На разве телу это объяснишь? Оно ведь слов не понимает!

И потому тело рулит корой!

Но кому принадлежит это тело? Что мы представляем собой как вид? И какое поведение характерно именно для нашего вида?

Часть 2
Число зверя

Тот, кто не видел живого марсианина, вряд ли может представить себе его страшную, отвратительную внешность. Треугольный рот с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца, как у горгоны… в особенности же огромные пристальные глаза — все это было омерзительно до тошноты. Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба, медленные движения внушали невыразимый ужас.

Герберт Уэллс

Человек представляет сам для себя загадку. Вы ведь наверняка задумались, отвечая на вопрос, моногамен наш вид или нет, потому что, с одной стороны, вроде бы моногамен, а с другой — тут же вспоминаются полигамные семьи в мусульманском мире. А ведь мусульмане не от моржей произошли!

Хищники мы или нет? С одной стороны, мы едим мясо, да и автор данной книги в первой ее части, сравнивая распространение нашего вида по планете, сопровождающееся уничтожением мегафауны и природных ландшафтов, говорил о «новом хищнике». Если бы мы произошли от робких травоядных, то быть может, и запустили бы процесс опустынивания, пожрав траву и растительность, но уж точно наше распространение по планете не сопровождалось бы пожиранием мегафауны. Потому что мясо для травоядных не видовая еда.

А для нас — видовая?

На эти вопросы я в свое время вскользь отвечал в книге «Апгрейд обезьяны», но теперь придется углубиться в проблему

подробнее. А также задать новый вопрос, более широкий — от каких существ вообще мог произойти разумный вид? В самом деле, чего нам замыкаться в рамках планеты Земля, если звездных систем во Вселенной — миллиарды? Скажем сразу за всех! Преподнесем читателю такой подарок в виде бонуса.

Сейчас зверь будет мною сочтен. Но сначала заглянем этому подарку в зубы.

Глава 1
На что зуб наточен?

Усы, лапы и хвост — вот мои документы!

Кот Матроскин

Их, как известно, у нас 32. У слона всего 6 зубов, у зайца их 28, у волка 42, у кошки 30, у акулы 300, а у улитки 30 тысяч!.. Но воюют не числом, а умением. Значит, число зубов еще ни о чем не говорит. Поэтому бессмысленными подсчетами заниматься не будем, а перейдем сразу к функционалу.

Зубы бывают трех видов — клыки, резцы и коренные. Возьмем слонов. Они травоядные и довольно крупные при этом. Это значит, что слонам нужно довольно много пищи. Слон питается по 14-16 часов в день, постоянно пережевывая зелень. Столь завидное трудолюбие не от хорошей жизни — слон должен успеть за сутки съесть два с лишним центнера травы, чтобы не умереть с голоду. А ведь еще поспать нужно!

Вся эта масса перетирается четырьмя коренными зубами — два сверху и два снизу, справа и слева. Зубы у слона длинные, во всю челюсть, нагрузка на них огромная, поэтому растут они практически всю жизнь. И представляют собой костяные гребни с плоскими вершинами для измельчения растительной пищи. Еще два слоновьих зуба — это бивни. Ими слоны ловко подрезают и сдирают кору с деревьев.

Похожими, хотя и не такими длинными, зубами для перетирания обладают и другие травоядные — коровы, лошади. А вот хищникам необходимы приспособления иной формы. Им нужны приспособления для захвата, поэтому хищники имеют развитые клыки. И когти.

Теперь нужно прояснить такой тонкий, но важный момент — кого считать хищником? Многим кажется, что хищником является то создание, которое питается другими представителями фауны и только фауны, а не флоры. При этом сам хищник может быть как фауной, так и флорой — ну есть же хищные растения, которые питаются мухами!

Однако тут есть свои тонкости… Возьмем китообразных. Касатка — безусловный хищник. Она охотится и на других китообразных, и тюленя с удовольствием слопает. А вот синего кита никто хищником не назовет. У него и зубов хищных, как у касатки, нету. У него вместо зубов китовый ус, то есть сеть, через

которую кит фильтрует… А что фильтрует? Криль! Синий кит съедает в сутки до тонны креветок. Но ведь креветки — это не растения, а вполне себе рачки! Почему же мы не считаем синего кита хищником?

Да по той же причине, по которой никто не назовет хищной птицей курицу, которая склевала червячка. Хищная птица — это сокол, который бьет других птиц. Или филин, который питается млекопитающими (мышками). Иными словами, хищным созданием мы называем то, которое питается существами своего таксона или «рангом» выше. Если птица ест насекомых, она не хищник, а тихая добрая птичка. Если цапля съела лягушку, она тоже не хищник, потому как что такое лягушка? Сплошное недоразумение! А вот если жаба съест мышь, то она хищник. И если варан съел оленя или ящерицу, он тоже хищник. Паук или богомол, съевшие мышку, — хищники.

В общем, этакий «биологически расизм» — если ты ешь что-то более примитивное, чем сам, то ты кто угодно, но не хищник. Насекомоядное, например. А если ты завалил себе подобного или даже нечто более совершенное по конструкции, чем сам, ты гордый хищник и тебе медаль!

А человек кто?

Этот вопрос порой раздирает интернет-пространство — в тех его местах, где собираются вегетарианцы и их противники. Они могут спорить об этом часами. И аргументация веганов, надо сказать, порой бывает не только весьма остроумной, но и чертовски точной с биологической точки зрения. Например:

«Если вы считаете, что человек является хищником, предлагаю вам попробовать поймать, убить и съесть зайца. Обычного ушастого зайца, живущего в лесах средней полосы. Волки, лисы, совы и многие другие хищники живут за счет этих милых ушастых созданий. Они на них охотятся и едят. Если вы хищник, то зайцы просто созданы именно для вас!

Поймать зайца?

Нереальная задача, если честно. Вы никогда не догоните зайца. Никогда! Даже если вы будете чемпионом мира по бегу, он от вас убежит. Но самое сложное — это его отыскать в лесу! У вас нет нюха, чтобы выследить зайца по его следам. У вас слабое зрение, вы не увидите его в темном лесу, пока он не подойдет к вам вплотную, чтобы подивится на такое нелепое и слабое существо как вы. Они так часто делают, любопытные твари они совсем не боятся и не уважают человека.

Вы не услышите зайца, так как у вас нет слуха как у хищника. Например, сова в полете слышит, как мышка шуршит под толстым слоем снега. Вы же не услышите даже топота тысячной

армии зайцев, которые вас окружают в темном лесу.

Но даже если вы и выследите его (скорее он вас), то не сможете даже близко приблизится к зайцу, так как не умеете бесшумно передвигаться по лесу, у вас просто для этого нет мягких лап, как у лисы или волка. Вы большой, неуклюжий и неловкий!

Убить зайца?

Допустим, вам удалось поймать зайца. Вероятно, это был старый и больной заяц-пенсионер, решивший покончить с собой изысканным способом. Думаете, вы сможете его убить?

Вы знаете, что зайцы нереально сильны? Ударом задних лап, на которых острые когти, они могут серьезно вас травмировать, настолько, что вы окажетесь в больнице. Опытные охотники это прекрасно знают. Но самое опасное — это их длинные и острые зубы. Когда вы схватите зайца руками, а больше вам его хватать нечем, он вам так располосует руку, что хорошо если вы когда-нибудь еще сможете ею пользоваться. Как вы понимаете, ухватить зайца за уши, как кролика, вам не удастся.

И даже если вы его успешно схватили и избежали могучих лап и острых зубов, как вы собираетесь его убить? Задушить? Вы представляете себе задачу схватить за шею отчаянно извивающееся и дрыгающееся существо? И даже пусть эта нереальная задача будет вами достигнута, как вы собираетесь его душить? Или вы всерьез надеялись сломать ему шею?..

Попробуйте перегрызть зайцу шею, как это делают все хищники! Впивайтесь зубами в его твердое тело, покрытое густой шерстью, и попробуйте прокусить эту шкуру! А мы все вместе посмеемся. Скорее заяц вас загрызет, чем вы его!

Съесть зайца?

Допустим, вы его поймали и убили. Вероятно, он сам умер от смеха, пока вы его пытались задушить. Как вы собираетесь его съесть? Со шкурой и костями? Ножа у вас нет, ободрать голыми руками вы не сможете — у вас для этого нет ни когтей ни зубов. Вам придется жевать зайца вместе с шерстью. Что из этого выйдет, я думаю, вам понятно, и если вас не вырвет сразу, то скорее всего вы умрете в муках от проблем в кишечнике, забитым шерстью и костями… Хищник сожрет зайца с потрохами и костями за пару минут, и через несколько часов все это успешно у него перевариться. Вы же от такого блюда попадете в операционный зал, где вам будут спасать жизнь.

Так какие же вы, на фиг, хищники, если даже зайца поймать и съесть не можете?.. Так что человек — хищник или вегетарианец? Если и хищник, то уж слишком нелепый».

Смешно. Но вопрос-то резонный — если человек

конструктивно не приспособлен для загонной (как псовые) или засадной (как кошачьи) охоты, то какой же он хищник?

Да, изобретя огонь и каменное оружие, мы стали «искусственным хищником». И то весьма относительным, потому что сырое мясо, как прочие хищники, мы не едим, практически всегда подвергая его предварительной обработке вне желудка с помощью огня, а то без этого и помереть можно (по некоторым данным, смертельная доза сырого мяса — около 1 кг; испытания проводить не рекомендую). Отсутствие ярко выраженных клыков и когтей также не говорит в пользу нашего хищничества. То редуцированное убожество, которое ныне представляют собой наши трогательные клычки и нежные ноготки, говорит лишь о том, что когда-то наши далекие предки, возможно, на кого-то и охотились, лазая по деревьям, но скорее всего это были крупные насекомые, потому что мы потомки насекомоядных. А наши коренные зубы больше подходят для перетирания зерен или, на худой конец, перемалывания хитиновых оболочек насекомых.

Да и желудочно-кишечный тракт наш, если присмотреться, на хищнический никак не тянет. Впрочем, и на травоядный тоже. Остап Бендер предполагал, будто гражданин Корейко произошел от коровы. Если бы это было так, гражданин Корейко питался бы травой, а его желудочно-кишечный тракт был бы устроен следующим образом…

Желудок гражданина Корейко, к удивлению Остапа, состоял бы из 4 отделов. Сначала слегка пожеванная гражданином Корейко зелень поступала бы в так называемый рубец. Рубец — это склад, где происходит хранение и первичная переработка в виде бактериального брожения. Когда склад заполнен, Корейко отрыгивает из рубца небольшие порции травы обратно в пасть и там ее задумчиво дожевывает по второму разу, неизменно наслаждаясь процессом.

Пережеванная повторно и обильно сдобренная слюной трава в виде кашицы идет обратно в пищепровод и уже оттуда, минуя склад, направляется в так называемую сетку, а затем в книжку, где происходит ферментация. Книжка называется книжкой за огромное количество «листов» или складок, то есть за большой объем поверхности данного отдела, где происходит переработка пищи бактериями-симбионтами и поглощение продуктов выделения этих бактерий развитыми стенками желудка. Четвертый отдел — сычуг — является завершающим, только в нем и происходит выделение желудочного сока.

У хищников строение желудка попроще будет. Он у них однокамерный, потому что хищник ест готовое мясо и ему, в отличие от травоядного, строя свое тело, не нужно делать мясо из

травы. Корова уже постаралась и произвела с помощью своего сложного пищеварительного аппарата из растительной пищи мясо своего тела, которое хищник в уже готовом виде поедает.

Кстати, не все травоядные имеют такой интересный «четырехтактный двигатель» внутри, как уважаемые парнокопытные коровы. Лошади, то есть существа непарнокопытные, сделаны немного по-другому. У них желудок однокамерный и дополнительное переваривание происходит в аппендиксе, который вмещает до 40 литров, и в толстом кишечнике. Даже по этому описанию понятно, что лошадь работает абы как и менее приспособлена для неспешного вдумчивого переваривания травы. Сравните сами — если у коровы объем сложносочиненного желудка составляет 200 литров, то у лошади всего 20. На порядок меньше! Оттого, несмотря на длинный кишечник, усваиваемость травы у лошади ниже, а навоз гуще. Сравните коровьи «лепешки» и конские «яблоки».

Лошадь жалко…

Про жалкую лошадь я завел речь не зря. Тот факт, что КПД «мотора» у несчастных непарнокопытных ниже, делает существование маленьких лошадок невозможным. Самая маленькая лошадка на планете размером с крупную собаку (30 кг), а самая маленькое парнокопытное — размером с кошку (2,5 кг). Разница по массе — на порядок! А все дело в том, что из-за несовершенства пищеварительного тракта и, соответственно, низкой усвояемости пищи, лошадкам меньшего размера просто не хватит энергии для существования, они и так работают на пределе тактико-технических характеристик, поскольку у маленьких животных в расчете на килограмм тела потребность в пище выше — за счет масштабного фактора (о котором ниже).

В этом смысле лошади не классические травоядные. Классические травоядные должны иметь такой желудочно-кишечный тракт, который я описал выше, рассказывая про корову. Лошадь его не имеет, и отсюда видно, что лошадь делалась на основе какой-то иной конструкции, по обходным технологиям. Действительно, предки лошадей — эогиппусы — были всеядными, поэтому у современных лошадей желудок по старой памяти остался однокамерным, лишь маленько модернизировавшись для приема одной травы.

Слон, с которого мы начали эту главу, тоже «однокамерный». И он тоже вынужден использовать вместо рубца, присущего жвачным, слепую и ободочную кишки для допобработки. Да и сам кишечный тракт огромного слона имеет всего 30–35 метров длины, как у сравнительно небольшой но по-настоящему

травоядной коровы. Поэтому ЖКТ слонов малоэффективен, почти половина съеденной слоном зеленой массы не усваивается его организмом и выбрасывается наружу, делая помет слона чрезвычайно вкусным и питательным для разной мелкой живности, на которую в этом смысле просто манна небесная валится. Кроме того, непереваренные зерна в навозе слонов часто прорастают, используя то прекрасное месиво, в котором находятся в качестве удобрения. Таким образом, слоны являются мощным формирующим ландшафты агентом, о чем, впрочем, мы уже говорили.

А все потому, что далекие предки слонов были всеядными созданиями, отдаленно напоминающими свиней с узкой мордой, которые жили в заболоченных местах и ничем не брезговали. Именно от них слонам и досталась «однокамерная конструкция». Но даже не будучи осведомленными о далеких предках слонов, про их всеядность можно догадаться, зная, что ближайшими родственниками слонов являются дюгони и ламантины. Они хоть и питаются в основном растительностью — водорослями, — но порой не прочь проглотить небольшую рыбешку, моллюска или краба — однокамерный желудок позволяет переработать и это.

У человека желудок тоже однокамерный. Значит, мы не истинное травоядное. При этом, как мы имели счастье убедиться чуть выше, человек совершенно точно и не хищник, ему даже с зайцем справиться трудно.

Длина кишечника у человека не так велика, как у травоядных, но и не так коротка, как у хищников. У хищника длина желудочно-кишечного тракта всего в 3 раза превышает длину тела, потому как больше и не надо: будучи сделанными из мяса, хищники поедают уже готовое мясо и весьма радуются этому обстоятельству. А вот травоядным, как уже было сказано, нужна целая фабрика по производству своего мясного тела из травы. Поэтому у травоядных длина кишечника в 8-10 раз больше длины тела.

А у человека?

А у человека ни то ни се — его кишечник в 6 раз длиннее туловища.

Кроме того, толстая кишка у хищников не только короткая, но и гладкая. А вот у травоядных она длинная и напоминает перевязанную веревками вареную колбасу или чугунный радиатор парового отопления с развитой поверхностью. У людей толстый кишечник тоже такой — как у травоядных! Если вы посмотрите на анатомические картинки, то увидите, что располагается эта батарея отопления весьма хитро — она словно обнимает все внутренние органы, поднимаясь снизу верх и затем

опускаясь вниз, обогревая обнятое.

Откуда в толстой кишке берется тепло? От жизнедеятельности живущих там микроорганизмов, которые поедают клетчатку. Одноклеточные в процессе своей жизнедеятельности выделяют просто уйму тепла! Это тепло может даже стать причиной пожара, скажем, на элеваторе, где микробы активно кушают влажное зерно. Такая же ситуация и у нас внутри.

Если не верите, можете провести такой эксперимент — начать голодание, перейдя на сжигание внутренних запасов жира. Казалось бы, печка исправно горит, организм худеет, сжигая подкожное сало. Но вас все время знобит! Почему? Да потому, что, не подавая топливо (клетчатку) микробам толстого кишечника, вы отключили главную батарею организма. В толстом кишечнике очень густая кровеносная сеть. Там кровь не только забирает питание, то есть продукты выделений наших микробов-симбионтов, но и обогревается. А вот когда вы начнете морить своих маленьких друзей голодом, станете замерзать.

Теперь посмотрим в человеческий желудок. Чего там?

Кислотность желудочного сока у хищников, измеряемая в pH, равна 1. У травоядных это значение приближается к 5. А у человека — около 4. При этом не забывайте, что шкала pH — логарифмическая, то есть изменение значения на единицу в ней соответствует десятикратному превышению или понижению параметра. Это значит, что по кислотности желудочного сока мы стоим гораздо ближе к травоядным, чем к хищникам, желудок которых переваривает не только сырое мясо, но и шкуру, шерсть, кости.

Чтобы эти самые кости пролезали в желудок, пищевод хищника относительно широк, в отличие от узкого пищевода травоядных, проглатывающих пережеванную в тюрю траву. А для получения этой тюри в ротовой полости травоядных наличествует огромное количество слюнных желез. Они не только способствуют легкому проглатыванию, но и участвуют в процессе пищеварения. В силу неудобоваримости растительной пищи, ее переваривание начинается практически сразу после попадания в организм — во рту, с помощью слюны. Например, слюна растительноядных, которые едят клубни и зернышки, содержит ферменты, способствующие переработке крахмала, который встречается в растительной пище, но не встречается в мясе. Поэтому у хищников такого фермента в слюне нет. Хищник вообще не жует пищу в нашем понимании, он ее кромсает и закидывает через широкую трубу пищепровода в луженый котел с соляной кислотой.

А у человека во рту с этим как? А у человека слюна содержит амилазу, то есть пищевые ферменты, перерабатывающие крахмал.

Теперь возьмем анализ крови на тот же показатель — pH. У хищника pH крови равен 7,2. У растительноядного зверя — 7,6. А у такого животного, как человек, показатель расположен аккурат посерединке — 7,4. Это не такая уж и маленькая разница. Вспомнив о логарифмичности шкалы pH, мы поймем, что кровь одних и других по числу свободных ионов водорода различается примерно вдвое.

Идем дальше. Хищники не имеют потовых желез. Как вы знаете, собака осуществляет терморегуляцию, вывалив наружу язык. А вот конь потеет. И мы потеем.

Хищники рождают слепых детенышей, а травоядные — зрячих. Наши самки рождают, как вы знаете, зрячих младенцев.

Кошки и собаки — классические хищники — пьют воду, лакая. А коровы, лошади и люди — всасывая.

У хищников в помете целая куча щенков или котят. Травоядные и люди рождают одного, редко двух.

Хищники в природе едят не часто — раз в несколько дней. Они набивают себе брюхо несколькими килограммами мяса и спят, спокойно переваривая его. Кошка, например, может проспать две трети суток… Растительноядные вынуждены питаться дробно и часто. У нас тоже завтрак, обед и ужин — вынь да положь!

Хищники плохо различают цвета, им это не обязательно. А вот для растительноядных отличить зрелый красный плод от недозрелого желтого очень важно. Кроме того, насекомоядных созданий опасные насекомые своей цветной расцветкой просто предупреждают: «Не ешь меня, я очень больно кусаюсь!» Именно поэтому глупые детеныши человека, которым показывают черно-желтые полоски, пугаются и порой даже начинают плакать. Это инстинктивный страх, наработанный сотнями тысяч лет. На этом генетическом страхе основана вся наша строительно-предупреждающая символика с желто-черными полосками.

Кстати, о глазах… У хищника бинокулярное зрение, то есть оба глаза направлены вперед для лучшего прицеливания. Бросок должен быть точным! Вспомните тех, кто ест живое, — льва, волка, филина… Они все обоими глазами смотрят вперед, на цель!

А у тех, кого едят, глаза, напротив, расставлены широко, как у коров или лошадей, чтобы иметь возможность обозревать местность почти на 360°, дабы в случае чего сразу заметить подозрительное движение и быстро сдернуть.

— Но ведь у людей глаза направлены вперед! — воскликнет

читатель, уже привыкший, что его плавно уводят от хищничества, и тут неожиданно воспрянувший духом.

Да, зрение у нас бинокулярное, друг-читатель, но точный прицел был нужен нашим предкам не для охоты, а для прыжков с ветки на ветку. Мы ведь все потомки древолазов. Наш утерянный рай — бесконечный океан тропических крон. И тут точный прицел даже важнее, поскольку промах на охоте означает только необходимость новой попытки, а промах при прыжке с ветки на ветку — падение и смерть.

Так что же получается в итоге? Кто мы?

По длине кишечника и щелочному составу крови — нечто среднее между хищниками и травоядными. По кислотности желудочного сока ближе к травоядным. По отсутствию рубца — к хищникам. По морфологии тела (отсутствие клыков и когтей, потовые железы и пр.) скорее растительноядные.

Что в результате?

Мы — всеядные! Типа свиней или крыс. Но все-таки ближе к растительноядным. Правильнее было бы назвать нас плодоядными или зерноядными. Да, мы можем есть животный белок, но легкий — прыгая по веткам, перехватить сырое птичье яйцо в гнезде, съесть мягкую, толстую, вкусную личинку или полуразложившуюся, то есть уже ферментированную падаль. Падаль — потому что сырое мясо для нас пища точно невидовая, слишком тяжелая. А гниение мяса (или деструкция мяса огнем) приближает его к нашему порогу усвояемости.

Короче говоря, мы действительно в состоянии, в силу универсальности пищеварительного аппарата, есть чужую плоть. Но мы можем запросто отказаться от мяса полностью и перейти на растительную пищу, и ничего дурного не случится — напротив, будет меньше проблем с артрозами и подаграми. А вот перейти целиком на мясную пищу для человека в самом буквально смысле означает смерть. И не надо говорить про северные народности, которые всю жизнь «только мясом и питаются»! Потому что это весьма распространенное заблуждение.

Летняя тундра дает огромное количество растительной пищи, которую якуты и прочие чукчи с эскимосами заготавливали впрок на зиму. Ну, про морошку, клюкву, бруснику, шикшу, голубику, чернику, шиповник и ягоды жимолости говорить не буду, сами можете припомнить эти подарки северной природы. А еще есть дикорастущий лук, корни и побеги горца живородящего, папоротник, орехи кедрового стланика, листья иван-чая, водоросли… Корни и травы северные люди консервировали, заливая моржовым или тюленьим жиром в мехах из тюленьей же

кожи.

Кора низкорослого тальника использовалась как приправа к нерпичьему жиру. Кора ивы, которую на зиму запасали в ямах, также употреблялась с мясом. Равно как и ивовые прутья и листья. Из листьев делали нечто вроде теста, перемешивая с жиром нерпы, давали этому месиву забродить, то есть пройти процесс ферментации вне желудка, после чего замораживали в естественном природном холодильнике — мерзлоте, сберегая таким образом на зиму. Ну а свежие нежные ветки и побеги ели по весне и в начале лета просто сырыми. Наконец, всегда можно было найти зеленую, уже ферментированную массу в желудке оленя.

Кстати, о желудках… На Чукотке был довольно любопытный способ запасания на зиму зелени — листья низкорослой ивы красивой кипятят в течение часа, после чего складывают в вывернутые оленьи желудки и заливают ивовым отваром. Есть и другой способ — просто залить листья холодной водой под гнетом. И зимой употреблять вместе с мясом и китовым жиром.

Клетчатка нашему виду необходима!..

И вот теперь, поняв, кто есть homo sapiens по природе своей, переходим к следующему вопросу — а могли ли мы быть другими?

Глава 2
Межпланетный конструктор

Как ни собираю, все время пулемет получается…

Из советского анекдота

Креационистов, то есть людей, верящих в сказки, очень нервирует, что человек произошел от обезьяны. Не хотят они этого всей душой! Протестуют. Открещиваются, как Каины от своего брата. Смешна им обезьяна. Или противна. А может, просто себя в ней узнают, и это не радует.

Люди, более близкие к науке, обычно возражают сказочникам: «Дарвин никогда не говорил, что мы произошли от обезьян, он писал, что человек и современные обезьяны имели общих предков».

И те и другие не правы.

Потому что человек не произошел от обезьяны. Он и есть обезьяна. Если подбить все итоги, то по зоологической классификации наш вид — homo sapiens — относится к узконосым обезьянам семейства человекообразных. Род — homo. Подотряд — настоящие обезьяны. Отряд — приматы. По подклассу мы плацентарные, а по классу — млекопитающие. Наша группа — челюстноротые надкласса четвероногих. Подтип — черепные. Тип — хордовые. А еще мы относимся к подцарству многоклеточных царства животных. А наше надцарство — ядерные.

И спорить тут, пожалуй, не с чем. Мало кто сомневается — даже из людей самых мракобесных и фанатичноверующих, — что человек — создание многоклеточное, а наши клетки содержат ядра. Все знают, что мы имеем позвоночник и череп, не мечем икру и не откладываем яйца — наши самки рожают, как коровы и прочие плацентарные, а выкармливают помет выделениями жироводной эмульсии из специальных желез.

Но когда вдруг всплывает слово «обезьяна»… Тут у сильноверующих начинается значительный «баттхерт», как любят говорить в Интернете. Или, выражаясь прилично, сильное внутреннее сопротивление при анальном выделении кирпичей — буквально на грани истерики. Причем никакие разумные доводы — ни морфологические, ни генетические, ни логические — на клиента не действуют: животное чувство протеста пересиливает в нем разум, который, цепляясь за соломинки псевдоаргументов,

начинает погружаться в болото креационизма.

Почему это происходит, а также биологические основы боговерия, мы рассмотрим позже. А сейчас, оценив человека, так сказать, вчерне и общо, попробуем призадуматься, мог ли он быть другим. Эйнштейн когда-то задавал себе вопрос: а мог ли вообще наш мир быть устроенным иначе? Уж больно Вселенная казалась Эйнштейну взаимосвязанной по всем физическим параметрам и логичной по построению. «Что меня, собственно, интересует, — восклицал он, — так это следующее: мог ли Бог сотворить мир другим, оставляет ли [ему хоть] какую-то свободу требование логической простоты?»

Мы с вами на всю Вселенную замахиваться не будем, мы, слава богу, не Эйнштейны. Мы попробуем разобраться с козявками — а какое животное вообще могло бы стать разумным в этой Вселенной?

Будет ли оно похожим на человека? Какого оно должно быть размера? Чем должно питаться? В какой среде жить?..

Начнем с простого. Ясно, что разумным видом может стать только вид стадный. Это настолько понятно, что в объяснениях не нуждается. Любой понимает, что цивилизация — это накопление информации и обмен ею. И накопление, и обмен возможны только между взаимодействующими особями. Если особь — одинокий хищник, ему не с кем обмениваться накопленными знаниями. Разве что детям передать. Так птицы учат птенцов летать, а лисы учат щенков охотиться. Но «перекрестного опыления» знаниями в данном случае не происходит — только линейная передача. Жиденькая тоненькая полуинстинктивная цепочка.

Накопление массива знаний, который сохраняется за пределами жизни одной особи, может происходить только с участием языка и в «кипящем слое» стадной множественности. Особи рождаются, взрослеют и умирают, а облако знаний остается. Оно живет независимо от конкретных индивидуумов, вися на сетке перманентного обмена информацией.

Следующий шаг в накоплении знаний — создание «третьей сигнальной системы», письменности. Она позволила консервировать информацию на энергонезависимых (в отличие от мозга) носителях — пергаменте, глиняных табличках и пр. Однако это случится потом. А пока мы нашли только первый критерий — стадность. Но какое именно стадное животное имеет наибольшие разумные потенции? Стадные ведь бывают травоядными, стаями охотятся волки, косяками держатся рыбы…

В фантастических романах фантазия авторов, описывающих братьев по разуму, не знает пределов. Мы можем встретить там

разумных осьминогов, например. А в одном из рассказов, я помню, фигурировали космические корабли размером с табуретку, поскольку разумный вид, который на них перемещался, бороздя просторы Вселенной, был совершенно крохотулечных размеров, вызывающих чувство умиления.

Есть и другая крайность — радикальный антропоморфизм. Его ярким представителем был коммунистический писатель Иван Ефремов — большой патриот голого человека. Наша обезьянья телесная оболочка представлялась ему верхом совершенства, и писатель горячо доказывал, что на всех планетах разумная жизнь должна быть гуманоидной, то есть строго обезьяноподобной.

Давайте же разберемся, кто прав, а кто будет горько плакать после разборок…

Морские виды отметаем сразу. Им никогда не создать цивилизации, несмотря на то что среди океанских обитателей попадаются весьма интеллектуальные существа. Одни дельфины с кальмарами чего стоят! Об интеллекте у животных мы еще, даст Бог, поговорим в свое время в других книгах, а пока сразу скажем, отчего мы выносим дельфинов и прочих обитателей моря за скобки научно-технического прогресса.

Дело в том, что научно-технический прогресс, который, собственно говоря, и является наполнением цивилизации, связан с широким использованием искусственных орудий из искусственных материалов — металлов, пластмасс, резин… А для их производства, для восстановления металлов из оксидов нужны высокие температуры, то есть открытый огонь. (И значит, добавим, нужна атмосфера со свободным кислородом, который является окислителем не только для искусственно созданных нами двигателей и печей, но и горючим для естественных биологических двигателей наших организмов, в которых медленно сгорает протоплазма биотоплива. Перекройте себе кислород, и вы не сможете больше окислять, то есть жить.) В общем, жизнь родилась в водном бульоне, но разумная жизнь может существовать только на суше. Я, честно говоря, с трудом представляю себе домны и электростанции в океанских глубинах.

Огонь, которым человечество овладело на заре своего существования, позволил нашему виду здорово раздвинуть ареал обитания — практически до размеров всей суши, причем по двум причинам: бурные экзотермические реакции давали тепло плюс позволяли широко использовать в пищу мясо — и то и другое оказалось особенно кстати в северных широтах.

К тому же огонь во многом сформировал психику человека, дисциплинировав дикую обезьяну. От огня зависела жизнь, и покуда его не научились добывать самостоятельно, его

приходилось на протяжении поколений (!) неугасимо поддерживать в пещере, ни на минуту о нем не забывая, заботясь о запасах просушенных дров, сменном дежурстве. Это было предельно важно. Огонь был центроосновой жизни, которая вся строилась вокруг костра. Именно с той поры, кстати, пошло поклонение огню, и наш современный Вечный огонь на Могиле Неизвестного Солдата — сохранившийся рудимент каменного века, пробившийся сквозь язычество и единобожие с их огнями жертвенников и лампадок. Огонь подарил нам дом. Огонь (вместе с загонными охотами) подстегнул развитие речи, потому что требовали координации действий…

Вы никогда не обращали внимания, насколько дрессированные, то есть окультуренные, собаки чувствуют себя выше собак неотесанных? Прошедшие школу дрессировки псы возвышаются над пустыми лающими шалоболками, как офицеры над штатскими штафирками. Они полны чувства собственного достоинства, они знают жизнь, они снисходительно глядят на дурашливых собачонок, они не носятся как оглашенные, у них есть серьезное дело — охранять территорию или сопровождать слепого. Они внутренне обтесаны и окультурены, то есть понимают, что можно, а что нельзя. Примерно такую же роль сыграл с полудикими обезьянами огонь…

Далее. Вид, который может нести груз разума, должен иметь для этого хотя бы одну свободную конечность, пригодную для работы. Лучше две. Дельфины очень умны, но рук у них нет, пассатижи взять нечем. И жирафу нечем! Значит, конечности нужно освобождать, переходя на бипедию (хождение на двух конечностях) или тетрапедию (если вид, допустим, шестиногий). Причем высвобождение конечностей должно произойти заранее, еще в диком состоянии, то есть по вполне животной нужде, а не с целью взять в руки какое-либо орудие, потому что у эволюции нет цели. Это очень важное замечание, которое я вам рекомендую запомнить. Из него вытекает принципиальное отсутствие смысла жизни, например…

Манипуляторы, которыми разумное существо преобразует мир, мы обычно называем руками. Руки произошли от ног. То есть от конечностей, предназначенных для перемещения в пространстве. Как они освобождаются в природе для осуществления иных функций? Постепенно. Легче всего взять «ноги в руки» тем существам, которые ходят не по плоскости, а по веткам. Потому что ветки в сечении круглые, они хаотично расположены в пространстве, их нужно обхватывать, для чего иметь хватательный манипулятор. А отсюда уже один шаг до того, чтобы схватить в такую заточенную под хват ногоруку плод,

растущий на той же ветке, и отправить его в пасть. Затем можно взять и камень. И палку, которой кого-то стукнуть или что-то поковырять.

Ни одно четвероногое, ходящее по земле, не освободило конечности для будущей работы. Это сделали обитатели крон. Ну и отчасти грызуны, которые зажимают в передних лапках орехи и грызут их, хотя передвигаются все равно на четырех, а не на двух. Прекрасны и универсальны от природы также манипуляторы головоногих моллюсков, но цивилизации в океане, как мы уже поняли, быть не может.

Также представляется, что в деле разумного развития действует принцип универсальности, то есть больше шансов стать разумным имеет более универсальный вид. Скажем, у вида с монопитанием, типа муравьеда или коалы, слишком узкая пищевая ниша и слишком высокая специализация. Подобный вид совершенен, и ему незачем развиваться, поскольку развивать могут только неприятности, недостаточность, дефицитность. А если вид идеально заточен под существование в данном месте на данном типе питания — это тупик, предел совершенства. Зато предельно совершенный вид неустойчив! Его специализация может сыграть с ним злую шутку — исчезновение муравьев убивает муравьедов: больше они ничего есть не могут.

А вид с универсальным типом питания может выжить. Когда-то наши предки не от хорошей жизни спустились с крон деревьев в саванну, овладели мелководьем. Принужденные выживать в новых, необычных условиях, встали на задние ноги. Нужда гнала и заставляла компенсировать недостаток телесной приспособленности приспособленностью поведенческой. То есть развитием «аналитической железы». Благо телесная конструкция это позволяла.

Зная принцип универсальности, можно также сделать вывод, что разумное животное должно быть теплокровным, то есть автономно поддерживающим рабочую температуру тела с помощью самоподогрева. На это тратится уйма топлива — теплокровные при одинаковой массе жрут больше, чем хладнокровные, в десять раз! Но автономность есть универсальность, и за нее приходится платить! Мы, конечно, можем представить себе какую-нибудь теплую планету, на которой легко прожить и будучи рептилоидом — без лишних заморочек с самоподогревом. Но такому виду никогда не освоить всей планеты, например, ее полюсных широт, тут не спасет даже искусственная изоляция в виде одежды, поскольку одежде нечего будет сохранять: своего-то тепла организм не вырабатывает, он пользуется теплом окружающей среды. А если его нет, нет и

организма.

Кстати, тут же вопрос — а зачем разумному виду осваивать всю планету? Почему бы не остаться там же, где возник как вид, — и «разуметь» уже там? А затем, что только изменение условий на непривычные заставляет вид развиваться, компенсировать недостаточную телесную приспособленность иными методами. Мы свой первый шаг освоения планеты сделали, покинув эдем лесных крон, для существования в коем были заточены природой. Затем наши предки ушли на север, где жестокие условия природы заставили их включить голову — освоить огонь, строительство жилищ, шитье сложной одежды… Что потом закончилось научно-технической революцией. А в колыбели цивилизации — Африке — люди в юбочках из пальмовых листьев до сих пор бегают с копьями и питаются корешками.

Есть и еще одно соображение касательно необходимости осваивания всей планеты целиком. Представим себе, что некий неуниверсальный вид каким-то чудом все-таки начал помаленьку становиться разумным. Однако его телесно-пищевая неуниверсальность не позволяет разумному зверю освоить те части планеты, которые лежат за пределами его природной приспособленности. Казалось бы, ну и что — пусть живет и строит цивилизацию в пределах своего природного ареала, будучи не в силах освоить, например, приполярные районы. Однако кто даст гарантии, что когда-нибудь из-за пределов ойкумены, из-за горизонта недоступности не придет некто более универсальный и не вытеснит тебя? Разум в эволюционном смысле есть сильнейший инструмент экспансии. И эта экспансия в пределе охватит всю планету и даже выйдет за ее пределы, что мы имеем счастье наблюдать на примере своего вида. Так что неуниверсальный вид имеет все шансы проиграть в гонке виду универсальному. Собственно, разум есть просто инструмент дальнейшей, «заморфологической» универсализации, то есть универсализации не за счет телесной приспособленности, а за счет приспособленности поведенческой, инструментальной, технической.

Между прочим, примерно так и происходило на нашей планете! Когда-то на Земле существовало несколько разумных видов, и в результате острой конкуренции между ними остался в живых только один вид — наш. Конкуренция этих разумных видов отнюдь не напоминала фантастические романы с их безумным полетом фантазии, где спрутообразный разум стреляет по человекообразному. Нет, все было неинтереснее и банальнее — земные разумные виды очень напоминали друг друга, поскольку все принадлежали к обезьянам, что только доказывают

мою правоту: наиболее универсальный тип конструкции в эволюционной гонке прорывается вперед, производя на своей основе несколько схожих моделей, которые и конкурируют меж собой.

Самая известная история смертельной конкуренции двух разумных видов на нашей планете — это история многотысячелетней войны на уничтожение между кроманьонцами (нашими предками) и неандертальцами. Менее известно широкой публике о других разумных существах. А между тем каких-нибудь сто тысяч лет назад на Земле жило как минимум пять (!) разумных видов, включая наш. Однако на финишную прямую вышел только один. Неандертальцев, хомо эректуса, флоресийского человека, так называемых «денисовцев» наши предки полностью загеноцидили. После чего процесс соревнования переключился уже на внутривидовую конкуренцию — мы стали резать друг друга.

Эволюция равнодушно смахнула с доски несколько менее удачных разумных моделей, а ведь какое-то время они шли с нами по дороге социального прогресса ноздря в ноздрю, кое в чем нас даже опережая. И уж во всяком случае страдали и любили они не меньше нашего. Однако кто из читателей этой книги, принадлежащий к биологическому виду homo sapiens, знает о параллельных разумных видах, которые когда-то жили вместе с нами на планете? О тех же homo floresiensis, например?

Их еще иногда называют «хоббитами» — за малый рост. Росточка эти человечки были и в самом деле маленького — взрослые особи едва достигали метра, а головка у них была размером с крупный грейпфрут. Но тем не менее у флоресийских людей была своя культура, они умели пользоваться огнем, делали довольно сложные орудия — изготавливали каменные лезвия, которые крепили на деревянные рукоятки… Биологи назвали этот вид человека homo floresiensis по имени острова Флорес в Юго-Восточной Азии, где останки этих «параллельных людей» были впервые обнаружены в 2003 году. Вокруг найденных костей «хоббитов» находились обглоданные кости стегодонов (карликовых слонов), лягушек, рыб, птиц…

Судьба разумных карликов печальна. По одной из версий, их 12 тысяч лет назад уничтожило извержение крупного вулкана, по другой же — «хоббитов» постигла участь неандертальцев, — иными словами, они не выдержали конкуренции с homo sapiens. В пользу второй версии говорит следующий факт — легенды аборигенов Флореса рассказывают о маленьких волосатых людях, которые когда-то жили на острове. Они, если верить легендам, умели разговаривать на каком-то своем наречии и имели

длинные руки. Кстати, раскопки показывают, что homo floresiensis действительно имели удлиненные конечности.

Не менее трагична и интересна судьба «денисовского человека», найденного в Денисовой пещере на Алтае. «Денисовцы» имели культуру более развитую, чем неандертальцы, также обитавшие на Алтае. Если наконечники и скребла неандертальцев довольно примитивны, то «денисовцы» были обладателями материальной культуры, которая соответствовала культуре homo sapiens каменного века. Помимо обычных кремневых орудий «денисовцы» делали орудия костяные, включая миниатюрные костяные иглы для шитья с аккуратно просверленным ушком, а также разного рода украшения.

Больше того! У них были даже обнаружены следы «глобализации», то есть зачатки формирования экспортно-импортной «экономики», — об этом, например, свидетельствует найденный в пещере браслет. Он довольно сложен в исполнении — набран из разных материалов, причем некоторые из них были подвержены станковой расточке. То есть у этого параллельного разумного вида уже были деревянные токарно-сверлильные установки с лучковым приводом. Но дело даже не в этом. А в том, что минерал хлоритолит, из которого набран браслет, доставлен к месту его нахождения за 250 километров, а шарики из скорлупы страуса, также бывшие составными частями браслета, являлись, по всей видимости, тогдашней «драгоценностью» и были «импортированы» аж из Монголии! До обнаружения «денисовцев» подобный уровень технологий и обменных связей ученые приписывали представителям только нашего вида.

И ведь что интересно — и «хоббиты», и «денисовцы» обнаружены совсем недавно. А сколько еще земли не перерыто! Так что вполне возможно, что боролись за планету не пять разумных видов, а семь или двадцать.

Получается, что на пути к планетарной экспансии разума есть еще один этап — этап межвидовой разумной конкуренции, когда группа близких видов, которые представляют собой по всем морфологическим параметрам наилучших кандидатов в разумные животные, начинает жесткое соревнование в «прихожей цивилизации». И вторых-третьих мест в этом соревновании не предусмотрено. Выигрывает тот вид, который читает эту книгу.

Неандертальцы были крупнее, сильнее, обладали к моменту «боестолкновения» не менее развитой культурой (по некоторым данным у них были даже зачатки религии, то есть мифологические представления о том свете), но мы их убили. Флоресийские люди были маленькими и трогательными, но мы

их убили. «Денисовцы» были одного с нами размера, но мы их убили.

Нехорошо получилось…

Попечалившись и пролив скупую каинову слезу, вернемся чуть назад, к истокам зарождения разумной жизни, к типу питания. Об этом, думаю, долго говорить не придется. Поняв принцип универсальности, вы, наверное, уже и сами ответите, какой тип существ имеет больше шансов стать разумным. Конечно, всеядное создание! Или хищник. И никогда травоядное. Потому что хищники умнее травоядных, а жвачные стали символом тупости. Чтобы рвать траву, которая растет везде, много ума не надо. А вот чтобы искать добычу и совершать сложные, а порой и взаимокоординированные с другими особями твоей стаи движения при совместной охоте, прицеливаться, понимать, где срезать угол и как заложить траекторию, рассчитать прыжок, — для этого нужна сложная аналитическая машинка.

Это показывают и эксперименты. Если собака в щель ширмы видит, как проскочил кусок мяса, влекомый экспериментатором за ниточку, она без всяких проблем сообразит, в какую сторону бежать, чтобы обогнуть ширму и перехватить мясцо там, где оно, по ее расчетам, должно появиться. Это тривиальная для хищника задача. А вот какая-нибудь курица, из-под носа которой увели зернышко, опешит, не поняв, куда бежать. Не привыкла она к решению таких задач: зернышки не бегают!..

И все-таки, выбирая между хищником и всеядным, я бы сделал ставку на всеядное. Потому что хищник слишком специализирован, то есть хорошо приспособлен. Ему не надо компенсировать свою убогость умом, потому что он не убог. А вот наши предки — голые в голой саванне — были убогими созданиями. Жалкими и ничтожными. Без клыков и когтей, без гепардовой скорости и львиной силы. Поджирать за большим хищником или стервятниками падаль они могли. А путь в будущее им расчистило оружие — продукт умственной компенсации.

Кроме того, всеядному и вооруженному просто проще заселить всю планету, превратив ее целиком в свою экологическую нишу, поскольку в разных климатических областях произрастают и «произбегают» разные представители флоры и фауны, потребить которых в пищу поможет универсальный желудочно-кишечный аппарат. А чем важна полная колонизация планеты, мы уже поняли.

Таким образом, выбирая между всеядным и хищником, я сделал бы ставку на всеядное. Причем такое всеядное, которое

ближе к растительноядному. Не медведь, но свинья. То есть к существу, которое может при случае съесть мясо, но главным продуктом питания для него является пища растительная — плоды, корни, зерна, иногда трава. Почему?

Хороший вопрос!

Знаменитый австрийский биолог Конрад Лоренц — родоначальник этологии, много сделавший для изучения агрессии в животном мире, отмечал, что тяжеловооруженные виды (а это всегда хищники) могут, используя свое природное оружие в виде клыков и когтей, легко убивать друг друга. Это не способствует сохранению вида. Поэтому природа ввела в них необходимые предохранители в виде инстинктивного поведения, ограничивающего насилие по отношению к своему виду. Это не значит, что львы не убивают друг друга. Это значит, что они делают подобное в меньшей степени, чем способны. Выяснения отношений среди хищников обычно заключается в моральном подавлении противника, пустых угрозах или ритуальном поединке по определенным правилам — чтобы не убивать до смерти.

Отчего собака рычит и скалится, прежде чем укусить? Демонстрирует оружие! Это инстинктивное поведение. То есть неосознаваемое, бессмысленное. Но оно тем не менее вполне разумно — лучше сначала припугнуть, чем сразу тратить силы на реальную борьбу. Вдруг сработает, и сил тратить не придется! А если дело и дойдет до силовой схватки с особью своего вида — в поединке за самку например, — драка будет проходить по правилам. Достаточно одному волку сделать ритуальное движение «сдаюсь», как агрессия победителя сразу гасится. Будто рубильник повернули.

Эволюция встроила в конструкцию хищников инстинктивные запреты перед убийством себе подобных. Это было нужно природе для сохранения вида, и только потому оно есть. Однако природа экономна, она никогда не поддерживает ничего лишнего. Соответственно, у невооруженных видов, у нехищников таких запретов перед убийством себе подобных не существует. Они им не нужны: нечем убивать.

Но острая конкуренция за экологическую нишу требует убийств! Окончательное решение неандертальского вопроса было осуществлено по причине изобретения оружия, и когда планета была очищена огнем геноцида от близкородственных разумных видов, начался новый этап конкуренции — внутривидовой. Самая жесткая конкуренция — с полным выносом конкурентов из жизни — очень ускоряет прогресс. Выживают в самом буквальном смысле этого слова те сообщества, которые придумали лучшее

оружие, лучшую тактику, лучшее взаимопонимание и взаимовыручку.

Хищник же слишком благороден для такого грязного дела. Да, хищники-самцы без колебаний давят котят и щенят чужого помета, если, изгнав самца-конкурента, овладевают чужой самкой, — и это естественно: передавать в будущее нужно свои гены, а не чужие, — однако перед убийством взрослых особей у хищников вшит «запрет Лоренца». Он не абсолютен, но у нашего вида такого запрета вообще нет, поскольку мы не хищники, а плодоядные. Нет у нас ни клыков, ни рогов, ни когтей. Соответственно, нет и предохранителей. Поэтому представители нашего вида без колебаний уничтожают и самцов, и самок, и детенышей. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить историю или просто открыть Библию, в которой Господь прямо требует от своих возлюбленных сынов проводить этнические чистки, вырезая в захваченных городах всех до последнего, включая стариков, женщин, младенцев, и грозит небесными карами за малейшее сочувствие. Это признак полного отсутствия природных тормозов.

В общем, поскольку хищники — существа более рыцарственные, чем травоядные, внутривидовая конкуренция среди разумных хищников была бы, по всей видимости, не столь напряженной, как у разумного вида, принадлежащего к растительноядным и всеядным.

Мы пока что имеем возможность наблюдать рождение и развитие разумной жизни только на одной планете — нашей. И видим, что на начальном этапе «разумения» жесткость и жестокость конкурентной борьбы была максимальной. В случае межвидовой конкуренции она привела к тотальной зачистке планеты от конкурентов. А в случае конкуренции внутривидовой приводит к периодическим этнокультурным зачисткам. Но мы также видим и то, что чем дальше по дороге прогресса движется вид, тем больше конкуренция смещается от кровавой реальности в сторону виртуальности — к конкуренции экономической, культурной, политической, спортивной, в сторону соревнования в области информационных технологий. Именно это сегодня самое важное, главное и острое, а физическое уничтожение не только перестает быть необходимым, но становится даже вредным, поскольку в мире, где падает рождаемость, рабочие руки делаются все более дорогими.

Итожим… Я голосую за всеядное существо. Скорее, ближе к плодоядному. Точно не хищник! Но точно с возможностью есть мясо и стать в потенции убивающим хищником. С возможностью всегда или изредка передвигаться только на части имеющихся

конечностей. С точными хватательными манипуляторами на конечностях для потенциального использования орудий. И непременно с бинокулярным зрением! Бинокулярное зрение понадобится потом для охоты.

Без охоты не стать разумным!

Если у хищника для охоты есть готовые штатные инструменты — когти, клыки и бинокулярное зрение, то «кандидату в хищники», чтобы скомпенсировать первые два отсутствующих пункта, придется изобретать оружие. А вот бинокулярное зрение не изобретешь, его нужно просто иметь.

Когда молодым мамам врачи говорят, что они должны развивать у своих детей мелкую моторику рук, для чего покупать соответствующие игрушки, они совершенно правы. Потому что мелкая моторика манипуляторов связана с точным мышлением. Иными словами, кандидату в разумные виды нужны те отделы мозга, которые отвечают за точную координацию. На этом в дальнейшем будет строиться инструментализм цивилизации.

Использование орудий труда — первый шаг к разумности. Но не последний. И даже не главный. Не труд и не использование орудий создали человека. Слон тоже неустанно трудится, щипля травку и валя деревья, чтобы объесть кроны. Но разумным он так и не стал. Многие животные используют предметы как орудия труда. Но цивилизации они не создали. Одного труда мало! Если идиот будет всю жизнь махать кувалдой, он все равно не превратится в Эйнштейна.

Не труд причина разумности, а разумность причина труда.

Развитый мозг, приспособленный для решения пространственно-координатных задач, и свободные для будущей работы конечности — вот залог прогресса!

Вся наша наука, весь наш инженерно-технический прогресс есть не что иное, как сплошное решение пространственно-координатных задач. И идет это изначально от точности и мелкой моторики, то есть от условий жизни, требующих точной координации движений.

Решение пространственно-координатных задач, которое обеспечивается высокой счетно-решающей способностью мозга, — это ведь не только прыжки с ветки на ветку, не только охота с преследованием и расчетом скоростей и траекторий. Это в будущем вычисления в чистом виде — математика и геометрия, то есть цифровая основа прочих наук и дисциплин — физики, астрономии, инженерии.

Справедливость этих слов подтверждается самой жизнью нашего вида. Тот, кто охотится, тот и движет прогресс. Наш вид и его предки сотнями тысяч лет существовали в режиме загонной

охоты с помощью примитивных каменных наконечников. Достаточное время для отбора. При этом охотились только самцы. Самки сидели по пещерам и жилищам, обеспечивая тылы, — шили, возились с детьми, искали корешки… Результат? Он очень не понравится феминисткам: те области мозга, которые отвечают за решение аналитических и пространственно-координатных задач оказались лучше развиты у самцов. Соответственно, всю науку и весь прогресс двигали именно самцы.

99% изобретателей в мире — мужчины. 94% ученых, фигурирующих в человеческой истории, — мужчины. Да и сегодня ничего не изменилось: в ядерной физике 98,3% специалистов — мужики. 91% статистиков и 99% инженеров — мужчины. 99% пилотов пассажирских самолетов — мужчины. В этой связи я позволю себе процитировать собственную книгу «Конец феминизма»:

«Даже в тех странах, где принудительно загоняют женщин в равноправие, как, например, в Новой Зеландии, Австралии, Британии, и то с присутствием женщин в точных науках — полная жопа! До смешного доходит: ты равноправие в дверь загоняешь, а оно в окно улетучивается. Скажем, в перечисленных странах стараются искусственно поддерживать половой баланс среди учителей (чтобы было поровну М и Ж)! Это удается: с помощью административных усилий баланс соблюдается — учителей-женщин практически столько же, сколько учителей мужчин, но… Но физику все равно преподают 82% мужчин и только 18% женщин. Аналогичные результаты по преподаванию других точных наук — лидируют учителя-мужчины. А женщины преобладают в преподавании языковых предметов, музыки, рисования и пр.»

Многочисленные исследования показывают: различия между мужчинами и женщинами в области решения пространственно-координатных задач превышают их различие даже в уровне агрессивности и сексуальных повадках! А отсюда следует тотальное превосходство бывших охотников в точных науках, логических рассуждениях, вычислительной практике, ориентировании на местности, определению размеров и скорости объектов. Мужчина сразу на глаз скажет, войдет шкаф в стенную нишу или нет, и поместятся ли остатки водки в бутылке в рюмку, а женщину эти задачи вгонят в ступор. Женщины также на порядок хуже мужчин решают задачи по мысленному вращению трехмерных объектов — соответственно, хуже разбираются в чертежах и картах.

Наиболее показательны в этом смысле тесты с лабиринтами.

В Йельском университете, например, их успешно решили 92% мужчин и 8% женщин. А проведенные в Британии эксперименты показали, что с первого раза припарковать машину рядом с бордюром удалось 58% мужчин и лишь 5% женщин. Что говорит о разном устройстве мозга и разной его работе у мужчины и женщин. Собственно говоря, это известно всем — женщины больше интересуются людьми и отношениями, а мальчики — предметами и техническими характеристиками.

В общем, охота как развиватель и одновременно свидетельство развитости тех зон мозга, которые потом понадобятся для науки, есть признак хищника. И этим «искусственным хищником» пришлось стать плодоядному созданию со способностью переваривать мясо. Созданию, слезшему с дерева и освободившему конечности, чтобы в северных широтах, где мяса больше, чем растительности, добывать себе пропитание с помощью орудий.

С этим ясно. Теперь разберемся с габаритами разумного существа.

Каким должен быть по размерам кандидат в разумные? Могут ли к нам прилететь братья по разуму а-ля мальчик-с-пальчик на звездолетах размером с табуретку?

Иначе говоря, как влияет на жизнь масштабный фактор?

Многие люди полагают, что при изменении размеров ничего принципиально не меняется, кроме масштаба. Если всех уменьшить в сто раз, ничего худого не случится! Просто будем меньше кушать, строить маленькие домики, крохотные тракторчики, но никто ничего даже и не заметит, поскольку все ведь уменьшится пропорционально! Подумаешь!..

Однако все не так просто. Трехмерное пространство, в котором мы живем, диктует свои законы. Ведь не только у вещества есть свойства. Свойства есть и у пространства. Трехмерное пространство характеризуется тем, что при увеличении линейных размеров дела его площадь меняется как квадрат от линейных размеров, а объем — как куб. И вся недолга…

Представим себе сферического коня в вакууме. Если вы вдвое увеличиваете рост коня, площадь его поверхности вырастает в четыре раза, а объем коня — в восемь раз! Но что такое объем? Это, по сути, масса, потому что весь объем ведь заполняется мясом, и если объем коня умножить на плотность коня, получим массу коня.

Какие же следствия из трехмерности пространства проистекают для животного мира? Их два — тепловое и гравитационное. Начнем с последнего.

У мышки тоненькие косточки, а у слона толстенные кости. Но мышка может упасть со шкафа, что для нее все равно как с небоскреба, и ей ничего не будет. А вот слон, упав всего-навсего с высоты своего роста, рискует уже не встать, ибо может поломать кости.

По той же причине муравей может поднять груз в 50 раз больше собственного веса, а слон — только 10% от своего веса. Вот такое непропорциональное масштабирование. Причина непропорциональности — в тех самых указанных выше свойствах трехмерного пространства: при увеличении линейных размеров зверя всего в два раза, его вес возрастает в восемь раз. То есть зверек стал выше всего в два раза, а опорно-двигательному аппарату нужно будет выдержать восьмикратную нагрузку против прежней модели. На сколько для этого должна вырасти толщина костей? Прочность кости пропорциональна площади ее сечения. Значит, в восемь раз наращиваем.

Именно поэтому толщина костей у крупных животных предельна и взята почти без запаса прочности. Ее просто неоткуда черпать! Давление на один квадратный миллиметр кости у слона и так почти в 20 раз превышает аналогичный показатель у мыши. Оттого крупные звери при падении ломают ноги, а мыши никогда.

То же самое и с поднятием тяжестей. По абсолютной силе слон, конечно, рекордсмен — несколько центнеров может поднять! А по относительной, как мы видели, муравей много сильнее. Потому что сила мышцы, как и прочность кости, также зависит от поперечного сечения. А поскольку масса растет быстрее площади, то есть быстрее силы, сила за массой просто не успевает. Зверь слабеет с каждым набранным сантиметром роста или длины.

Что же это получается — маленьким быть выгоднее? Чем меньше, тем лучше? Да, маленькие существа относительно сильнее и прочнее. Но, принимая конструкторское решение, какой вид делать разумным, нужно учитывать два момента. Первый — размер мозга. Единицей мозга является клетка. Все клетки примерно одинаковы по размерам — что у больших животных, что у маленьких. При этом мы понимаем, что чем больше базовых логических элементов в нашем мозговом компьютере, тем он мощнее при прочих равных. С этой точки зрения лучше брать черепную коробку покрупнее — туда больше вычислительных мощностей поместится.

Второй момент — тепловой. Мы помним, что с изменением линейных размеров площадь тела меняется как квадрат, а масса тела — как куб. Понимая это, биологи еще в середине XX века

подсчитали, что теоретическим пределом для теплокровного существа будет размер мыши или чуть меньше, поскольку при снижении размеров масса падает быстрее, чем площадь поверхности тела.

Меж тем масса — это производитель и аккумулятор тепла, а вот поверхность тела — его радиатор, то есть излучатель в окружающее пространство. Это значит, что при уменьшении размеров зверя производство тепла падает быстрее, чем потери. И если крупные звери, типа слона, у нас предельны по прочности конструкции, то мелкие — предельны по тепловым характеристикам. И потому зверя меньше мыши ученым было представить себе трудно: чтобы поддерживать температуру тела, ему придется жрать калорийную пищу практически круглосуточно.

Каково же было удивление, когда такой зверь был обнаружен! И обнаружен не где-то в далеких от всяких университетов джунглях, а прямо в густонаселенной Европе. Этим зверем оказалась этрусская землеройка. Она долгое время оставалась необнаруженной не только благодаря подземному образу жизни и мелкости, но и потому, что никто, кроме сумасшедших криптозоологов, увлекающихся поисками динозавров и снежного человека, ее не искал: а зачем искать то, чего теоретически быть не может?

Найденный зверек был не более 4 сантиметров в длину, а его масса была на порядок меньше масса мыши — землеройка весила всего 2 грамма. При таких параметрах, чтобы вырабатывать и поддерживать быстро утекающее из крохотного тельца тепло, зверьку приходится почти не спать и съедать за сутки в 4-6 раз больше своего веса. Это просто живая горелка! Турбинка для постоянного сжигания биомассы!

Для сравнения: синий кит съедает в день 8 тонн еды. Но это всего лишь 5% от его веса. Слон уминает 2 центнера травы. А весит он 4 тонны. Процент подсчитайте сами.

Пульс у слона — всего 25 ударов в минуту. Ему спешить некуда. Тут проблемы как раз с избытком тепла, его излишки нужно как-то сбрасывать, для чего у слона предусмотрены огромные уши-радиаторы. И нету шерстяного покрова, чтобы ничто не задерживало тепло. Кстати, нет шерстяного покрова по тем же причинам у всех крупных зверей — бегемотов, носорогов… С этрусской мышью иное дело. Ее пульс — от 700 до 1500 ударов в минуту. Потому что она работает в экстремальных режимах, как истребитель. Этой микроконструкции нужно очень быстро жить и греться. Насосик мыши тарахтит с огромной частотой, беспрерывно гоняя кровь[3].

А еще влияние масштабного фактора ясно прослеживается при сравнении однотипных зверей в зависимости от широтности их проживания. Тенденция такова — чем севернее, то есть чем холоднее, тем крупнее зверь. Белый медведь крупнее бурого и гималайского. Мамонты и шерстистые носороги были крупнее слонов (они даже шерсть сохранили для сбережения тепла). А все потому, что у крупных животных относительная площадь тела (теплопотери) меньше, чем у мелких.

Из-за холодов северные звери и северные народы вообще стремятся округлиться, по возможности максимально приблизившись к сфере, потому что у сферы оптимальное соотношение площади и объема (массы). Поэтому чукчи и прочие эскимосы приземистые и коренастые, а экваториальные масаи — длинные и тонкие. А полярный заяц имеет более короткие уши, чем заяц средней полосы, поскольку в условиях Заполярья ему лишние тонкие радиаторы, теряющие тепло, не нужны.

Человек массой 70 кг может без особого вреда не есть месяц. А вот землеройка проживет без еды всего 6–7 часов, после чего умрет от голода. Похожая ситуация и с самыми маленькими на свете птичками — колибри. Их масса, в зависимости от вида, от 2 до 19 граммов. Птички могут питаться только днем, собирая цветочный нектар, а ночью цветки закрываются. И чтобы за ночь не умереть от голода, колибри на все темное время суток впадают в анабиоз — коченеют, замедляя метаболизм на порядок, как медведи в зимней спячке. Только тем и спасаются.

Вывод? Он прост. Существовать такой мелкий вид может. Но разумным стать — никогда. Поскольку разумному нужен досуг, время на размышления. На эксперименты. На лень и развлечения, то есть на развитие культуры. А маленький мышонок только жрет и ни на что больше времени не имеет. В этом смысле хорош как кандидат в разумные существа среднего размера хищник, поскольку, разок поев, может не жрать несколько дней. Но, с другой стороны, переваривая, хищник много спит, и это другая крайность. Тут уже не до книжек.

Заканчивая разговор о размерах тела, дополню аргументацию о невозможности прилета на Землю крохотных инопланетян последним, мозговым аргументом.

Вы не забыли, что в моменты интенсивной работы мозг потребляет до четверти всех энергоресурсов организма? Теперь представьте себе инопланетянина массой 2 грамма. Крохотулечка вынужден все время кушать калорийную массу, если он не рептилоид. Его мозг при этом весит, ну, скажем, 0,1 г. И в момент критической умственной нагрузки (например, крохотулечка стал вспоминать, где оставил свой бластер) его мозг начинает

потреблять более 25% телесных ресурсов. Да пришелец просто умрет от голода прямо во время еды! Потому что количество поступающей энергии войдет в резкое несоответствие с количеством затрачиваемой.

В общем, сильно маленьким разумное животное быть не может. Его размер и «полухищное» строение ЖКТ, позволяющее питаться не часто, должны оставлять достаточно времени для творчества и обеспечивать при этом без особых проблем форсажные подбросы питательных веществ к мозгу. Плюс руки. Плюс бинокулярность с соответствующим развитием «координатных» отделов мозга. Черепную коробку желательно побольше. Все перечислили? Или что-то забыли? Или недоучли?..

Часть 3
Вне разума

Никого из нас не заливает краска стыда из-за того, что все мы рождаемся и умираем как животные. Отчего же стыдиться, что во многих своих пристрастиях и поступках мы руководствуемся инстинктом?

Виктор Дольник

Младенец сосет сиську. И это никого не удивляет, хотя никто младенца сосать не учил. Народ смекает: инстинктивное поведение! Все народу понятно: малыш еще глупый, неразвитый, научить его ничему невозможно, поэтому должны быть какие-то заранее вшитые в конструкцию программы поведения, чтобы конструкция могла как-то функционировать, то есть вести себя.

А вот когда ребенок становится уже более-менее разумным, когда он, открыв рот, слушает слова и внимательно присматривается к поведению папы и мамы, тогда людям начинает казаться, что он перестал руководствоваться инстинктами и начал руководствоваться разумом. И уж в полной уверенности пребывают граждане касательно своего собственного поведения — оно им представляется верхом разумности, хотя на 99% формируется инстинктами и рефлексами, ряженными в словесные, религиозные и культурные маскхалаты.

Господа! Оттого, что вы не можете свести свое поведение к набору простых реакций… Оттого, что вы, напротив, можете (как вам кажется) свои поступки словесно объяснить, ваше поведение вовсе не становится более разумным! Тем более что разумность, как мы уже видели, присуща не только разуму. Слепая безмозглая природа порой производит вполне разумные, прагматичные вещи. Именно этот феномен прилаженности животных к окружающей среде людей недалеких часто приводит к мысли о Боге.

— Как все вокруг разумно устроено! — восклицают они. — Ах! Ах! У муравьеда длинная морда и длинный язык, чтобы его совать в муравьиные ходы! Чувствуется рука Творца!

Эти наивные люди путают разумность и приспособленность. Путают производное своего ума и слепое действие законов природы, безжалостно выбивающей все, что не может удержаться

в жизни и успешно конкурировать. Наш мозг есть порождение природы, и потому действует в том же направлении — по линии прагматики. Оттого, спроецировав свои «умственные выделения» на природу, мы и удивляемся совпадению: то, до чего мы додумались разумом, оказывается, уже произошло само по себе!

А инстинкты… Они, в отличие от разума, представляются нам чем-то простым и примитивным. Ну что тут такого — сунули ребенку сиську в рот, он и сосет! Подумаешь, бином Ньютона! Однако простота инстинктивных программ кажущаяся. Порой передающиеся с генами программы настолько сложны, что просто диву даешься: ну как такое вообще возможно — закодировать набором молекул не только строение тела, но и сложнейшее поведение?!.

Глава 1
Имитаторы разума

Вы когда-нибудь видели морские узлы? Хрен запомнишь ведь, куда какой конец совать! Нужно сильно поучиться, чтобы завязывать такие узлы. Человеческий гений придумал их!.. Однако узлы аналогичной сложности умеют вязать и некоторые птицы, например ткачики, строящие гнездо. Кто учил их, куда какой конец травинки засовывать и тянуть? Никто. Инстинкт. Генетическая программа.

Кто научил шить небольшую зеленую птичку с красным теменем, которую называют птицей-портным? Никто. А между тем птица шьет! Когда приходит пора гнездования, птица складывает из древесного листа нечто вроде кулька и края листа сшивает нитью, которую выделывает из растительного волокна. Раз за разом птичка, прокалывая клювом лист, просовывает туда нить, вытягивает — и таким образом делает множество стежков, стягивая края листа. Никто ее не учил. Это работа вшитой программы.

И снова мы видим, как безмозглая природа приходит к тому же, к чему пришел разумный человек, — умению шить и вязать узлы. Точнее, наоборот, человек разумом дошел до того, что без всякого разума произвела природа. А еще вперед нас природа открыла сельское хозяйство и скотоводство, строительство, рабовладение и коммунизм. Это я о муравьях говорю, если вы вдруг сами не догадались. Все перечисленное, к чему мы пришли через разум, они получили «на халяву».

И раз уж речь зашла об этих насекомых, то просто так я с них теперь не слезу. Потому как инстинктивные программы некоторых муравьев не менее удивительны, чем у птиц. Причем если у птички головка маленькая, то у муравья совсем крохотная. И там все как-то помещается!..

Например, там «помещается» скотоводство… Тли сосут соки растений и выделяют жидкие экскременты в виде прозрачной капли. Капля эта сладкая из-за большого содержания сахара, что муравьям дюже любо. Поэтому муравьи пасут тлей и даже «доят» их для добычи сладкого сока.

«Одомашненные» муравьями тли отличаются от диких тем, что выделяют сладкий сироп не произвольно, а лишь тогда, когда муравьи-пастухи похлопают их по брюшку усиками. Тогда тля, как корова, привычная к дойке, выкатывает каплю сиропа, которую муравьи в зобике уносят в муравейник. Прирученные тли

настолько «раздоены», что выдают в сутки сиропу в несколько раз больше, чем весят сами. Учитывая, что сама тля весит несколько миллиграммов, общий сезонный «надой» стада поражает: он исчисляется килограммами!

Для чего «животноводство» нужно муравьям, понятно — уж больно вкусно и искать ничего не надо, вот они, свои, домашние тли, всегда рядом. Но зачем этот симбиоз тлям? А затем, что муравьи охраняют свое стадо от природных врагов тлей — божьих коровок и других лютых хищников. Кроме того, на зиму заботливые муравьи загоняют стадо тлей в теплых «хлев» — муравейник. А по весне осторожно начинают свою «скотинку» выгуливать — рабочие муравьи выносят тлей на весеннее солнышко, но поначалу долго гулять не дают, чтобы не простудились. Погуляет скотинка чуток, подышит воздухом, после чего муравьи снова уносят тлей греться. Причем, когда муравьи носят тлей, осторожно взяв их челюстями, тли поджимают ножки, чтобы не болтались и не мешали движению.

Летом муравьи строят для тлей специальные загончики и даже крытые хлева, чтобы обезопасить своих любимцев. Они возводят эти сооружения из искусственного материала — древесной трухи, смешанной со слюной.

Тли для муравьев — настоящее богатство. И между муравьиными племенами порой возникают целые войны из-за тучных стад тлей — все равно как когда-то возникали войны среди степняков за стада коров.

Размножаются одомашненные (пора уже начать писать это слово без кавычек) тли, как и положено домашнему стаду, в неволе. Они откладывают яйца в муравейнике, и за ними муравьи ухаживают так же тщательно, как за собственными.

Цивилизации муравьев удалось приручить и одомашнить не только тлей, но и некоторые виды гусениц, червецов, листоблошек… Причем выделения некоторых гусениц муравьям нравятся настолько, что они, заведя таких гусениц, даже кормят их своими яйцами.

Таковы муравьи-скотоводы. А есть еще муравьи, занимающиеся разведением растений. Скажем, некоторые муравьи и термиты, живущие в Южной Америке, разводят грибы. Это тоже целая культура. И открылась она нам не так уж давно.

Люди давно обратили внимание, что некоторые муравьи занимаются тем, что срезают листья с деревьев. Добыча листьев происходит так — часть муравьев забирается на дерево или куст и срезают челюстями листья под корешок. Начинается зеленый листопад. Падающие листья внизу подхватывает вторая команда муравьев — «лекальщики», они быстро разделывают листья на

несколько частей и передают третьей группе, которая доставляет их в муравейник.

Раньше думали, что муравьи питаются этими листьями. Но все оказалось сложнее…

Выяснилось, что муравьи внутри муравейника разделывают листья на совсем мелкие кусочки, мочалят их челюстями, а затем каждый такой кусочек удобряют своими экскрементами и укладывают на пол. Это будущая грибница.

Подготовив таким образом теплицу, муравьи затем приносят рассаду — грибной мицелий — и производят посев. Вскоре появляются первые всходы. И вот тут не зевай! Сельский труд монотонен и тяжел — как раз для муравьев. Они каждый божий день занимаются прополкой, удаляя случайные споры и ростки менее питательных грибов, а также подрезают всходы основной культуры, чтобы не вырос обычный гриб с ножкой и шляпкой. Работникам нужно другое — белые бесформенные наросты, которые образуются исключительно на месте подрезов. Их-то муравья и едят. В «дикой природе» такие наросты из грибного мицелия не вырастают, поэтому можно смело сказать, что муравьи вывели искусственную агрокультуру.

Любопытно отметить, все группы специалистов — и фуражиры, и грибники, и рабочие, и «лекальщики», и «дровосеки» — работают на общее благо совершенно бесплатно, ударно, сознательно, по-коммунистически. Почему это не получается у людей, мы рассмотрим позже, в экономическом разделе. Но, может быть, уже сейчас вас на какую-то мысль по этому поводу наведет рассказ о термитах.

Дело в том, что термиты тоже знатные грибоводы. Они разбивают грибные плантации, кушают эти грибы, но переваривают их не до конца. У термитов существует коммунистический принцип — делиться с братом. Причем существует на физиологическом уровне — недопереваренную пищу, вышедшую из кишечника термита, потом поедает другой термит. Затем третий, пятый. И таким образом пища движется по всему термитнику, постепенно перевариваясь полностью. Как в едином организме! Поэтому обездоленных, бедных и голодающих в термитнике нет: все кормят друг друга дерьмом. Примерно так мы и жили в СССР, когда строили коммунизм. Но физиология у нас немножко другая, не столь «братская», как у термитов, поэтому коммунизм нашему виду построить так и не удалось. Хотя дерьма наелись изрядно…

Муравьи наловчились даже пользоваться «инструментами». В качестве таковых муравьи-ткачи, обитающие в Индонезии, используют собственные личинки. Дело в том, что личинки этих

муравьев выделяют особое клейкое вещество, похожее на паутинку. Муравьи, которые строят свои гнезда из листьев, стягивают края листа, берут личинку и, выдавливая из нее клейкое вещество словно из тюбика, мажут им края листа, после чего плотно прижимают и держат какое-то время, пока клей не схватится. Работа эта сложная и кооперативная, то есть согласованная. Таким образом муравьи строят не только свои дома, но и загоны для тлей, а также навесы от дождя.

Чем еще муравьи похожи на нас, кроме строительства и сельского хозяйства? Рабовладением!

Муравьи-рабовладельцы совершают налеты на «мирных» муравьев и похищают куколки, личинки и яйца, попутно убивая охраняющих их аборигенов. Вернувшись в свой муравейник с добычей, муравьи дожидаются вылупления рабочих муравьев другого вида, которые начинают обслуживать своих новых хозяев. Иногда, устраивая «бунты», между прочим…

У муравьев есть даже подобие торговли. Например, известный энтомолог А. Захаров так описывает обменные процессы в муравьиных колониях: «Поскольку возникновение муравейника и дальнейшее его существование во многом зависит от самок, можно было бы предположить, что они в основном и определяют жизнь муравейника. Такое положение вещей казалось настолько очевидным, что во многих работах прошлого и начала нашего века самку называли «царицей»… Однако в действительности оказалось, что хозяевами положения в общине являются все-таки рабочие муравьи (диктатура пролетариата! — А.Н.) Чем больше в муравейнике самок, тем «непочтительнее» отношение к ним рабочих. Рабочие муравьи переселяют самок из одной части гнезда в другую, передают на обмен в другие гнезда…»

Как видите, целую цивилизацию можно создать на одних инстинктах. При этом она будет выглядеть вполне разумной. Или, если быть точнее, наша разумная жизнь во многих своих извивах повторяет достижения неразумной природы. Поскольку та рациональна. Прагматична. Природа — без разницы, разумом или перебором вариантов с отбраковкой неудачных, — приходит в наиболее эффективным решениям в данной обстановке.

Так не преувеличиваем ли мы значение разума? Не обожествляем ли мы его? Не слишком ли поднимаем над мертвой природой, полагая чем-то необыкновенным, почти чудесным, блистающим?

Обожествляем! И раздуваем, пытаясь свой обезьяний образ натянуть на всю Вселенную. Впрочем, о животных корнях религии речь у нас пойдет дальше. А пока пробежимся по мелочам.

Глава 2
В плену конструкции

Вкушающий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную.

Евангелие от Иоанна

Буквально за несколько дней до написания мною этих строк умер профессор, доктор биологических наук Виктор Дольник, который буквально перевернул мнение многих людей, читавших его работы, о природе человека. Десакрализовавший эту самую природу. Опустивший нас в наших же собственных глазах от подобия Божьего до уровня обычной обезьяны.

За такое памятник ставить надо. И возможно, когда-нибудь он будет поставлен. И хотя Дольник, как считают некоторые его критики, всего лишь «излагает мысли, в основном чужие, восходящие к Лоренцу» (более мягкий вариант: «основные положения [в трудах Дольника] следуют из классических работ К. Лоренца»), я бы мог сказать просто: Дольник, как это всегда бывает в науке, стоял на плечах гигантов. Как Ньютон… Но я скажу иначе: критикам не следует забывать, что работы Лоренца в СССР не публиковались, ибо считались, во-первых, немарксистскими, а во-вторых, потому что Лоренц был членом нацистской партии, воевал на восточном фронте, попал в плен и отсидел в советском лагере 4 года. Не самая удачная биография для публикаций в СССР… Только после перестройки великого Лоренца стали у нас публиковать и даже пригласили приехать, но он вежливо отказался: «Спасибо, я уже был в СССР». Видимо, в лагере ему не очень понравилось… Так что не менее великому Дольнику пришлось идти параллельно и самому открывать те закономерности, к которым Лоренц пришел раньше. Прямо Попов и Маркони!..

Вторая претензия критиков к Дольнику — недостаточная научная обоснованность его выводов и умозаключений: «нужно 20 лет проводить эксперименты, чтобы доказать… фразу, которую Дольник просто берет и пишет».

Да! Дольник был биологом до мозга костей, биологом по рождению. Что в сочетании с наблюдательностью и прекрасно работающей головой позволяло ему дарить миру интуитивно найденные истины, честь подтверждения которых он оставил потомкам. Он и так сделал для нас слишком много.

И он был хорош.

Я встретился с Виктором Рафаэльевичем в его питерской квартире в 2005 году, когда питерский Союз писателей вручал мне беляевскую премию за книгу «Апгрейд обезьяны», позже запрещенную питерской же прокуратурой (за что ей вечная слава в веках). Быть с оказией в Санкт-Петербурге и не приехать к Виктору Дольнику?!. Не в моих правилах столь непростительные ошибки! Я позвонил, договорился и приехал, потому что не пообщаться с человеком, развенчавшим Человека, и не помочь ему в продвижении его взглядов просто не мог. Ведь Дольник выбил из-под зазнавшейся обезьяны золоченый пьедестал и опустил ее кривыми волосатыми ногами на твердую землю.

Ко времени нашей встречи Виктор Рафаэльевич был уже очень болен, он встретил меня на инвалидной коляске. Ноги у профессора были ампутированы, тело плохо слушалось, живя какой-то своей жизнью, но голова работала по-прежнему ясно. А вокруг суетилась его жена Татьяна — надежда и опора, которой он посвятил одну из своих книг. Ей, казалось, было немного неловко за вид и общее состояние мужа, но чем хуже относилось к профессору его тело, тем сильнее был контраст между ним и его ясным разумом. Дольник именно в том состоянии, в котором он был тогда, самым наглядным образом демонстрировал мне разрыв между животностью и сознанием. Тем самым сознанием, которое, воспарив над телом, придумало математику, физику, философию и другие затейливые способы отражения мира. Жаль только, что в обыденной жизни подавляющее большинство людей этим богатством совсем не пользуются, сумеречно отражая мир по преимуществу инстинктами. И именно об этом мы с Дольником говорили…

Человеческий разум словно пытается оторваться от обезьяньего тела, сбросив его тяжкие оковы, и, быть может, когда-нибудь это случится. А пока он вынужден гнездиться в теле зверя, который часто давит разум, и тогда не последний берет верх, а звериные инстинкты тела, доставшиеся нам вместе с носителем, преобладают над чистым разумом, насилуя его и заставляя служить себе, делая своим идеологическим слугой, принуждая искать словесные оправдания звериным поступкам. И так будет всегда, и так будет практически у всех — пока мы сидим внутри зверя. Удивительно только то, каких высот этому зверю удалось достигнуть благодаря аномальным сверхновым вспышкам редких гениев.

Знаете, что мне это напоминает? В поджелудочной железе есть небольшое количество так называемых бета-клеток, которые вырабатывают гормон инсулин. В сравнении с общим клеточным

массивом этих бета-клеток очень мало. Но если они погибают, с ними вместе погибнет и весь организм, поскольку без инсулина он жить не может. Вот так и в человеческом массиве редкие клетки-гении отвечают за прогресс и историю. А все остальное стадо тихонько движется по дорожке, проторенной гениями, проживая свои мутные жизни в полудреме разума.

И больше того, сами гении, исключая редкие пики мысли, взлетевшей в ледяной космос высоких абстракций, основное время своей жизни проживают, нагруженные телом, и потому руководствуются инстинктами, рефлексами и наработанными стереотипами. Оно и неудивительно: кора с ее рассудком появилась как дополнительный форсажный инструмент над подкоркой для более успешного решения именно животных задач, то есть задач тела. И просто счастье, что ей иногда удается покорять чисто абстрактные научные вершины. Такие проколы в небо и породили техносферу.

Инстинкты начинают рулить нами с момента рождения (и даже раньше). Дайте младенцу палец, он ухватится. Поднимите его, он удержится. Потому что примат. А детеныши приматов инстинктивно хватаются за шерсть, поскольку весь период детства ездят на маме, вцепившись в нее ручонками и ножонками.

— Но ведь мы не можем вцепиться ножонками! — возразят мне. — Совсем другая конструкция!

Правильно, потому что наши предки приобрели бипедию до того, как стали разумными, как я и предрекал. «Наступательную», а не «хватательную» ступню мы получили, когда наши далекие предки слезли с деревьев и стали жить в саванне и на мелководье, промышляя сбором моллюсков — легкой, неспешной и не вполне видовой добычей, которую их желудочно-кишечный тракт тем не менее легко мог переварить. От этого полуводного образа жизни с постоянным нырянием и плаванием мы, по всей видимости, и потеряли шерсть.

Зато приобрели практически врожденную любовь к водным процедурам. Отсюда римские термы, современные аквапарки и символ удачно сложившейся жизни — бассейн в личном коттедже. А также отпускные мечты о песчаном пляже с пальмами — это всего лишь привет из далекого-далекого прошлого… Не так давно, посетив аквапарк, я в очередной поразился активности и тому удовольствию, с которым детеныши нашего вида вошкаются в воде. Словно водяные блохи, дети мельтешили вокруг меня — прыгали, брызгались, плавали, ныряли…

Понятно, что наши далекие предки из-за иной конфигурации нижних конечностей уже не ездили на мамках, поскольку

«хватательность» ступнями была утрачена ради «наступательности». А в ручках она осталась. Так часто бывает, что морфология тела меняется, а глубинные инстинкты сохраняются, наслаиваясь друг на друга и всплывая вдруг в самый неожиданный момент.

Красками этих инстинктов выкрашена вся наша цивилизация. И мы не замечаем этого только потому, что поверх накинута маскировочная сеть из слов, идеологем, религий, мифов, культуры.

Возьмем, например, патриотизм. Один из основных культурных столпов цивилизации! Надо любить родину, сынок! И сынок послушно любит. Почему? Ведь ясно, что все разговоры о патриотизме, моральном долге, чести и других подобных вещах есть всего лишь способ заставить человека поработать бесплатно. Как правило, в пользу тех, кто эти слова говорит, — попов, элиты, начальства. Почему же эта наивная уловка раз за разом срабатывает? Почему рыбка клюет на голый крючок?

Потому что в основе «поклевки» лежит животный инстинкт. Мы с вами не только стадные, но и территориальные животные. Иными словами, в нас заложен инстинкт защиты импринтингового ареала.

Импринтинг — это запечатление. Оно работает у многих видов. Вы наверняка про это сто раз читали — гусенок принимает за маму тот предмет, который оказался в поле его зрения в первые минуты после вылупления из яйца. Обычно этим предметом и оказывается мама. Но может быть и сапог. Что прописалось в программе в момент готовности к запечатлению, то и осталось, включив биохимический механизм любви и привязанности. Перепрошивка невозможна, дается только один шанс. Это и есть импринтинг.

Уже упомянутый выше биолог Конрад Лоренц жил в небольшом городке Альтенберг на берегу Дуная. Его дом и двор были полны животных, среди которых тусовались гуси, поскольку большое количество наблюдений Лоренц проводил над птицами (как, кстати, и Дольник, который был орнитологом). Так вот, однажды Лоренц наблюдал вылупление гусят и провел у их гнезда времени больше, чем нужно было. В результате чего прописался в их головных компьютерах как мама. И с тех пор, куда бы Лоренц ни шел, за ним всюду следовал выводок гусят, потешая окрестную публику.

Но запечатлевается не только мама. Тот кусок ареала обитания, тот участок местности, та территория, на которой живет ребенок, с самого детства запечатлевается в мозгу как своя — с включением механизма любви и привязанности. Поэтому

люди так любят малую родину, перенося по мере взросления свои чувства и на родину большую, политически нормированную — государство. Отсюда ностальгия, которая прохватывает многих при переезде в другую географо-климатическую зону.

Этот чисто животный механизм и используют политики для пропаганды нормативной и обязательной любви к государству. Хотя любовь к стране обязанностью быть никак не должна: можно жить в стране и не любить ее. Точно так же как можно ходить в магазин и не любить продавщицу. Или жить в банановой республике и не любить бананы. В конце концов, о вкусах не спорят! Кто-то любит попадью, а кто-то свиной хрящик. Кто-то апельсины, а кто-то морковь. Кому-то больше нравится север, кому-то юг… Однако у патриотов люди, не зацикленные на своей родине и не испытывающие по отношению к ней нормативных чувств, почему-то вызывают агрессию. Хотя слово «почему-то» здесь вставлено зря. Как раз ясно почему! Патриотизм как территориальное чувство тесно связан с агрессивностью, поскольку предполагает нападение на любого вторгшегося в целях защиты территории. Когда зверь вторгается в чужую зону кормления, у «хозяина» возникает то же чувство ярости и агрессии, какое возникает у бизнесмена, когда кто-то другой вторгается на «его» территорию. Отсюда все эти грязные разборки с поджогами торговых палаток конкурентов, избиениями и прочим криминалом.

Сильнее всего патриотизм выражен у детей. Дети и подростки — горячие патриоты своей родины! Потому что они ближе к изначальной животности. Именно 17-летние подростки, скрывая возраст, рвутся в военкоматы, чтобы записаться на фронт добровольцами. Это не от большого ума, а от большого инстинкта. Ну а с возрастом, когда человек выходит из детства, все больше и больше социализируется, то есть отдаляется от состояния детской животности, территориальные инстинкты ослабевают. Но не у всех — многие люди так и не взрослеют, продолжая до седых волос быть столь же наивно-горячими патриотами, как юноши в пубертатном возрасте. И их искренне злят фразы типа «родина — это деньги» или «родина там, где хорошо». Патриотизм, увы, не лечится…

Помимо территориального есть еще стадный инстинкт, который заставляет нас держаться вместе и тосковать в одиночестве на необитаемом острове. У кого-то этот инстинкт развит сильнее, у кого-то слабее. Кто-то больший коллективист, кто-то меньший. Это находит свое отражение в политическом пространстве — коллективисты склонны к левым, социалистическим воззрениям, индивидуалисты — к правым.

Нам, впрочем, в данной книге важны не индивидуальные различия между людьми. Нам важно, что нас объединяет, какие общие особенности конструкции заставляют нас вести себя так или иначе. Нам интересны ситуации, когда нам кажется, что у нас есть свобода воли, а на самом деле мы являемся пленниками инстинктов. Рабами миллионолетних программ, которые управляют нами. А мы этого даже не замечаем.

Вокруг нас уже давно изменился мир, мы живем внутри техносферы, а вне его, попав в голом виде в дикую природу, довольно быстро погибаем. Но древние инстинкты никуда не делись. Они остались. Они работают и накладывают свой отпечаток и на наше поведение, и на всю техносферу — тот искусственный мир, в котором мы живем.

Дольник, Лоренц и другие этологи иллюстрируют это со всей ясностью.

Почему, например, цари сидели на тронах, стоявших на возвышении? — задается вопросом Дольник. Почему у кирасир на касках султаны, а в среде офицеров то и дело возникает мода на высокие тульи у фуражек? Отчего маленькие люди стремятся выглядеть выше, надевают обувь на высоких каблуках?

Оттого, что в природе большие пугают маленьких. Потому что они сильнее, и потому что маленький может поместиться внутри большого, то есть большой может маленького проглотить. Стремление казаться больше, значительнее, чем на самом деле, присуще многим видам. Некоторые лягушки и рыбы раздуваются в опасной ситуации, стремясь нагнать страху на противника своими размерами или хотя бы внушить им сомнения в возможности проглотить. Кобра, угрожая, раздувает «уши». Некоторые ящерицы расправляют ошейник вокруг головы. Кошка горбится и вздыбливает шерсть, стараясь выглядеть покрупнее.

Размер имеет значение! Потому что непроизвольно воспринимается оппонентом как значительность, как сила. Отсюда троны, короны, трибуны, пьедесталы и каблуки. Эффект визуального величия, действующий помимо сознания.

И наоборот, хотите унизить — опрокиньте. Поэтому перед королями и фараонами падают ниц или склоняют голову. Это поза принижения и покорности: «Смотри, я меньше тебя! А ты — значительно крупнее!..»

Почему люди стремятся стать начальниками и занять в социальной иерархии положение повыше?

Потому что социум — прямое продолжение стада с его иерархией, альфа- и омега-самцами. Чем ты ниже в стадной иерархии, тем хуже питаешься, тем меньше у тебя самок и, значит, шансов передать в будущее свой генетический набор.

Быть низким плохо.

Почему мы отводим взгляд, стараясь не смотреть незнакомцу в глаза, и детей учим: «Не пялься на дядю!» Почему на дядю нельзя пялиться? Почему прямой взгляд в уголовной среде вызывает буйную агрессию в адрес смотрящего?.. Потому что прямой взгляд в животном мире — это вызов! Он запускает агрессию инстинктивно. И чем примитивнее особь, тем скорее.

Почему наши ругательства муссируют тему секса и выделений? Ну, про секс мы поговорим позже, а с выделениями разберемся незамедлительно. Запах мочи и кала кажется нам неприятным. И не только нам, но и другим приматам. Так эволюция уберегает нас от нечистот и заразы.

Примерно полвека назад ученые проводили многочисленные опыты по обучению человекообразных обезьян человеческой речи. Точнее говоря, языку глухонемых, поскольку анатомия гортани не позволяет приматам воспроизводить нашу речь акустически. Обезьяны и люди вели между собой диалоги на языке жестов. Так вот, слово «грязь», которому обучили обезьян, те быстро распространили и на выделения организма. И больше того — начали использовать это слово как ругательство! Будучи чем-то недовольными или разгневанными, обезьяны обзывали друг друга или экспериментаторов грязью и плохим туалетом. Даже тех существ, например птиц, которых обезьяны презирали и считали низшими, они иногда называли грязными.

Не так уж далеко мы от них ушли, не кажется вам?..

А понимание смерти? Есть ли оно у животных? Только ли люди горюют об умерших?

Вот наблюдения работников одного из сафари-парков за смертью матроны стаи — пятидесятилетней шимпанзе. Последние минуты жизни бабушка-шимпанзе провела в окружении родных и близких. Обезьяны стояли вокруг нее, держали за руки, гладили, словно подбадривая. Затем они отошли, оставив у «постели» умирающей только ее взрослую дочь, которая провела с мертвой матерью всю ночь. Утром работники парка забрали труп. Шимпанзе при этом выглядели подавленными и в течение нескольких дней не подходили к тому месту, где скончалась их соплеменница.

Не так ли и мы ведем себя, когда теряем близких? Не так ли и мы уважаем места захоронений и памятники погибшим?..

В свое время Дольник задавался вопросом: отчего подростки и даже взрослые любят собраться вместе и послушать музыку, вместе попеть? Почему люди ходят на концерты, где особи, стоящие на возвышении, издают с помощью голоса инструментов ритмичные звуки? Почему фанаты собираются на стадионе и

крутят трещотки, скандируют речевки, а потом идут громить город или бить болельщиков противоположной команды?

Это тоже привет от нашей животности.

Обычай таких вот концертов и коллективного звукоизвлечения существует не только у нас, но и у других обезьян. Этолог называет этот обезьяний обычай пошумелками. Обезьяны собираются вместе и начинают стучать палками по пустотелым стволам, угукать, раскачиваться. У нас это превратилось в театр, концерты и совместные праздники, когда гости, подвыпив, начинают перекрестно и громко что-то говорят друг другу, при этом друг друга плохо слыша и скверно понимая из-за шума и алкоголя. Но понимания тут и не нужно: это не логический, а чисто эмоциональный обмен с трансляцией и передачей эмоций.

Чтобы словить эмоцию, люди ходят в театры и на концерты, где и получают коллективно свой эмоциональный заряд. В одиночестве перед телевизором такой эмоции не получишь, поскольку коллективность обеспечивает эмоциональное заражение, действуя в качестве взаимоусилителя, этаким контуром положительной обратной связи.

А уж попеть вместе любят не только приматы, но и собаки, кошки. Волчий совместный вой вы, наверное, не слышали, а вот хор кошек, сидящих неподалеку друг от друга, — наверняка. Одна особь начинает, вторая подхватывает, третья на гитарке бренчит…

Кстати, этологами, изучающими обезьян, было замечено, что к пошумелкам более склонны подрастающие особи, находящиеся в промежуточном положении между детьми и взрослыми, — подростки. И наш вид среди прочих обезьян ничем не выделяется. Именно подростки склонны сбиваться в шумные компании, слушать очень громкую музыку, ритмично дергаться под нее. Такие подростковые банды с преобладанием самцов часто бывают агрессивными из-за самцового тестостерона, который активно начинает вырабатываться как раз в подростковом возрасте.

Чувствуя эту природную агрессивность подростковых банд и групп, взрослые на темной дорожке предпочитают обходить их стороной, а в светлом социальном пространстве стараются подростковой самости противостоять, подавить. Отсюда вечная борьба взрослых со стилягами, рок-музыкой, длинными волосами, брюками-клеш или, напротив, брюками-дудочками и т.д. Дело в том, что в обезьяньем мире молодежные банды представляют собой определенную опасность для взрослых. Они уже не дети, им пора выходить в самостоятельную жизнь. Где их никто не ждет. И где все места уже заняты. Вокруг них уже не прежняя

любовная родительская опека, а настоящая взрослая конкуренция — за еду и самок! У подростков же сил и опыта еще мало, а еды и самок уже хочется. Что делать? Сбиваться в стаи, компенсируя качество количеством.

Такие молодежные агрессивные стаи порой уходят в большой мир — искать себе новые ареалы и завоевывать новые пространства и самок. Когда обезьяны научатся говорить, у их молодых вожаков появятся произносимые имена — Атилла, Чингисхан…

Вообще же подростковые группы есть всего лишь частный случай иных животных объединений. Этологи называют такие объединения клубами — по аналогии, видимо, с клубами английских джентльменов. Аналогия точная, но обратная — на самом деле и английские клубы, и всякого рода мальчишники, и сходки деревенских баб, где они поют и прядут, и байкерские покатушки есть прямое следствие нашей животной природы. В животном мире существуют внутривидовые сборища зверюшек одного статуса — половозрелых самцов, самочек, подростков. Они собираются в одном месте и… ничего не делают. Просто общаются. Если это птицы, то они устраивают переклички; если обезьяны, ищутся в шерсти друг друга; если кошки — поют на крышах или просто тихо сидят вместе.

Так что, собираясь в клуб или на концерт, вспомните животные корни своего поступка. Равно как и, поедая какой-нибудь дорогой сыр с запахом тухлецы, задумайтесь, что заставляет вас делать это. Ведь в природе нормальный зверь тухлое есть не будет, если он не специализируется на падали. Понюхает и отойдет, поняв, что испортилось. Но в том-то и дело, что мы потомки падальщиков! Был в нашей видовой биографии такой неприглядный эпизод, вызванный нашей слабостью и несоответствием условий обитания на равнине той телесной конструкции, которая изначально затачивалась для обитания в древесных кронах. Нужно было выживать, и приходилось жрать все. Отбор научил наших предков преодолевать природное отвращение перед тухлым, которое явно сигнализировало о себе нехорошим запахом. Если б не это закрепившееся преодоление, сегодня в нашем рационе не было бы эскимосского копальхема, дуриана, сыра рокфор и исландской протухшей акулы. Кстати, этот отбор на небрезгливых позже еще сыграет свою положительную роль, о которой вы узнаете в конце книги.

Быть потомком падальщиков неприятно, что и говорить. Но был в истории нашего вида эпизод и похуже — каннибализм.

Вообще-то в природе хищникам мясо своего вида кажется, как правило, непривлекательным на вкус. Этот механизм

неприятия выработался эволюцией с той же целью, что и запрет хищникам на убийство себе подобных, — для сохранения вида. Но нашему виду, чтобы выжить в непривычных и неблагоприятных условиях, было не до жиру и приходилось использовать в пищу все, включая мясо соплеменников — сначала умерших, а потом специально убитых.

Когда-то, во времена становления человека как вида, людоедство было нормой (на стоянках древних людей вместе с костями животных все время находят обглоданные человеческие черепа, обугленные и раздробленные человеческие кости, из которых таким образом извлекали костный мозг). Сейчас же, если не считать редчайших эксцессов, каннибализм остался только в религиозной ритуалистике — например, христиане символически поедают своего Бога и пьют его кровь. И это почему-то никого не шокирует. Так же как не шокирует никого восклицание мамы, которая зацеловывает свое хохочущее чадо:

— Я тебя съем!

Мы понимаем, что это метафора. Так же как поцелуй есть «метафора», точнее рецидив, «распробывания на вкус». Известный африканский диктатор и людоед Жак Бокасса, вознамерившийся строить у себя в Центрально-Африканской Республике социализм и встретившийся по этому поводу с Леонидом Ильичом Брежневым, по славной коммунистической традиции поцеловался с генеральным секретарем ЦК КПСС взасос. После чего шутил, что ему удалось распробовать Брежнева на вкус:

— И я бы его с большим аппетитом съел!

Не зря известный американский психоаналитик Карл Меннингер писал, что «каннибализм есть не что иное, как примитивный, биологически обусловленный способ проявления любви». Покушать мы и вправду любим, потому как пища — это приток энергии, необходимый для жизни, оттого поглощение протоплазмы у всего живого на Земле поощряется приятными ощущениями. Правда, теперь мы чаще называем любовью непищевые удовольствия, но нужно понимать, что эволюционные корни у всех удовольствий — одни. Впрочем, иногда мы говорим так и про пищу: «Я люблю шашлык»…

Короче говоря, мы все с вами — потомки каннибалов. И это доказывается не только археологическими раскопками и религиозно-культурными отголосками в виде поедания тела Господня. Это видно из генетики.

Примерно в середине XX века врачами была описана странная болезнь — куру, поражавшая туземное население Папуа — Новой Гвинеи. По-другому эту болезнь называют «смеющаяся смерть». Сначала — легкие головокружения, быстрая

утомляемость. Потом человек начинает слегка подергивать головой, дрожать, странно улыбаться и смеяться, затем перестает есть, после чего через некоторое время умирает. Вскрытие показывает, что его мозг превратился в некое подобие губки.

Изучавший эту болезнь врач Карлтон Гайдучек доказал, что болезнь носит инфекционный характер, и получил за это Нобелевскую премию. Затем, в 1997 году, Нобелевскую премию получил американец Стэнли Прузинер, уточнивший: болезнь носит действительно инфекционный, но не вирусный, а прионный характер. Прионы — это особые белки с аномальной структурой. Они еще проще вирусов. И если относительно вирусов ученые еще не пришли к единому мнению, жизнь это или просто «белковый кристалл», то касательно прионов двоемыслия нет: прионы не живые существа, а просто белковые молекулы. Но они могут размножаться, превращая нормальные белковые молекулы в подобие себя. Заканчивается это бесконтрольное размножение тем, что мозг пациента перестает работать и начинает напоминать банную губку, всю сплошь состоящую из воздушных пузырьков.

Вы при слове «прионы», конечно же, вспомнили эпидемию коровьего бешенства, вспыхнувшую когда-то в Великобритании. Ее причиной послужило то, что в корм коровам добавляли костную муку с мясокомбинатов, чтоб добро не пропадало. То есть коровы поневоле становились каннибалами и поедали останки своих соплеменниц, которые содержали прионы.

Точно такой же была и причина болезни аборигенов Папуа — Новой Гвинеи — они были людоедами. Их людоедство было чисто ритуальным. Туземцы (причем только женщины и дети) поедали мозг умерших родственников, запекая его в бамбуковых сосудах. Как только власти запретили дикарям есть человечину, болезнь исчезла.

Так вот, выяснилась интересная вещь — у некоторых женщин племени был ген MV, который защищал их от прионовой болезни. Причем, после того как практика трупоедства прекратилась, количество женщин с таким защитным геном уменьшилось, поскольку естественный отбор по этому признаку работать перестал (дети с отсутствующим защитным геном перестали умирать от «смеющейся смерти», доживали до репродуктивного возраста и передавали свой генный набор потомству).

Дальнейшие исследования выяснили вещь еще более интересную — почти у всех народов Евразии, Америки, Африки этот ген встречается! И это означает только одно: мы все — потомки людоедов. Каннибализм наш видовой признак.

Некоторые исследователи полагают, что именно

каннибализм сыграл одну из решающих ролей в очеловечивании обезьяны. Впервые эту теорию выдвинул наш соотечественник профессор Борис Поршнев. Судьба его книг и взгляды профессора столь необычны и, я бы сказал, интегральны, то есть широки и всеохватны (он, например, в своих исследованиях совместил историю с физиологией высшей нервной деятельности), что требуют отдельного рассказа или даже целой книги. Поэтому оригинальную поршневскую теорию мы сейчас обсуждать не будем. Я упомянул ее только для того, чтобы продемонстрировать: этап каннибализма не только не вызывает отрицания у серьезных ученых, но и признается некоторыми из них важнейшей фазой становления разумного вида.

Людоедство и сейчас еще встречается в диких уголках планеты. Скажем, в 2011 году на одном из островов Французской Полинезии были найдены части тела немецкого туриста, которого, по всей видимости, съели аборигены. Бывают случаи людоедства и в цивилизованном мире, но они, как правило, связаны с психическими отклонениями и крайне редки.

Сегодня подавляющему большинству людей поедание мяса своего вида представляется чем-то невероятно ужасным! Однако то, что это периодически, хоть и редко, происходит, говорит о далеко запрятанных, задвинутых, лежащих глубоко-глубоко, на самом дне программах. Которые порой вдруг как чертик из табакерки выскакивают наружу, пугая планету.

А почему выскакивают?

Книга, которую вы держите в руках, — о человеке животном. Так давайте посмотрим, что в нашей физиологии может послужить тем ключиком, который вдруг — при нынешнем-то изобилии продуктов питания — может открыть черный ящик древних инстинктов, вытащив из слежавшихся программ именно эту — самую страшную.

При каких условиях животные вообще начинают есть себе подобных? Учеными была замечена следующая зависимость: каннибализму способствует дефицит в организме соли и серотонина. Серотонин еще называют гормоном счастья. Он вырабатывается в организме и отвечает за хорошее настроение, а его недостаток приводит к депрессиям. И к повышенной агрессивности, что показали наблюдения за макаками, проведенные в девяностых годах прошлого века. Эксперименты с мышами и крысами подтвердили этот факт.

Было также замечено, что дефицит серотонина и повышенная агрессивность более свойственны особям, занимающим в иерархии низовое положение. Обычно их жестокость подавляется особями, занимающими более высокое положение в стае. Но если

судьба и случай вдруг дают таким социальным аутсайдерам власть, их ранее подавляемая злоба умоет окружающих кровью! Теперь вы понимаете, почему революционные матросики вспарывали благородным барышням животы и насаживали буржуйских младенцев на штыки? Просто вчерашние подонки, чья животная агрессия подавлялась системой, вдруг получили возможность творить то, что их душе угодно.

— А при чем тут каннибализм? — спросите вы.

А при том, что каннибализм у животных — это попытка восполнить недостаток некоторых веществ в организме из мяса другой особи на фоне повышенной агрессивности. Именно поэтому хомячихи в неволе иногда поедают собственных детей, а у птиц существует такое понятие как «расклев».

Расклев — это когда куры начинают молотить друг друга клювами, расклевывая у своих товарок некоторые части тел — гребень, шею, спину, район хвоста. Могут и до смерти заклевать!

Изучать это явление впервые начали те, кто зависел от расклева финансово, — птицеводы. Им хотелось понять причины вдруг возникающих «эпидемий» птичьего каннибализма, когда птицы словно сходят с ума, и ученые птицеводам эти причины выявить помогли. Оказалось, расклев — это реакция на дефицит незаменимых аминокислот или некоторых микроэлементов в организме. Вероятность расклева можно снизить, если добавлять в рацион кур обычную соль. Кроме того, экспериментально обнаружилась обратная зависимость между расклевом и уровнем серотонина в крови кур. Курам делали инъекции антагониста серотониновых рецепторов мозга. Вводимое вещество блокировало рецепторы, и в результате агрессивность и склонность к расклеву у кур резко возрастали.

Человечество отказалось от практики расклева давно, много тысяч лет назад. Однако были внутри нашей цивилизации целые царства, которые официально практиковали людоедство всего каких-нибудь пятьсот лет назад. Я говорю об ацтеках. Интересная цивилизация, которая отличалась удивительной жестокостью, людоедством и человеческими жертвоприношениями. Каждый год десятки тысяч (!) людей ацтекские жрецы приносили в жертву своим богам.

Где взять столько народу для заклания? И куда девались трупы?

Ацтеки специально вели между собой ритуальные войны для того, чтобы получить побольше пленных. Их держали в клетках и откармливали, чтобы на очередной праздник принести в жертву богам. Сердце пленникам вырезали на вершине священной пирамиды, а тела сбрасывали вниз, народу. Процедура

принесения жертв богам сопровождалась каннибализмом и ради него, собственно говоря, была выдумана — сброшенные вниз по ступеням тела подхватывались толпой, разделывались и с большим удовольствием поедались. Христианские источники свидетельствуют, что в один из особо крупных праздников, продолжавшихся несколько дней, было убито и съедено 80 тысяч пленников. Даже если христиане, по своему обыкновению, приврали раз в десять, все равно цифра получается ужасающей.

Чем же был вызван этот культ смерти и пожирания мертвых тел в государстве ацтеков, ведь больше ни в одном регионе планеты дикие племена людоедов не доросли до размеров цивилизации и империи? Чем же отличалась Америка?

А тем, что основным злаком питания здесь была не рожь, не овес или пшеница, а маис (кукуруза).

Дело в том, что кукурузное зерно крайне бедно триптофаном. Триптофан — незаменимая аминокислота, которая является основой для производства серотонина. Триптофана много в европейских злаках, мясе, молочных продуктах (особенно в твердых сырах). Но — увы — не в кукурузе, которая и являлась основой ацтекского рациона питания.

Вот что об ацтекском рационе пишет американский историк и антрополог Виктор фон Хаген в своей книге «Ацтеки, майя, инки. Великие царства древней Америки»:

«Кукуруза была основой жизни. Жизнь всех индейских племен от Никарагуа до Аризоны основывалась на ней. Все города-храмы построили свою экономику на кукурузе. День любого человека начинался и заканчивался зернами кукурузы… Ни одно другое растение не сыграло такой большой роли в развитии какой-либо культуры».

Отсюда — тотальный дефицит триптофана. Восполнить этот дефицит из молочных продуктов ацтеки тоже не могли, поскольку у них «не было крупного рогатого скота, коз, свиней, лошадей, пока их не привезли белые люди, а значит, не было ни молока, ни сыра».

Цепочка понятна: дефицит триптофана/серотонина — повышенная агрессия — расклев.

Много триптофана содержится в шоколаде. Поэтому женщины так любят утешаться после несчастной любви шоколадом. И поэтому вечно грустные ацтеки тоже очень любили какао. Но для них это был продукт импортный, поэтому довольно дорогой, доступный только аристократам, соответственно, восполнить дефицит незаменимой аминокислоты у нации он не мог. Его восполняло человеческое мясо…

(Кстати, любопытный момент. В организме триптофан

расходуется еще и на производство витамина РР — никотиновой кислоты. Так что, возможно, курение табака, которое было изобретено именно в Америке, тоже следствие триптофанового дефицита. Курение никотинсодержащих листьев было попыткой восполнить дефицит никотиновой кислоты. Правда, иногда на антитабачных сайтах можно прочесть глумливое разъяснение, что курение вредно и что никакой полезной никотиновой кислоты в табаке нет, а есть лишь вредный никотин. Вопрос сей темен и мало исследован. Зато из практики известно, что люди, бросающие курить, начинают испытывать острую нехватку в организме никотиновой кислоты и добавление этого витамина облегчает муки абстиненции. Известно также, что никотиновая кислота образуется в результате окисления никотина. Ну а процесс горения как раз и есть окисление.)

К триптофану мы еще вернемся, когда будем говорить о животных корнях религиозности, и тогда наш рассказ о людоедстве волшебным образом закольцуется. А в этой главе скажу лишь о том, как легко вдруг может вспыхнуть в современности давно забытый и напрочь забитый, казалось бы, «инстинкт расклева».

Вообще эти наваленные в глубинах нашего мозга инстинкты напоминают тростниковый мат или фашину из хвороста — переплетенные прутья тысяч вшитых программ представляют собой плотный слой запасных реакций, многие из которых не использовались уже тысячелетиями. Но сложись условия, и старый заржавевший бронепоезд вдруг выходит из запасного пути, поражая самого хозяина.

Казалось бы, давным-давно миновали времена, когда один вид человека охотился на другой вид. С той поры прошли тысячи лет и самые кровавые войны проходили почти без рецидивов каннибализма. Людей убивали тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч, миллионами — и не ели. Хотя казалось бы — столько мяса зря пропадает! Но запрет работал. И вдруг без всякой войны одни советские люди начали жрать других.

Нет, я не говорю сейчас о голоде новейшей истории, который охватывал нашу страну в XXI веке неоднократно — и до Второй мировой войны, и во время, и после — и который сопровождался вынужденным людоедством. Я о другом. Представьте себе… Тридцатые годы. Кузбасс. Сюда депортировали казахов и киргизов, сюда свозили русских. Все они должны были воздвигать сталинскую индустриализацию, работать на шахтах, давать стране угля. Особенно тяжко эта перемена рода деятельности давалась степнякам, которые еще вчера пасли скот в бесконечной степи, а теперь вынуждены были лезть в черные узкие проходы и

махать там кайлом. В результате стресс и недостаток еды пробудили в азиатах древних кроманьонцев.

Вот как описывает это сибирский архивист Вячеслав Тогулев:

«В первой половине 1930-х годов в Кузбассе были документально зафиксированы случаи людоедства. Причины были не только в охватившем страну повальном голоде (как следствие сталинской коллективизации), но и в неких межнациональных антагонизмах… Ответ [степняков] на преступные сталинские депортации и насильственное «обобществление» скота был весьма впечатляющим: «Вы убили наших баранов, а мы убьем ваших детей!»

Сохранилось несколько свидетельств о каннибализме. То, что они относятся не только к Кемерову, но и к Сталинску (ныне Новокузнецку), говорит в пользу определенной распространенности этого явления на «стройках века».

Рабочий Матюхин рассказывал, что он «сам видел, как казах нес мешок, из которого сбегала кровь, милиционер остановил казаха и обнаружил в мешке зарезанного мальчика лет семи».

Детское мясо — нежнее, поэтому понятно, что страдали прежде всего дети. Машинистка конторы Коксостроя Бульбаш сообщала, что в клубе «судят 10 казахов за то, что они режут детей». Практикантка больницы Сбоева передавала свидетельства больничной сестры, которая, обследуя казахский барак, обнаружила там мешок с детскими головами. Некая Бесова явно находилась на грани нервного срыва, когда рассказывала, что на химзаводе «невозможно стало жить», так как казахи «хватают детей и увозят их», схватили даже ребенка ее сестры, «только рабочие его отняли».

Естественно, правду о каннибализме пытались скрыть, слухи пресекались, их объявляли пропагандой классового врага. Однако в городе о людоедстве знали практически все, включая коммунистов и начальство. Кандидат в члены ВКП(б) Лямин, заведующий Березовским участком совхоза «Горняк», сообщал, что «В городе население ночью боится ходить по улице — киргизы ловят и режут детей. Население запугано». Ночным сторожам приказывалось, в случае если они увидят проезжающих ночью казахов, брать ружья, заряжать «и смотреть в оба»…

Не исключено, что к мстительному людоедству степняков могли подтолкнуть шовинистические действия местного населения: «Сосланные в Кузбасс казахи плохо понимали русский язык и не были привычными к городскому укладу жизни, часто подвергались избиениям. В информационных сводках Гарбуза приводятся такие сведения: как-то у магазина казах продавал папиросы, один молодой человек, из местных, вырвал их у казаха

из рук и пустился наутек, другие в этот момент удерживали казаха, из толпы около магазина послышались одобрительные выкрики. Казахи подвергались также грабежам: у них безнаказанно отбирали вещи, деньги, продукты. В очередях за молоком, в столовой или магазине их выталкивали из очередей, высмеивали, казашек выбрасывали из очередей за косы. Нередко казахи уходили из магазина, так ничего и не купив, потому что не могли спросить необходимого по-русски, продавцы же издевались: «Раз не понимаешь, не задерживай других». Известно также, что сосланных казашек на предприятиях Кемерова использовали в качестве «тягловой» силы, впрягая их вместо лошадей в телеги для перевозки кирпича…»

Русских такое поведение вовсе не красит, говоря лишь о пробуждении древнего ксенофобического инстинкта преследования чужого. Как не красит степняков их ответ:

«Мы хотим обратить специальное внимание читателя на тот факт, — продолжает автор, — что человечье мясо, как это следует из найденных нами источников, заготавливалось впрок, то есть засаливалось в кадки. Это говорит о том, что мяса было заготовлено достаточно много, его не могли съесть сразу. Иными словами — каннибализм не ограничивался несколькими случаями, а был распространенным явлением. Поскольку единственным способом сохранения мяса в домашних условиях в те времена было именно засаливание, не приходится удивляться, что в документах упоминаются особые поместительные кадки, которые местное население в основном употребляло для засолки овощей. То, что для засолки использовали в основном детей, тоже показательно».

Ну, когда голод, еще понятно. Каждый раз голод приводит к включению этого древнего аварийного инстинкта, который дремлет в каждом из нас, как это случилось, например, в блокадном Ленинграде, в довоенной и послевоенной Украине или среди голодных крестоносцев, захвативших сирийский город Маар и вынужденных питаться мясом мусульман из-за нехватки пищи. Но порой инстинкт каннибала вдруг неожиданно давал о себе знать и во времена не голодные. Правда, не явно, а косвенно. То в виде христианской традиции символического поедания тела Христова — ну что за дикость в самом деле!.. То вдруг в средневековой Европе возникает странная мода — поедать кусочки древнеегипетских мумий в качестве целительного средства от всех болезней (отсюда произошло название лекарства — «мумие») и мазаться жиром казенных с теми же целями. А иногда вдруг у кого-то, как, например, у папы римского Иннокентия VIII, возникает идея пить кровь мальчиков для

омоложения…

Тикает внутри нас эта поведенческая бомба. Будь бдителен, товарищ! Следи за уровнем серотонина!..

Ну а мы после всех этих печальных известий возвращаемся к другим инстинктам, ведь не мясом единым жив человек! Да и Дольника, с которого начался наш рассказ, мы как-то несправедливо подзабыли, увлекшись триптофаном и химическим регулированием поведения млекопитающих. А ведь Дольник достоин памятника, я считаю. Ну так пусть памятником ему послужит хотя бы эта длинная глава. Достоин!

Виктор Дольник, стоявший, а может, сидевший свесив ноги, на плечах Лоренца, был наблюдательным, как Шерлок Холмс! Но если последний мог по грязному пятну на штанине определить, что человек приехал их пригорода, то Виктор Рафаэльевич по каким-то неуловимым телодвижениям разумного существа замечал его совсем не разумную природу. Тем, кто не знаком с его работами, коротким пунктиром расскажу о некоторых его выводах, а тем, кто знаком, просто напомню, выбрав из дольниковских сокровищ наиболее яркие блестки.

Дети…

Проще всего выискивать признаки животного поведения, наблюдая за ними, потому что дети меньше социализированы и, соответственно, ближе к естественности.

Почему все дети любят строить шалаши, забиваются под столы, накрыв их одеялом, имеют странную тягу к дуплам и пещерам? Это работает инстинктивная программа постройки гнезда, свойственная многим приматам.

Почему дети любят качели и карусели? Потому что мы изначально раскачивающиеся и перелетающие с ветки на ветку создания. Нам это в кайф, нам это в радость! Отсюда и наши детские сны о полетах.

Иногда животные инстинкты добивают аж до культуры, воплощаясь в языке в виде пословиц и поговорок. Откуда, например, пошло выражение «держаться за мамину юбку»? Почему вообще дети инстинктивно за нее хватаются? Да потому что у наших далеких предков была (и осталась у нас) программа хватания за мамин хвост. Или за мамину шерсть. Давно уже наши самки потеряли и шерсть на теле, и хвост, а программа никуда не делась. И потому малыш периодически на прогулке пытается вцепиться пятерней в то, что свисает с мамы, — юбку, джинсы.

Откуда взялся международный «детский обычай» засыпать с плюшевым мишкой? Почему с плюшевым мишкой, а не с целлулоидной куклой или не с березовым поленом? Да потому

что мишка лохматый, а инстинкт «вцепиться в шерсть» никуда не делся, ведь все обезьяньи малыши ездят на мамах. Поэтому нашим детям уютнее и спокойнее засыпать с чем-то мягким и шерстистым. Когда-то наши детеныши засыпали прямо на теплых дышащих мамах со стукающим сердцем, а сейчас томятся в холодных кроватках одни. А маленькие обезьянки всегда паникуют, оставшись без мамы. Это вшито в конструкцию! С этим дети рождаются. Поэтому наши дети обожают прибегать в кровать к родителям, а если нужно засыпать в одиночестве, удовлетворяются эрзацем — плюшевым мишкой, который включает инстинктивную программу успокоения… Мы с моей сестрой, будучи совсем маленькими, в выходные дни, когда родители спали подольше, поутру прибегали к ним в комнату, залезали под одеяло и, свернувшись калачиком досыпали утренние часы в окружении родительского тепла. Почему мы так поступали? А хотелось! (О важности тактильных контактов, кстати, мы еще поговорим, когда заведем речь о браке и любви. Ведь формат брака и форма любви — тоже видовые признаки.)

А откуда взялась поговорка «рвать на себе волосы»? Да оттуда же! В стрессовой ситуации, когда разум практически полностью выключается и работают только зверские инстинкты, неожиданно может выскочить тот самый детский: когда страшно — хватайся за шерсть, мать вынесет. Вот и хватаются за ближайшую шерсть — на собственной голове.

Война…

Обезьяны воюют молодняком в отличие от секачей (кабанов), у которых бьются между собой только матерые, взрослые самцы с поседевшей шерстью. Мы же, визгливые приматы, призываем в армию и посылаем на смерть детей 18 лет. И это тоже наш видовой признак.

Говоря о формах ведения войны обезьянами, Дольник обращался к павианам и другим видам приматов, живущих в саванне. Почему? Потому что наши предки тоже обитатели саванны. Природный театр военных действий и тактико-технические характеристики воюющих конструкций диктуют боевой порядок и образ действий. И вот Дольник обратил внимание, что на древних фресках и рисунках построение войск соответствует построению готовых к войне павианьих стай:

— В маршевом порядке построение следующее: в центре идут доминанты — патриархи стада, вокруг которых все самое ценное — самки с детенышами. Впереди боевой авангард — субдоминантные особи, молодые самцы. Сзади — арьергардное прикрытие из самцов третьего ранга, послабее. Если местность пересеченная, плохо просматриваемая, с двух сторон могут быть

еще два небольших отряда флангового прикрытия. Но если предстоит война с другим племенем павианов — например, случился пограничный конфликт, — два войска павианов выстраиваются друг перед другом в виде двух полумесяцев вогнутыми сторонами друг к другу. В центре — патриархи.

Причем любопытно, что конфликт между стадами может разрешиться всеобщей бойней, а может — схваткой двух самых сильных особей. По типу показательного боя Пересвета и Челубея.

Знали бы эти богатыри, почему вдруг они затеяли свой бой перед лицом татарских и русских ратей! Только потому, что в них сработали древние обезьяньи программы.

Но не всегда павианы начинают битву:

— Если два стада обезьян случайно встречаются на границе двух территорий, их вожаки важно проходят через строй своих войск, внимательно смотрят друг на друга, а потом, если граница не нарушена, пожимают друг другу руки, обнимаются — подтверждают мирный договор. За ними уже по субординации могут обняться подчиненные. Это обезьяний ритуал. И он тоже сохранился у нашего вида.

Когда наши президенты, то есть лидеры территориальных образований, прилетают в гости друг к другу, они видят, что их встречают не барышни в национальных одеждах (что было бы приятно глазу), не кабинет министров, не семья президента, а почему-то всегда строй войск — почетный караул. Откуда тянется этот обычай? Оттуда, из далекой саванны. Ему сотни тысяч лет, просто за десятки тысяч лет цивилизации никому никогда в голову не пришло отменить это… Причем по всем обезьяньим правилам сначала жмут руки друг другу и обнимаются лидеры стран, то есть самцы-доминанты, а уж потом — их свита, министры…

Мы уже знаем, что защита своего ареала обитания — инстинктивное дело, и что у нас этот инстинкт называют словами «патриотизм» и «защита родины от захватчиков». Но здесь любопытно, что зверь, вторгшийся на чужую территорию, инстинктивно, то есть автоматически, чувствует себя неправым. Что-то его сковывает. Поэтому в животном мире чужака (порой даже более сильного физически) чаще всего побеждает хозяин территории. И поэтому спортивная статистика отмечает: гости чаще проигрывают матчи хозяевам поля. Это настолько общеизвестно, что даже не вызывает вопросов. На чужом поле играть неловко, неудобно. Объяснять сей ведущий к проигрышу дискомфорт логическими причинами бессмысленно, потому что он идет изнутри. Из нашей животности, из инстинктов.

«Мы» и «они»…

Одна моя знакомая очень не любит «черных». «Черными» она называет кавказцев, азиатов и всех прочих, кто отличается от «белых». У нее нет к ним ненависти или логически объяснимой неприязни, только четко фиксируемое физиологическое неприятие:

— Не могу на рынке у них ничего покупать, неприятно. Кажется, у них все грязное.

Многие люди — их еще называют националистами — стараются свое физиологическое неприятие чужих как-то объяснить. В психологии это называется рационализацией. Рационализация — попытка словами объяснить чувства. Попытка, заранее обреченная, поскольку средства ее реализации негодные: слова оперируют сферой логики и размещаются в коре головного мозга, а эмоциональное неприятие идет из подкорки, от инстинктов. Поэтому возникает псевдообъяснение типа «они все грязные», «они все злые», «от них плохо пахнет», «они наши природные враги» и т.д. Порой поверх физиологии накручивается ажурная надстройка словесной мифологии типа мирового еврейского заговора, «плана Даллеса» и пр. Из этого вырастает идеология радикального национализма и его жуткие практики в виде погромов и концентрационных лагерей для евреев или «врагов нации».

Инстинкт разделения на своих и чужих довольно силен и в качестве иллюстрации запустить его можно искусственно в любом однородном коллективе. Психологам известен классический эксперимент — группу студентов делят по жребию, то есть совершенно случайным образом, на две подгруппы. Одна из них по условиям эксперимента должна носить, условно говоря, белые шапочки, другая — синие. Через некоторое время совершенно автоматически происходит деление — «синие» подсознательно начинают воспринимать обладателей синих шапок как «своих», а «белых», естественно, как «не своих». То есть чужих. В соответствии с этим делением выстраиваются и отношения — к своим хорошие, к чужим плохие. Далее возникают объясняющие это мифологемы — наши справедливые, а чужие дурные.

Аналогично выстраиваются и отношения между болельщиками — своих защищаем, потому что они хорошие, наши, а врагов бьем, потому что хуже их нет никого.

Те, кто на двух колесах, — хорошие, братья. А им противостоит хамоватое и наглое большинство, передвигающееся на четырех колесах.

«Спартак» — чемпион! «ЦСКА — кони!»

От негров плохо пахнет…

Эти торговцы на рынках их южных республик никогда не моют руки, от их продукции можно заразиться…

Евреи убивают христианских младенцев, а их кровь замешивают в свою мацу. (Любопытную модификацию этого старинного мифа можно было наблюдать в послевоенной Москве, когда городские былички рассказывали, что врачи-вредители в роддомах убивают советских младенцев…)

Именно этот инстинкт формирует образ врага. Именно по этой причине кроманьонцы насмерть враждовали с неандертальцами, взаимно ненавидя последних. А вот ко львам ненависти не было. Их просто боялись. Зачем же природе понадобился инстинкт, пробуждающий неприязнь именно к похожим?

Инстинкт этот присутствует не только у млекопитающих. Он есть у многих видов. Орнитолог Дольник любил объяснять его на птичьем примере, что действительно удобно.

На свете существует очень много видов птичек. Некоторые из них друг от друга почти не отличаются, отличить их может только профессионал по разным мелким признакам. Ну, типа, одни птички говорят «бордюр» и «шаурма», а птички в соседнем ареале — «поребрик» и «шаверма». Всем нормальным птичкам ясно, что «поребрик» и «шаверма» — это абсолютно отвратительно! Это вызывает справедливое возмущение и раздражение, в конце концов!..

Мелкие отличающиеся детали окраски оперения, чуть-чуть иное брачное пение, немного другой рисунок брачного танца делают один подвид птичек отвратительным и отталкивающим для другого. Они еще могут размножаться, скрещиваясь и давая плодовитое потомство, но уже не хотят этого делать — внешние детали развели их, сделав отвратительными, отталкивающими друг для друга. Это природный механизм для разведения подвидов на отдельные виды. Для начала нужно сделать невозможным скрещивание, смешение генетического материала. А уж потом генетика разведет их сама по себе. И происходит это именно так — через отвращение к небольшим различиям.

Дольник справедливо отмечает, что небольшие различия делают схожие группы карикатурными друг для друга, что вызывает одну из двух естественных реакций — отвращение или смех. Именно поэтому украинский язык русскому уху кажется смешным. А далекий финский — не кажется. Причем украинский язык кажется смешным даже для многих украинцев, выросших в двуязычной культуре и подсознательно воспринимающих русский язык как «главный» и «настоящий». Как-то я прочел в одной украинской газете горькие сетования автора на то, что сами

граждане Украины в кинотеатрах порой смеются над фильмами, дублированными на украинский. А как не смеяться?!. Комментируя мой блог, один украинский товарищ (причем считающий украинский родным языком) рассказал, как его подкосил случайно увиденный американский фильм, дублированный на мову:

— В одном эпизоде из кустов внезапно выглянул огромный негр и успокоил напугавшихся героев: «Цэ ж я, Мыкола!» Тут я неожиданно для себя просто грохнул, согнувшись пополам от смеха…

В общем, восприятие похожих на себя как карикатуру есть, по Дольнику, нормальный биологический механизм видообразования. Я бы добавил только, что инстинкт ненависти к похожему имеет и еще один биологический смысл. Дело в том, что схожий на тебя по морфологии есть твой первый конкурент в борьбе за экологическую нишу. Змея пчеле не конкурент. А вот дикая собака динго сумчатому волку — очень даже.

В социальном плане этот механизм ненависти к чужакам может привести к резне. А в личном плане ненависть к чужим оборачивается повышенной любовью к своим. Образуется этакий эмоциональный диполь. Которым многие политики пользуются, добиваясь сплочения своих методом разжигания ненависти к чужим.

Иерархия…

Стадо не может существовать без иерархии. Общество, как эволюционное продолжение стада, тоже. У нашего вида самец доминантен. Самцы выстраивают между собой отношения, а все самки автоматически, просто по определению занимают низшие места в иерархии. Отсюда весь облик цивилизации с ее тотальным мужским доминированием. Воюют, открывают материки и острова, изобретают, делают научные открытия, основывают города, играют руководящие роли в обществе — мужчины. Не потому, как мнится феминист-кам, что есть некий всеобщий мужской заговор. А потому, что такова наша животная природа. И все эти феминистические теории «стеклянного потолка» есть не что иное, как обычная рационализация — бессмысленная попытка словами объяснить то, что идет не от логики, а от инстинктов.

Самцы в стае конкурируют за пищу и самок, чтобы отправить в будущее именно свои гены. Гены победителя. Что повышает выживаемость вида в целом. При этом, конкурируя между собой, самцы образуют иерархию — от альфы до омеги. И тот факт, что половой гормон одновременно является гормоном агрессии, играет с нашей цивилизацией забавные шутки. Половые органы у

нас являются зримым символом доминирования. В обезьяньей стае демонстрация эрегированного члена есть демонстрация превосходства: «Я буду размножаться, а не ты!»

Когда появился язык, эти древние животные инстинкты нашли свое отражение и в нем — в ругательствах на тему секса, например.

В тех самцовых сообществах, где нет самок, а отношения далеки от цивилизованности и, соответственно, близки к дикой природе, иерархии образуются самые жесткие. Мы видим это на примере духовенства, армии и в особенности тюрьмы и зоны. В последнем варианте самое низовое положение в иерархии, то есть положение самок, занимают так называемые «опущенные» — те приматы, которых доминантные особи используют в качестве самок.

Почему президент может послать на хер губернатора, а губернатор президента ни в коем случае? Потому что в иерархии президент стоит выше губернатора и может ему демонстрировать свое половое преимущество — пусть даже на словах. А почему посылают именно туда? А потому что тот, кого туда послали (вербально отымели), как бы низводится до положения самки. То есть опускается в стадной иерархии на самое дно.

Впрочем, о межполовых взаимоотношениях как играющих одну из главных ролей в нашей цивилизации мы еще поговорим. А пока помолимся, братия…

Глава 3
Океан психического

Почему все же нужна новая область истории — история мира воображаемого?.. Потому что… мы все яснее начинаем понимать, что жизнь человека в обществе определяется не только осязаемыми реалиями, но и образами и представлениями. Образы, порожденные воображением, не только воплощены в иконографической и художественной продукции, они населяют универсум ментальных образов. Поэтому, приступая к их изучению, следует быть особенно осторожным, дабы не утонуть в безбрежном океане психического…

Жак Ле Гофф, историк

А вот хороший вопрос хочу задать: если в базе нашего поведения лежат инстинкты, то в чем обезьяньи корни религии? Колосок ведь не может вырасти без зернышка! Так что же было животным зерном для возникновения в сознании религии?

Хороший ответ имею!.. В основе религиозных институтов лежат два краеугольных камня — вера в разумность мироздания и ритуальность.

С разумностью просто. Частично мы с ней уже разобрались: будучи разумными сами и не имея, кроме сознания, никаких иных инструментов не только познания, но и восприятия мира вообще, люди непроизвольно наделяют окружающий мир этим же свойством. По себе о мире судим! Ведь все познается в сравнении. И прикладывая к миру линейку своего главного инструмента, человек как бы наделяет мир свойством измерителя.

Помните длинное рыло муравьеда, которое нам представляется вполне разумно заточенным для охоты на муравьев? Удобно же! Люди и сами с помощью разумения создают разные штуки, которыми удобно пользуются, — гвоздодер, например, специально приспособлен для выдирания гвоздей. Вот и окружающий мир устроен на вид так логично и

разумно! Не создан ли?..

Однако мы уже проходили, что два слепых и тупых природных механизма — случайные мутации и безжалостная отбраковка неудачных вариантов — могут создавать вполне разумные на вид штуки.

Случайность имманентна нашему квантовому миру. Она вшита в его конструкт. А отбраковка… Куда без нее? Неудачные экземпляры гибнут без счета, с удовольствием пожираемые хищниками и паразитами. Наиболее приспособленные конструкции остаются. Мы — одна из них. Наш разум всего лишь приспособительный инструмент для успешного выживания. И тень от этого инструмента отбрасывается на все мироздание.

Но почему этот инструмент порой испытывает странные экзистенциальные переживания и такое чувство, будто за ним присматривает Небесный Отец?

Если поближе рассмотреть то самое мистическое ощущение, которое иногда овладевает человеком верующим, если внимательно приглядеться к его физиологии, то мы увидим следующее…

В 2005 году в журнале «Социальная и клиническая психиатрия» была опубликована работа с весьма интересным названием «Религиозно-мистические состояния как психиатрическая проблема». Она была результатом совместной работы кафедры психиатрии Санкт-Петербургской медицинской академии и израильского Центра психического здоровья.

Констатировав, что ощущение единения с Богом, а также «экстаз, мистическое чувство блаженства и освобождения сближает религиозно-мистические состояния с маниакальной фазой аффективного психоза…», и предупредив словами величайшего русского психиатра Корсакова, что «религиозные суеверия служат нередко причиной душевных болезней», авторы говорят, что «в переживании религиозного чувства порой сложно уловить разницу между психологией и психопатологией». Далее авторы приводят забавные описания религиозных переживаний, отмечая среднюю длительность пребывания персонажа в этом состоянии, а также их (состояний) сродство с так называемыми измененными состояниями сознания, вызываемыми наркотическим опьянением.

Авторы отмечают, что «нередко возникающие во время молитвы экстатические состояния сменяются ощущениями подстроенности». Что это? А это когда клиенту кажется, что за ним кто-то следит. Кто-то это ощущение беззащитности перед чужим всепроникающим взглядом относит на Бога, кому-то мнится, что за ним следят инопланетяне или спецслужбы,

которые прослушивают его телефонные разговоры, а всей его жизнью и жизнью его страны руководят темные и враждебные силы мирового закулисья.

Всем, кто интересуется психопереживаниями боговерующих граждан, рекомендую также прочесть работу «О клиническом значении религиозно-архаического бредового комплекса», потому что крайние формы религиозных переживаний помогают понять их физиологическую основу вообще. Кроме того, любопытствующим не помешает ознакомиться и с работой американских авторов «Нейрональные субстраты религиозного опыта», предваряя которую редакция специализированного нейропсихиатрического журнала поясняет (читаем вдумчиво):

«Религиозный опыт основан на деятельности головного мозга, как и любой человеческий опыт. Предпосылки к нейрональным основам религиозно-мистического опыта могут быть выведены из симптоматики височно-лимбической эпилепсии, опыта терминальных состояний и приема галлюциногенных веществ. Эти психические расстройства и состояния могут вести к деперсонализации, потере связи с реальностью, экстазу, ощущению вневременности и внепространственности и другим переживаниям, поддерживающим религиозно-мистические интерпретации. Религиозные заблуждения являются важным подтипом отклонений при шизофрении, а зависящие от настроений религиозные заблуждения — типичной характеристикой маниакально-депрессивного психоза. Авторы данной статьи предлагают гипотезу лимбической вовлеченности в религиозно-мистическом опыте. Височно-лимбическая система помечает столкновения с внешними или внутренними стимулами как безличностные, нереальные, крайне важные, гармонические, приятные и т.д., тем самым давая основания религиозной интерпретации событий».

В общем-то этим абзацем выражена суть и статьи, и всего религиозно-мистического опыта разных «старцев» и прочих граждан, торчащих от религиозных переживаний («благодать словил»).

Дело в том, что религиозные переживания, при которых человеку кажется, будто он ощущает в себе и вокруг присутствие некоего всевидящего, наблюдающего за ним и при этом любящего его существа, можно вызвать искусственно: электростимуляцией особого участка мозга — миндалевидного ядра, находящегося в переднем отделе височной доли. В статье приводится поразительный пример излечения больного, у которого приступы общения с Богом, при которых он ощущал некое «присутствие»,

чувство глубокого удовлетворения, а также видел яркий свет и воспринимал его как источник вселенского знания, удалось купировать оперативным путем. Оказалось, больной страдал опухолью мозга — астроцитомой. После ее удаления приступы общения с Богом прекратились.

Разумеется, не все люди, переживающие подобные состояния, имеют астроцитому. Религиозные припадки могут быть связаны с эпилепсией или просто эпилептоидным типом личности. У таких людей отмечается повышенная активность «в левой передней и средней височной областях». Кстати, стимулировать работу «отвечающих за Бога» отделов мозга можно не только электричеством, но и «самораздражением» — медитацией, поэтому верующие так любят сосредоточенно молиться.

Точно так же как можно развить мышцы или память, можно «накачать» способность испытывать «чувство Бога». Нейрологи утверждают, что у людей, которые уделяют медитативным упражнениям хотя бы по десять минут в день, происходят изменения в области таламуса — за счет повышенного притока крови. Накачались!

Американский ученый из Института нейрологии (Массачусетс) Джордан Графман полагает, что люди, рассказывающие о личных контактах с Богом, отличаются от атеистов только повышенной активностью некоторых участков мозга. Соответственно, дети, выросшие в религиозных семьях и с детства прокачивающие соответствующие участки серого вещества, к зрелому возрасту уже становятся закоренелыми боговерами с гипертрофией тех отделов, которые дают иллюзию «присутствия наблюдающего». Далее привыкший к «Богу» мозг просто встраивает его в логическую картину мироздания, и человек везде начинает видеть «знаки» и отдается на волю Всевышнего, отчасти теряя собственную устремленность и волю.

Человек же, выросший в атеистической семье, более самостоятелен, у него больше развито критическое мышление, которое является основой интеллектуальной деятельности. Именно поэтому все исследования верующих и неверующих показывают, что в среднем коэффициент интеллекта у неверующих выше, чем у верующих. Иными словами, к вере толкает недостаток ума. Если же человек умен и при этом считает себя верующим, его вера обычно совершенно недогматична, легка и является более украшением жизни, нежели руководством к действию.

Понятно, что черты характера и склонности мы получаем от родителей — вместе с генами, в которых строение и функционирование нашего тела записано. Соответственно, есть

люди более или менее склонные к агрессивности, наркомании, интеллектуальной деятельности, критичности, мистичности… Те гены, которые отвечают за повышенную критичность, скорее сделают человека умным и атеистом. Ну а тот набор генов, который отвечает за осторожность, консерватизм, недоверчивость, подозрительность, с большой долей вероятности толкнет его в сторону религии.

Однако одной только физиологией вопрос биологических корней религии не закрывается. Потому что наш мозг — это белковый компьютер. И все информационно-программные штуки, характерные для компьютеров железных, для него характерны также. Включая информационные вирусы. Которые в психологии называют комплексами.

Мне довелось познакомиться с человеком, который всю жизнь посвятил изучению ментальных вирусов. Причем не абы каких, а именно религиозных. Зовут этого человека Ирина Шемет, она доктор психологических наук, работает в области интегративных психотехнологий. Интегративные психотехнологии — это психологические приемы для «сборки» расстроенного человека, который потерял веру в себя, находится в депрессии, страдает, переживает горе, порой испытывая на этом фоне разного рода соматические нарушения.

Однажды в своей деятельности практикующего психолога Шемет столкнулась со странным феноменом:

— Я вдруг заметила парадоксальную вещь: если мы занимаемся с человеком обычной психотерапией, то есть, грубо говоря, «по ушам ему ездим», тогда он будет доволен и надолго останется нашим клиентом. Но как только мы находим метод, который дает реальный результат, и мы этот результат наблюдаем вместе с пациентом в виде начавшейся положительной динамики — психика интегрируется, страдания снимаются, — так человек вдруг пропадает! Причем человек перестает ходить на сеансы вовсе не потому, что вылечился. Нет, первые сдвиги только появились, и человек, словно испугавшись, тут же прекращает ходить на сеансы. Иногда удается получить от него следующее объяснение: «Я не имею права так легко забыть про свое горе. Я должна пострадать!»

Этот феномен весьма озадачил исследователя, и Шемет решила изучить вопрос досконально. По всему выходило, что внутри человека сидит какая-то программа, которая активно противостоит процессу избавления от проблем. Поскольку психолог о ту пору была директором Центра социального здоровья и могла работать с большим количеством людей, вскоре набралась приличная статистика, которая ясно

продемонстрировала: причина — в религиозных установках.

Дело в том, что религиозные институции за сотни и тысячи лет социальной эволюции наработали свою систему воздействующих психотехник, которые привязывают человека в данной институции. Для религиозной фирмы это хорошо: человек, привыкший пить пепси-колу, не изменит ей со спрайтом. Но вот для самого человека эта «вербовка» порой оборачивается многочисленными проблемами, поскольку засаживает в его сознание мелкие шурупы разрушительных установок. На этих «шурупах», которые представляют собой в прямом смысле вредоносные программы-вирусы, держится копилка религии, в которую человек периодически опускает зарабатываемые им деньги. Но нештатный «шуруп», вкрученный в мозг, разрушает и мозг, и тело, поскольку соматика от психики неотделима. Не зря великий физиолог Сеченов писал, что «все бесконечное разнообразие внешних проявлений мозговой деятельности сводится окончательно к одному лишь явлению — мышечному движению. Смеется ли ребенок при виде игрушки, улыбается ли Гарибальди, когда его гонят за излишнюю любовь к родине, дрожит ли девушка при первой мысли о любви, создает ли Ньютон мировые законы и пишет их на бумаге — везде окончательным фактом является мышечное движение».

Забой в мыслях, постоянно точащая человека проблема оборачиваются мышечными зажимами, которые в дальнейшем (через пережатие кровотока) могут привести к функциональным нарушениям во внутренних органах.

Для воздействия на личность религия использует тексты, проповеди, обряды и ритуалы, а также голодания (так называемые посты), которые с точки зрения психологии являются не чем иным, как сеансами кодирования, то есть теми самыми легкими поворотами отвертки, которыми вкручивают шурупы установок.

Психотехниками можно человека со слабой психикой превратить в религиозного фанатика, который, обвязавшись динамитом, побежит уничтожать инаковерцев или грешников. Иными словами, деструктивные психотехники могут видоизменить даже самый сильный из инстинктов — инстинкт самосохранения. Нечего и говорить о том, что они могут просто испортить человеку жизнь.

В общем, виной исчезновения из поля зрения психологов людей, к которым удалось подобрать ключик оздоровления, были религиозные установки на страдание. Эти установки имманентны христианству, которое твердит человеку, что страдания есть благо, что страданиями очищается душа, и тому подобную

мазохическую ерунду. И понятно почему! Все христианство основано на жертвенности и страдании. Его основатель был казнен и «пострадал за все человечество», его святые были мучениками, его адепты — так называемые «старцы» и юродивые — подвергали себя разного рода истязаниям… Прекрасный пример для подражания, не правда ли?

При этом давно замечено, что чем больше адепты религии погружаются в систему, тем больше они становятся похожими на человеческий эталон своей религии. То есть вместо радостного человека-победителя, для которого все препятствия нипочем, мы получаем приближение к разбитому, униженному и преданному персонажу, потерпевшему сокрушительное поражение. К жертве. К страдальцу.

И совершенно права Ирина Шемет, полагающая, что подобные установки идут вразрез с ценностями современной цивилизации, которую не зря называют гедонистической, то есть стремящейся брать от жизни все. Обычно слово «гедонизм» произносится с осуждением, но в этом бессмысленном осуждении слышится извечное христианское «пострадать бы надо». То есть осуждение частью современного общества «потреблятства» есть не что иное, как та самая христианская отрыжка, которая порой мешает религиозным людям стать счастливыми. Как видите, установки присущи не только людям, но и целым сообществам… Фактически же гедонизм является вершиной нашей цивилизации, представители которой никогда не жили так хорошо, как сегодня, и никогда не исповедовали столь яркой и жизнеутверждающей идеологии, как гедонизм. Идеологии, которой совершенно не надо стесняться, которая не нуждается в оправданиях и которую нужно воздвигнуть на тот пьедестал, на котором все еще стоит порядком обветшавший и перекошенный памятник религиозной доктрине.

Люди должны быть сыты, счастливы, веселы и довольны жизнью. Они должны получать нормальные жизненные удовольствия и быть заинтересованными во всем том, что дарует им современная цивилизация. А не ходить, повесив нос и бубня «что-то я мало еще сегодня пострадал» и «Господь терпел и нам велел». На фиг!..

Вы не замечали, что в постхристианской Европе люди улыбаются, а в недоразвитой (и потому более склонной к религиозности) России ходят хмурые и неулыбчивые? Анализ 120 тысяч собственных фотографий, которые размещают в социальных сетях люди разных стран, показал, что русские улыбаются реже всех. И уровень убийств у нас в 28 выше (это не ошибка), чем в Европе. Страдаем. Терпим…

Столкнувшись с такой проблемой, Шемет и ее группа начали разрабатывать методики религиозной декодировки. Впервые эти методики были обкатаны ими в девяностые годы, когда на свободный, едва освободившийся от коммунизма идейный рынок России хлынули со своим товаром разного рода мелкие религиозные фирмы — секты. Они работали жестко, брали в оборот сразу, установки прописывали грамотно. Но если один специалист прописал установку, значит, найдется другой, который ее снимет. Гонка брони и калибра…

Технологии религиозной декодировки, опробованные и отточенные в девяностые на сектантах, показали хороший результат. И в нулевые годы были обкатаны группой Шемет уже на православных. О ту пору Шемет работала в Московском институте физкультуры. Почему именно там?

Потому что спорт, по ее мнению, похож на религию:

— Это довольно массовая «религия» со своей системой духовных ценностей. В эту «религию» нынче вовлечено людей едва ли не больше, чем в угасающие традиционные религии. Древние греки-язычники, проводившие Олимпиады, хотели с помощью спорта быть здоровыми, красивыми и богоподобными, то есть похожими на мускулистых богов, живущих на Олимпе. Разумеется, большой спорт здоровья не добавляет. Он его уносит. И с этой точки зрения профессиональные спортсмены — «святые», то есть эталоны, которым нужно подражать. Они прошли путь жесточайшей аскезы. Но это не требуется абсолютному большинству «верующих». Для них достаточно физкультуры. Физкультура — это культ физического тела. Обычные люди вовсе не кладут жизнь на алтарь своего культа, как это делают «святые».

Занимаясь изучением спортсменов и их мотивацией, Ирина Шемет столкнулась с конфликтом двух культов — православного и спортивного: оказалось, у тех спортсменов, у которых в голове крепко засели православные установки, спортивные результаты были хуже при прочих равных условиях.

Психологи разработали специальные опросные листы, которые позволили ранжировать религиозность человека и присвоить ей балл от 1 до 10 — в зависимости от того, насколько значима религия для тестируемого. Оказалось, единственная статистически значимая разница между спортсменами первого-второго уровня и спортсменами третьего-четвертого-пятого уровня лежала в степени их религиозности. И эта разница достигала 25%! Причем прослеживалась четкая корреляция — чем сильнее были религиозные установки, чем больше для спортсмена значила религия, тем хуже был его результат.

Максимальные достижения показывали спортсмены, которые больше верили не в Бога, а в себя, и которых меньше угнетало внутреннее ощущение жертвы и чувство смирения, так характерное для христианской, а не для физической культуры.

Религиозная декодировка и здесь дала прекрасные результаты. По мере элиминации религиозных установок из психики спортсменов у последних начинали расти спортивные результаты.

Читатель наверняка в нетерпении ждет ответа на вопрос, что же представляет собой процесс декодирования.

Поскольку наш мозг — это компьютер, процесс декодирования по своей сути напоминает процесс лечения жесткого диска антивирусными программами. Сначала психологи сканируют файловое пространство, находят скрытые от хозяина файлы, после чего убивают их. Самому человеку избавиться от собственных «тараканов» нельзя, от него эта информация заблокирована, поскольку есть защитные внушения-оболочки, которые охраняют паразитный файл и не дают хозяину его вскрыть. Известный психолог и философ Дмитрий Узнадзе — родоначальник теории установок, писал, что внушенные установки обладают навязчивым характером и с большим трудом поддаются осмыслению.

Однако, поскольку вредоносная информация действует на тело и сознание человека, то есть находится в активном состоянии, специалист при определенном уровне квалификации может эту информацию считать, достать, после чего уничтожить — с помощью самого клиента, который эту информацию не осознает, но свои поступки и мысли, ею диктуемые, как-то пытается для себя и других вербализовать, что и помогает психологу «шуруп» нащупать.

Годы обкатывания шеметовских методик зря не прошли: порой удается произвести религиозное декодирование всего за один двухчасовой сеанс. Религия нынче как сифилис — лечится одним-двумя уколами!

Ну а внешне религиозное декодирование напоминает психотерапевтический сеанс. Сидит в кресле пациент, а перед ним — психолог и ассистент. Последние в процессе беседы проводят психологическую операцию по удалению информационных паразитов, присосавшихся к психике пациента.

— Мы избавляем человека от того страха Божия, который является главной доминантой в любой религии, — объясняет Шемет. — Потому что страх этот — внушенное состояние. И стало быть, от него можно избавиться методами психотерапии и практической психологии. Внутри каждого человека укоренились

разные по своей разрушительности деструктивные программы: одни относительно безобидные, и с ними человек сам может справиться; другие — весьма опасные, грозящие разрушением всей информационной системы. Последние мы и выявляем — сканируем файлы и среди нормальных выявляем не соответствующие норме. После чего убиваем.

Как же происходит «убийство паразитов» или «стирание файлов» (выбор аналогии оставляю на вкус читателя)?

— С точки зрения Фрейда, достаточно вывести в поле зрения сознания непроявленный травмирующий эпизод, как происходит его автоматическая разрядка, — пытается объяснить Ирина Шемет. — Хотя на самом-то деле это не так и вывести в сознание мало, но сам принцип Фрейдом угадан верно. Есть в психологии методы, помогающие пациенту эти программы стирать. Иногда достаточно дать простую команду: «На тебя эта паразитная фраза больше не будет действовать!..»

При этом психологи ничего не внушают пациенту под гипнозом. Они просто раскладывают перед пациентом на подносе все те информационные глисты, которые у него выявили, и спрашивают: «Убиваем?» Если голова у клиента работает и есть желание избавиться от проблем, он сам дает себе команду «delete».

Правда, не всегда процесс удаления проходит легко, порой болезненная программа так укореняется, что дает ярко выраженные соматические эффекты при удалении. Человек сидит, и у него от страха руки синеют, холодеют, цепенеют, его начинает трясти, колотить.

— Тело прямо-таки зримо реагирует, когда мы кликаем на этот файл! Как будто там содержится угроза жизни.

И практически всегда при этом пациенту становится трудно дышать — это довольно известный в психотерапии эффект. Паразиты таким образом стараются спастись. Поэтому во время религиозной декодировки применяются специальные дыхательные техники, чтобы помочь телу справиться с нагрузкой, — после удаления каждого вирусного файла пациенту дают подкрепляющую дыхательную микросессию. Но делается это не только для повышения ресурсов организма — некоторые техники дыхания помогают стирать информацию.

Импотенция? Частые травмы и болезни? Нескладывающийся второй брак? Потеря смысла и интереса к жизни? В карьере проблемы после развода?.. Все это может быть следствием православных шурупов, вкрученных в мозг. Поэтому, когда человек приходит с подобной проблемой, психологи интересуются, нет ли у пациента в анамнезе венчаного брака:

часто именно венчание приводит к подобным эффектам — так в виде самонаказания за «грех» срабатывает глубоко укорененная установка на единственность венчаного брака.

Почему некоторые православные фанатики носят черные майки с надписью «православие или смерть»? Это случайное прозрение!.. Словно частица, преодолевшая потенциальный барьер с помощью туннельного эффекта, сия формула есть вырвавшаяся из глубин подсознания установка страха, которую внушает религия. В принципе установка сия так и звучит: «религия или смерть», — но человеком она обычно не осознается. Она просто работает: любая попытка покинуть религиозную систему, которая данную установку прописала, вызывает необыкновенное беспокойство и страх у человека. При этом в сознании данной формулы нет, напрямую ее туда никто не забивал. Но в подсознании она сидит крепко. А человек так устроен, что старается всегда выбирать жизнь. И если подсознание полагает, что уход из секты или церкви грозит смертью, оно заставит тело за секту или церковь крепко держаться. Оно будет тело трясти, учащать ему сердцебиение, пугать, повышать давление и уровень адреналина, перехватывать ему дыхание — при любых угрозах целостности вирусных мемов.

Надевшие черные майки «православие или смерть» думают, что нашли некую поэтическую формулу, выражающую их отношение к любимой религии. А фактически, сами того не понимая, случайно нашли правильное выражение тех комплексов, которые сидят глубоко в их подкорке.

Но религия — это не только кнут, который хлещет наше животное тело болью и страхом. Она действует еще и пряником. И пряник этот — удовольствие от религиозного экстаза. В православии приятные ощущения от «щекотки мозга» называются благодатью.

Великий психолог и основатель целого направления в психологии — сенсомоторного психосинтеза — Владимир Кучеренко считает, что все религии есть не что иное, как выработанные человечеством способы достижения измененных состояний сознания — транса. Транс приятен.

Использование культами разного рода психоактивных веществ (пейот, ладан[4], галлюциногенные грибы, спиртное) и ритмичных движений (раскачивание во время молитв, кружение дервишей) есть просто способы достичь «божественного просветление», а попросту говоря — впасть в состояние наркотического или физиологического транса.

И недооценивать роль животного транса в социальной истории нельзя. Я уже упоминал о Поршневе, который выдвинул

идею о решающем влиянии каннибализма на очеловечивание обезьяны. Есть и другая, не менее яркая гипотеза — о решающем влиянии на становление разума трансовых состояний. Эту идею впервые выдвинул выпускник калифорнийского университета этноботаник Теренс Кемп Маккенна. Как отмечается в предисловии к его книге «Пища богов», для подтверждения своей гипотезы «Маккенна привлекает обширный по охвату материал из антропологии, истории древнейших культур, ботаники, психологии, психофармакологии, культурологии и многих других областей знания».

Действительно, нет ни одной человеческой общности, которая бы не практиковала те или иные психоактивные вещества. Грибы, конопля, мак, чайный лист, кофе, кактусы, алкоголь… Люди вечно искали и находили то, что меняло их сознание.

Впрочем, по данной теме и старик Поршнев не подвел. Изучая становление человека, он, наряду с каннибализмом, уделял много внимания суггестии, которая, по его мнению, тоже сыграла громадную роль в происхождении речи и разума. Суггестия — это внушение. Оно может осуществляться с помощью текста, который мы слышим или читаем. Например, словесное внушение под гипнозом, то есть в измененном состоянии сознания, — это суггестия. Когда мы читаем и перед нашим мысленным взором проносятся цветные картинки, встающие за равнодушным частоколом черно-белых букв, мы тоже находимся в состоянии измененного сознания. Даже когда в беседе мы настроились на собеседника, стараясь его понять, мы опять-таки находимся под его внушением. По Поршневу, речь есть способ торможения и возбуждения коры головного мозга того, к кому эта самая речь обращена. Но ровно для того же служат и психоактивные вещества!

Причем не всегда эти самые галлюциногенные вещества употреблялись людьми сознательно. Что ничуть не мешало этому употреблению влиять на историю. Возьмем, например, Средневековье с его ужасами.

Что для нас Средние века? Полыхающие костры инквизиции и массовая истеричная охота на ведьм; одержимость; судебные процессы против животных, на которых судили кошек и петухов; психические эпидемии, охватывающие целые районы; безумия флагеллантов, которые стадами бродили по Европе, бичуя себя кнутами; периодические вспышки каннибализма (не каждый раз обусловленные только лишь голодом), после которых в европейской фольклористике остались сказки о людоедах… Такое ощущение, что люди огромными массами сходили с ума.

Есть мнение, что причиной тому было отравление спорыньей — грибком, паразитирующим на зернах ржи. Если рожь массово поражалась этим грибком, от отравления спорыньей столь же массово поражались и люди. В иные годы спорынья уносила не меньше жизней, чем в другие годы чума, причем с весьма неприятными симптомами — судороги, корчи, сильные боли в результате спазматического сокращения мускулатуры конечностей с дальнейшей гангреной из-за пережатия сосудов и непоступления в конечности крови. Ноги и руки просто чернели и отваливались.

Однако спорынья не только растительный яд, но и мощный галлюциноген. Как известно, именно из алкалоидов спорыньи был синтезирован знаменитый ЛСД — диэтиламид лизергиновой кислоты, вызывающий яркие продолжительные галлюцинации. Соответственно, смертельные отравления убивали, а несмертельные приводили к галлюцинациям и злобному буйству. Если же учесть, что содержащиеся в зараженном хлебе галлюциногены являются антагонистами серотонина, многое становится понятным — и агрессивное поведение, и тяга к человечине (кстати, один из описанных симптомов отравления спорыньей — постоянный лютый голод).

Остается объяснить только религиозный характер бреда и охоту на ведьм, но это сделать как раз не сложно. Дело в том, что характер галлюцинаций задается основным потоком жизни, в котором существуют люди. А поскольку жизнь средневекового человека была наполнена религией по самый край, в болезненном бреду ему мерещились бесы, дьявол, ведьмы и прочие враги рода человеческого.

В этой связи любопытно описание первооткрывателя ЛСД — швейцарского химика Альберта Хофмана, который проводил с этим веществом эксперименты на себе. Хофман европеец, выросший в христианской традиции, соответственно обратите внимание на характер его бреда: «Окружающий меня мир теперь еще более ужасающе преобразился… Женщина возле двери, которую я с трудом узнал, принесла мне молока — на протяжении вечера я выпил два литра. Это больше не была фрау Р., а скорее злая, коварная ведьма… Какой-то демон вселился в меня, завладел моим телом, разумом и душой».

Постепенный переход Европы от ржи к пшенице и привезенному из Америки картофелю снял проблему. А современные методы фитоконтроля ее практически исключили. Последняя случайная вспышка отравления спорыньей в Европе произошла в 1951 году, когда зараженная мука попала в одну из хлебопекарен небольшого городка Пон-Сен-Эспри на юге

Франции. Из трехсот человек, поевших хлеба местной пекарни, пятеро умерли, а остальных в течение недели не по-детски плющило. Горожане выбрасывались из окон, бегали голыми по улицам, душили друг друга, пытались вскрыть себе грудную клетку ножом, убегали в ужасе от гигантских чудовищ, им мерещилась капавшая со стен кровь и огонь. Попытки прибывавших из соседних мест полицейских утихомирить особо буйных горожан не всегда приводили к успеху: буйствующие обладали нечеловеческой силой, раскидывали полицейских и санитаров, рвали смирительные рубашки и перегрызали кожаные ремни, которыми их связывали.

Их видения были довольно разрозненными, потому что эпидемия приключилась в новейшее время: у людей уже не было общей картины мира в виде довлеющей религиозной идеологии, насаждаемой с детства. Зато уже было цветное кино и разнообразие книг, что весьма индивидуализировало бред.

Некоторые исследователи даже средневековые Крестовые походы выводят из наркотической теории. Ясно, что после бурного размножения населения в урожайные периоды в годы неурожайные количество едоков вдруг скачкообразно начинает превышать возможности кормовой базы. И избыточное население, гонимое голодом, выдавливается, как паста из тюбика, в завоевательные походы. А вот куда именно они пойдут, может зависеть от процессов, которые бродят в их головах и подстегиваются галлюциногенами. Дело в том, что в неурожайные, дождливые годы зерно, во-первых, сильно поражено спорыньей, а во-вторых, люди с голодухи жрут все без особого разбора, даже порченое зерно.

В 1998 году в журнале «Химия и жизнь» авторы А. Черников и В. Мосягин опубликовали статью с характерным названием — «Биохимия Крестовых походов». В ней авторами излагается мысль о том, что знаменитые Крестовые были плодом больного воображения, двигающего историю. Впрочем, той же идеи придерживался до них и такой «тяжеловес» как французский историк Ле Гофф, чья цитата вынесена а эпиграф к этой главе. Он обратил внимание, что аккурат накануне Крестовых походов Европу охватила самая мощная эпидемия эрготизма (так по-научному называется отравление спорыньей). И самыми активными участниками Первого Крестового похода были люди аккурат из тех областей, которые более всего пострадали от болезни, — с Рейна и из восточной Франции. В те же годы случился и голод.

Так какая из этих двух причин погнала людей спасать Гроб Господень — голод или отравление? Прагматичное мышление

подсказывает, что голод был главной причиной. Потому что версия бреда, вызванного алкалоидами, выглядит как-то странно. Ну заглючило народец — пусть даже всех на одну тему. Но потом-то отпустило! Кайф не вечен…

Однако люди едят хлеб постоянно… Кроме того, наводит на некоторые мысли тот факт, что походам предшествовала всеобщая экзальтация, кликушество, разного рода видения на религиозные темы. Одна из лучших книг про инквизицию, «История инквизиции. Происхождение и устройство» Генри Чарлза Ли, рассказывает читателю, что «многие города и посады Германии наводнились женщинами, которые, не имея возможности удовлетворить свое религиозное рвение вступлением в ряды крестоносцев, раздевались и голые бегали по улицам и дорогам».

Голые бегали — это уже не просто предвоенный энтузиазм а-ля «и в воздух чепчики бросали», это уже конкретные проблемы с психикой. Кроме того, можно вспомнить, что один из симптомов отравления спорыньей — мучительный жар, который будто выжигает человека изнутри. Отравленные люди не выносят, когда их чем-то накрывают, им все время хочется раздеться или залезть в воду. Возможно, это происходит потому, что из-за спазма мелких сосудов тепло, которое вырабатывается внутри организма, плохо отводится теплоносителем (кровью) к радиатору охлаждения (поверхности тела) и происходит внутренний перегрев.

Да и сам характер этих Крестовых походов был совершенно безумным! Целыми толпами крестьяне разных стран, вооруженные вилами и топорами, шли, не зная дороги, куда-то в Палестину. Как сообщают хронисты, «повсюду: в деревнях и прямо в поле — люди оставляли свои орудия, бросая на месте даже те, что были у них в руках, и присоединялись к шествию…». А поход 1212 года вообще получил название Крестового похода детей. Целые толпы детей и подростков со всей Европы ручейками и речками текли «освобождать Гроб Господень». Население Европы не очень было довольно этими шествиями, поскольку дети ради пропитания грабили и опустошали поля и сады.

Заразил детское население Европы этой идеей один французский пацан по имени Стефан из города Клуа, которому во время галлюцинации явился Иисус в белом облачении и велел стать во главе нового Крестового похода. Эта идея, словно чума, разлетелась по всей Европе, и дети начали сбегать из домов и присоединяться к детской армии, стекавшейся к месту встречи — в Вандом.

О ту же пору в Германии, под Кельном, образовался аналогичный немецкий мальчик 12 лет по имени Николас. Ему пригрезился крест в небесах, который (крест!) сообщил Николасу, что ему непременно нужно собрать немецких детей и присоединиться к походу. И через непродолжительное время 25-тысячное детское войско направилось к морю.

Дети, начитавшиеся всякой религиозной ахинеи, решили, что море расступится перед ними и они пойдут по дну, как когда-то лучший друг еврейского народа Моисей со своими людьми. Пройдя таким образом через море, они достигнут Палестины, а там уже каким-нибудь образом «освободят» Гроб Господень.

Немецкие дети, которые шествовали в Италию, частью погибли при переходе через Альпы, а французские, добравшись до моря у Марселя, начали молиться, чтобы море расступилось перед ними. По неизвестной причине Господь оказался глух к их мольбам. Видимо, он откликался на подобные энергозатратные просьбы, только если они исходили от его любимых евреев. Французы же к богоизбранному народу явно не принадлежали.

Кончилось все тем, что два местных пронырливых купца рассадили детей на корабли, пообещав доставить до Палестины, перевезли через Средиземное море и продали в Алжире в рабство мусульманам.

Похожая история произошла через сто лет. Тогда в Европе приключился голод, вызванный несколькими подряд необычайно дождливыми летними сезонами, сгубившими урожай и способствовавшими поражению зерна грибковыми заболеваниями. Цена на зерно подскочила в пять раз, началось людоедство, поскольку дремлющий инстинкт каннибала просыпается у нашего вида всякий раз, когда обычной пищи не хватает.

В результате поедания галлюциногенного зерна французский молодой пастушок увидел, как птица превращается в Мадонну и зовет его на бой с угнетателями Гроба Господня. Далее история психической эпидемии повторяется с тем только отличием, что данный Крестовый поход историки называют Крестовым походом пастушков. И конец у нее несколько иной, хотя тоже бесславный — поскольку по ходу своего продвижения к морю «пастушки» грабили местное население, король Франции Филипп V выслал войска и разогнал всю эту банду.

Известно, что запалом самого первого Крестового похода послужили слова папы римского Урбана II, который отослал избыточное население Европы куда подальше — воевать за Гроб Господень, освобождая оный Гроб от рук неверных. Это было обычным сбросом пара из перегретого демографического котла,

но авторы биохимической гипотезы полагают, что хроническое отравление спорыньей сыграло в распространении этих психических эпидемий решающую роль. Поскольку периодическое подтравливание организма алкалоидами может приводить к длительным периодам психозов. На фоне которых и разворачивались события.

«Таким образом, — пишут авторы, — становятся понятными некоторые психологические особенности людей «мрачного тысячелетия» — повышенная религиозность, внушаемость, социальная мобильность. По-видимому, их в значительной мере определяла неустойчивая физиология, «расшатанная» психотропными веществами».

Не зря говорят: «Человек есть то, что он ест…»

Глава 4
Животные корни религии

> *Во многих религиях центральное место занимает не верование, а ритуальное поведение. Так, в иудаизме, например, от верующего требуется в первую очередь не знание догматов, а определенное, строго регламентированное поведение, соблюдение множества предписаний, обрядов… Только в ритуале достигается высший уровень сакральности.*
>
> *Гарадж В. Социология религии*

Млекопитающие — существа играющие. Человек не исключение.

Игра приносит радость. То есть налицо форма биохимического положительного подкрепления со стороны природы. Почему же природе нужна игра? Нужна настолько, что она одаривает за игру физиологическим кайфом? Природа ведь ничего просто так не делает, зря не награждает. Нам приятно кушать — за то, что мы заряжаем тело энергией и строительным материалом. Нам приятно размножаться — за то, что мы таким образом сохраняем вид. Нам приятно играть… за что?

А за то, игра есть форма обучения. Восторженно играющие с бумажками и друг с другом котята учатся охотиться и драться. И понятное дело, что чем развитее существо, тем легче ему осуществить отрыв биохимического подкрепления от изначального природного замысла. Например, начать обжираться и жиреть, гробя здоровье. Трахаться в презервативе ради голого удовольствия, а не для полезного размножения. Играть в карты, а не в салочки.

Игра стала самоценностью. Она нравится нам сама по себе. В том числе и ролевые игры. Люди, увлеченные Толкиеном, играют в рыцарей и эльфов, размахивая деревянными мечами. Люди, увлеченные русско-французской войной 1812 года, переодеваются в солдатскую форму той эпохи и в очередной раз разыгрывают Бородинское сражение. Люди, увлеченные религией, тоже собираются вместе и понарошку проходят весь крестный путь

Христа до самой Голгофы. Разница только в том, что ряженые понимают: это всего лишь игра, а боговерующие придают своей игре какой-то волшебный надсмысл.

Евхаристия — то есть шуточное поедание хлеба и вина, как будто бы это тело Господне, — тоже своего рода игра. Эта игра по-научному называется теофагией, то есть богоедством. Богоедство как ритуал в той или иной форме было присуще многим религиям, и христиане, символически поедающие своего Бога, чтобы обрести благость, здесь не одиноки. Собственно говоря, вера в то, что лучшие качества поедаемого перейдут к поедающему, свойственна всем племенам каннибалов: съем мозг умного — стану умнее, съем сердце храброго — стану храбрее, выпью кровь сильного — стану сильнее. Приблизиться к Богу через его поедание — вот чего хотели верующие всех теофагских культов, вот чего требовали их людоедские инстинкты, дремлющие в глубинах психики каждого из нас и периодически шлющие нам неожиданные приветики — то в виде евхаристии, то в виде восклицания мамы, зацеловывающей хохочущего малыша: «Ты такой сладкий! Я тебя сейчас съем!»

Сами христиане позаимствовали теофагию у язычников. Древние язычники делали Бога в виде человечка из теста и съедали его. В эпоху античности уже и деланием человекоподобной фигурки не заморачивались, ограничиваясь чистым символизмом — просто ели хлеб. Потом ушел и символизм, редуцировавшись до чистой риторики, когда хлеб римляне поэтически называли Церерой (богиня плодородия). Но затем, по мере одичания в эпоху развала великой цивилизации, люди вновь вернулись к прямой теофагии — только теперь уже в рамках христианства.

Помните Дольника с его замечательным наблюдением о том, что малые отличия между схожими вызывают наиболее активное неприятие? Когда христианские миссионеры сталкивались с дикарскими культами теофагии, они видели в этом злую карикатуру на христианскую евхаристию и начинали, как многие животные в подобных ситуациях, непроизвольно продуцировать в своих организмах биохимию ненависти. Особенно ярко это проявилось в Америке.

У ацтеков был не только каннибализм, но и теофагия, а также использование психоактивных веществ в религиозных практиках. Причем теофагия у них совмещалась с каннибализмом. Самого красивого и упитанного юношу нарекали божеством, кормили на убой, воздавали ему почести как Богу. После чего на самом деле убивали и съедали с большим аппетитом.

При этом параллельно существовал и обычай бескровной

теофагии — из маиса с медом ацтеки лепили статуи своих божков, некоторое время кланялись им, проделывали ряд церемоний, после чего причащались. Любопытно, что, перед тем как съесть своего маисового бога, его «убивали» — пронзали грудь хлебной статуи копьем.

Так вот, прибывшие в Америку христиане восприняли индейское причащение как злобно-карикатурную пародию на свой культ, после чего начали жесточайшую борьбу с ним. Попутно они запретили местному населению употреблять галлюциногенные кактусы, предлагая взамен вино. Христиане считали, что опьянение от вина гораздо лучше, чем от пейота, поскольку вино от Господа, а пейот от дьявола. Так, один из испанских монахов, характеризуя упоротых индейцев, писал, что «опьянение это намного сильнее и отвратительнее, чем если б они выпили крепкого вина».

Индейцев, совершавших свои традиционные обряды, испанцы вешали, пытали, выкалывали глаза… в общем, относились к ним явно неравнодушно. А нечего дразниться!..

Но индейцы отказываться от своих ритуалов не спешили…

Ритуалы — это основа любой религии. Нет людей более склонных к разного рода ритуалистике, чем верующие. Как у птичек малейшее расхождение в брачных песнях и танцах может послужить основой для отвращения, так и у людей религиозных, принадлежащих к одной вере, малейшее расхождение в ритуалистике служит основой для ярости, ненависти, гонений, казней, пыток и обвинений в ереси.

Двумя пальцами креститься или тремя? Для нормального человека разницы нет. Но для религиозных фанатиков это повод для резни и сжигания еретиков заживо. Смеха ради приведу три абзаца с одного старообрядческого сайта, посвященный этой «проблеме»:

«…двоеперстное или троеперстное? Этот вопрос и для нашего времени не потерял еще своего значения! Почти триста лет ведутся об этом споры между старообрядчеством и новообрядчеством, и хотя теперь бесспорно и научно доказано, что двоеперстие древнейшего происхождения (с апостольских времен), а троеперстие — новейший обряд, ни на чем не основанный и, кроме того, догматически погрешительный, тем не менее никониане не хотят его оставить и продолжают держаться за него как за величайшую святыню, как за непреложный догмат веры.

До сих пор новообрядческая церковь продолжает утверждать в издаваемых ею псалтырях, часословах, часовниках (в предисловиях к ним), а также и в учебниках по Закону Божию, что

двоеперстие — армянский и еретический обряд, а троеперстие — апостольское предание… Если в наш «просвещенный» век, почти безверный, и для людей именно этого века — «культурных», «просвещенных», пропитанных всяким либерализмом, — вопрос о перстосложении имеет, как видим, такое огромное вероисповедное значение, то можно представить себе, как он волновал и смущал благочестивых людей XVII в., для которых всякий церковный обычай имел непреложное значение. Вопрос о двоеперстии и троеперстии был в то время страшным и роковым, вопросом жизни и смерти. Примешь троеперстие — будешь полноправным гражданином, «православным» христианином, а останешься с двоеперстием — обречен на гибель: будешь проклят, постоянно гоним, подвергнут мучительным пыткам и сожжен в срубе, или скончаешь жизнь на пытке, на плахе, на четвертовании, или всю жизнь будешь скрываться в лесах и в других непроходимых местах, на далеких окраинах Родины и даже за пределами ее.

Почему же, однако, русские благочестивые пастыри того времени и их верная паства отказались от всех благ земных, пошли на самые страшные мучения и пытки и на смерть, а от двуперстного знамения не отказались? На это они имели очень твердые и действительно непреложные основания».

И далее по тексту — куча страниц про «обоснования» со ссылками на церковные книги, отчего «правильно» креститься именно двумя перстами, а никак не тремя! И смех и грех, как говорится…

Самой темной и фанатичной массой населения всегда было крестьянство, жившее монотонным трудом в информационно бедной среде и не обладавшее на протяжении тысяч лет никаким или почти никаким образованием. В этом смысле крестьяне недалеко ушли от первобытных дикарей. А дикари и животные — крайне ритуализированные создания!

Малейший сбой привычных действий может привести их в состояние тревожности и глубокой обеспокоенности. Недаром китайская поговорка «чтобы ты жил в эпоху перемен» родилась в консервативной крестьянской среде. Не любит патриархальное сознание перемен. Оно их боится. Любую перемену воспринимает как психотравмирующую ситуацию. Если в опытах, подобных тем, что проводил великий физиолог Павлов, выработать у собаки условный рефлекс слюноотделения на звонок, после которого в блюде перед собакой появляется каша, то неожиданное появление вместо каши сырого мяса может вызвать у собаки испуг. Хотя мясо круче каши!

Почему?

Потому что нарушен привычный ход вещей. Выработали у крестьянина рефлекс креститься двумя перстами — и будет ими креститься, хоть тресни!.. Этот рефлекс и есть ритуал. Знаменитый этолог Конрад Лоренц в своей книге «Агрессия» рассказал чудесную историю:

«Решающая роль привычки при простом обучении маршруту у птицы может дать результат, похожий на возникновение сложных культурных ритуалов у человека; насколько похожий — это я понял однажды из-за случая, которого не забуду никогда. В то время основным моим занятием было изучение молодой серой гусыни, которую я воспитывал начиная с яйца, так что ей пришлось перенести на мою персону все поведение, какое в нормальных условиях относилось бы к ее родителям…

Мартина в самом раннем детстве приобрела одну твердую привычку. Когда в недельном возрасте она была уже вполне в состоянии взбираться по лестнице, я попробовал не нести ее к себе в спальню на руках, как это бывало каждый вечер до того, а заманить, чтобы она шла сама.

Серые гуси плохо реагируют на любое прикосновение, пугаются, так что по возможности лучше их от этого беречь. В холле нашего альтенбергского дома справа от центральной двери начинается лестница, ведущая на верхний этаж. Напротив двери — очень большое окно. И вот когда Мартина, послушно следуя за мной по пятам, вошла в это помещение, она испугалась непривычной обстановки и устремилась к свету, как это всегда делают испуганные птицы, — иными словами, она прямо от двери побежала к окну, мимо меня, а я уже стоял на первой ступеньке лестницы. У окна она задержалась на пару секунд, пока не успокоилась, а затем снова пошла следом — ко мне на лестницу и за мной наверх. То же повторилось и на следующий вечер, но на этот раз ее путь к окну оказался несколько короче и время, за которое она успокоилась, тоже заметно сократилось. В последующие дни этот процесс продолжался: полностью исчезла задержка у окна, а также и впечатление, что гусыня вообще чего-то пугается. Проход к окну все больше приобретал характер привычки, и выглядело прямо-таки комично, когда Мартина решительным шагом подбегала к окну, там без задержки разворачивалась, так же решительно бежала назад к лестнице и принималась взбираться на нее.

Привычный проход к окну становился все короче, а от поворота на 180˚ оставался поворот на все меньший угол. Прошел год — и от всего того пути остался лишь один прямой угол: вместо того чтобы прямо от двери подниматься на первую ступеньку лестницы у ее правого края, Мартина проходила вдоль

ступеньки до левого края и там, резко повернув вправо, начинала подъем.

В это время случилось, что однажды вечером я забыл впустить Мартину в дом и проводить ее в свою комнату, а когда наконец вспомнил о ней, наступили уже глубокие сумерки. Я заторопился к двери и едва приоткрыл ее — гусыня в страхе и спешке протиснулась в дом через щель в двери, затем у меня между ногами и, против своего обыкновения, бросилась к лестнице впереди меня. А затем она сделала нечто такое, что тем более шло вразрез с ее привычкой: она уклонилась от своего обычного пути и выбрала кратчайший, т.е. взобралась на первую ступеньку с ближней, правой стороны и начала подниматься наверх, срезая закругление лестницы. Но тут произошло нечто поистине потрясающее: добравшись до пятой ступеньки, она вдруг остановилась, вытянула шею и расправила крылья для полета, как это делают дикие гуси при сильном испуге. Кроме того, она издала предупреждающий крик и едва не взлетела.

Затем, чуть помедлив, повернула назад, торопливо спустилась обратно вниз, очень старательно, словно выполняя чрезвычайно важную обязанность, пробежала свой давнишний дальний путь к самому окну и обратно, снова подошла к лестнице — на этот раз «по уставу», к самому левому краю, — и стала взбираться наверх. Добравшись снова до пятой ступеньки, она остановилась, огляделась, затем отряхнулась и произвела движение приветствия. Эти последние действия всегда наблюдаются у серых гусей, когда пережитый испуг уступает место успокоению. Я едва верил своим глазам. У меня не было никаких сомнений по поводу интерпретации этого происшествия: привычка превратилась в обычай, который гусыня не могла нарушить без страха».

Узнаваемо? Забыв от волнения исполнить ритуал, гусыня потом все же вспомнила о нем и «перекрестилась» — причем с особым тщанием, словно замаливая случайный грешок забывчивости.

Но продолжим увлекательное чтение:

«Описанное происшествие и его толкование, данное выше, многим могут показаться попросту комичными, но я смею заверить, что знатоку высших животных подобные случаи хорошо известны. Маргарет Альтман, которая в процессе наблюдения за оленями-вапити и лосями в течение многих месяцев шла по следам своих объектов со старой лошадью и еще более старым мулом, сделала чрезвычайно интересные наблюдения и над своими непарнокопытными сотрудниками. Стоило ей лишь несколько раз разбить лагерь на одном и том же месте — и

оказалось совершенно невозможно провести через это место ее животных, без того чтобы хоть символически, хоть короткой остановкой со снятием вьюков, не разыграть разбивку и свертывание лагеря.

Существует старая трагикомическая история о проповеднике из маленького городка на американском Западе, который, не зная того, купил лошадь, перед тем много лет принадлежавшую пьянице. Этот Россинант заставлял своего преподобного хозяина останавливаться перед каждым кабаком и заходить туда хотя бы на минуту. В результате он приобрел в своем приходе дурную славу и, в конце концов, на самом деле спился от отчаяния. Эта история всегда рассказывается лишь в качестве шутки, но она может быть вполне правдива, по крайней мере в том, что касается поведения лошади.

Воспитателю, этнологу, психологу и психиатру такое поведение высших животных должно показаться очень знакомым. Каждый, кто имеет собственных детей — или хотя бы мало-мальски пригоден в качестве дядюшки, — знает по собственному опыту, с какой настойчивостью маленькие дети цепляются за каждую деталь привычного: например, как они впадают в настоящее отчаяние, если, рассказывая им сказку, хоть немного уклониться от однажды установленного текста. А кто способен к самонаблюдению, тот должен будет признаться себе, что и у взрослого цивилизованного человека привычка, раз уж она закрепилась, обладает большей властью, чем мы обычно сознаем. Однажды я внезапно осознал, что, разъезжая по Вене в автомобиле, как правило, использую разные пути для движения к какой-то цели и обратно от нее. Произошло это в то время, когда еще не было улиц с односторонним движением, вынуждающих ездить именно так. И вот я попытался победить в себе раба привычки и решил проехать «туда» по обычной обратной дороге и наоборот.

Поразительным результатом этого эксперимента стало несомненное чувство боязливого беспокойства, настолько неприятное, что назад я поехал уже по привычной дороге».

Подобные ощущения наверняка испытывал в жизни каждый из нас. Привыкнув что-то делать по одному сценарию, мы порой с трудом переламываем себя: кажется, что изменение привычного алгоритма действий спугнет удачу, не правда ли?

Это в нас говорит она — животная ритуальность. Из которой позже выросла религиозная ритуальность. Животная ритуальность имеет великий приспособительный смысл. Ведь «аналитическая железа» животных, о которой мы говорили в первой части книги, есть не что иное, как всего-навсего

улавливатель закономерностей. Науки у животных нет, стало быть, глубинного знания природы вещей, тоже. Получилось пару раз удачно, запомнилось — и лучше не рисковать, пытаясь что-то поменять. В природе цена риска — жизнь.

«От добра добра не ищут» — эта поговорка есть вербальная формулировка того свойства, о котором мы говорим. Усвоив это, продолжим слушать Лоренца-великолепного:

«Этнолог, услышав мой рассказ, сразу вспомнил бы о так называемом «магическом мышлении» многих первобытных народов, которое вполне еще живо и у цивилизованного человека. Оно заставляет большинство из нас прибегать к унизительному мелкому колдовству вроде «тьфу-тьфу-тьфу!» в качестве противоядия от «сглаза» или придерживаться старого обычая бросать через левое плечо три крупинки из просыпанной солонки и т.д. и т.п.

Наконец, психиатру и психоаналитику описанное поведение животных напомнит навязчивую потребность повторения, которая обнаруживается при определенной форме невроза — неврозе навязчивых состояний — и в более или менее мягких формах наблюдается у очень многих детей. Я отчетливо помню, как в детстве внушил себе, что будет ужасно, если я наступлю не на камень, а на промежуток между плитами мостовой перед Венской ратушей…

Даже когда человек знает о чисто случайном возникновении какой-либо привычки и прекрасно понимает, что ее нарушение не представляет ровно никакой опасности — как в примере с моими автомобильными маршрутами, — возбуждение, бесспорно связанное со страхом, вынуждает все-таки придерживаться ее, и мало-помалу отшлифованное таким образом поведение превращается в «любимую» привычку. До сих пор, как мы видим, у животных и у человека все обстоит совершенно одинаково. Но когда человек уже не сам приобретает привычку, а получает ее от своих родителей, от своей культуры, — здесь начинает звучать новая и важная нота.

Во-первых, теперь он уже не знает, какие причины привели к появлению данных правил; благочестивый еврей или мусульманин испытывают отвращение к свинине, не имея понятия, что его законодатель ввел на нее суровый запрет из-за опасности трихинеллеза.

А во-вторых, удаленность во времени и обаяние мифа придают фигуре Отца-Законодателя такое величие, что все его предписания кажутся божественными, а их нарушение превращается в грех».

Прекрасно! Лоренц рассказал нам про свою гусыню и сделал

выводы. Но я считаю, что голуби и крысы ничуть не хуже гусей! И выводы из опытов с ними получаются столь же определенными. Известен эксперимент с голубями и крысами, который провел американский психолог-бихевиорист Скиннер Беррес Фредерик в ходе изучения так называемого «оперантного поведения». Было это еще в тридцатые годы прошлого века. Суть опыта заключалась в следующем…

В специальные клетки с животными весьма нерегулярно подается еда. А кушать-то хочется! Животные суетятся, пытаясь как-то повлиять на то, на что фактически повлиять не могут, — как люди на дождь. Но они очень стараются уловить какую-нибудь закономерность при помощи своей нейросети. И через некоторое время, как им кажется, им это удается! Например, чтобы вызвать появление пищи, некоторые голуби начинают вертеться вокруг своей оси, другие наклоняют голову набок. У каждой птицы формируется особый тип ритуалов, которые, как они полагают, вызывают падение с неба манны небесной.

При этом никакой связи между поклонами голубя или танцами крысы и возникновением в кормушке пищи нет. Но поскольку первые появления корма совпали с теми или иными случайными движениями зверя, эти движения в поведении закрепляются. И могут даже передаваться потомству в порядке обучения, как верующие нашего вида передают своим детям способность креститься, задабривая небесного Вождя.

Сам Беррес называл такое поведение голубей и крыс суеверным:

«Если устанавливается только случайная связь между реакцией и появлением стимула, поведение называется «суеверным». Мы можем показать это на примере с голубем, аккумулируя эффект нескольких случайных обстоятельств. Предположим, что мы будем давать голубю небольшое количество еды каждые пятнадцать секунд независимо от того, что он делает. Когда пища предъявляется первый раз, он выполняет какие-то поведенческие реакции — если только он не будет стоять спокойно — и произойдет обусловливание. Тогда более вероятно, что при предъявлении пищи снова будет наблюдаться то же самое поведение… В дальнейшем оно становится постоянной частью репертуара птицы, даже если пища предъявлялась в такое время, которое не связано с поведением птицы. Видимые реакции, которые были установлены таким образом, включают резкие наклоны головы, переступание с ноги на ногу, наклоны и шарканье ногами, повороты вокруг своей оси, неестественную походку и снова наклоны головы. В дальнейшем топография поведения может сместиться на другие подкрепления,

поскольку легкие изменения в форме реакции могут совпадать с приемом пищи… Когда «суеверная» реакция устанавливается, она будет сохраняться, даже если будет подкрепляться лишь изредка.

Голубь не является исключением. Поведение людей также во многом «суеверно»… Предположим, что, прогуливаясь по парку, вы находите десять долларов (и предположим, что это событие имеет для вас значительный подкрепляющий эффект). То, что мы делали в момент, когда нашли деньги, подкрепляется… весьма вероятно, что мы вновь пойдем на прогулку именно в тот же парк или в парк, похожий на этот, и более вероятно, что мы будем смотреть именно на то место, где были найдены деньги…»

Голуби кружатся вокруг своей оси и кивают головой в ожидании падающей с неба пищи… Дикари пляшут вокруг костра, вызывая дождь… Попы камлают и машут кадилами и иконами, стараясь вызвать своими магическими ритуалами прекращение дождя, как это было, например, осенью 2013 года над Хабаровском, где главный православный жрец Хабаровской и Приамурской епархии облетел зону затопления на самолете и провел так называемый молебен о прекращении дождей. После которого наводнение усилилось. Налицо явное отсутствие связи между ритуалом и реальностью, но разве повредит это ритуалу, который стал самоценностью у некоторых представителей нашего вида?

Впрочем, слова о самоценности церковных ритуалов не вполне верны. Ценность ритуалов для устроителей шоу состоит главным образом в том, что они (ритуалы) приносят деньги. Но разговор о деньгах и экономике у нас еще впереди, а сейчас нужно завершить рассказ о животных корнях ритуальности и суеверности.

Мне кажется, если бы мы произошли от другого зверя, например, от хищника, социальная эволюция шла бы более медленными темпами не только потому, что хищникам пришлось бы преодолевать мощные инстинктивные барьеры перед убийством друг друга (а убийства — мощный ускоритель эволюции), но еще и потому, что хищники по-рыцарски более ритуальны, то есть более моральны, чем травоядные, а значит, в потенциале более религиозны. Религия же, как фактор личной и социальной ригидности, является тормозом прогресса.

Часть 4
Любовь и курицы

Тихий ветер. Вечер сине-хмурый.
Я смотрю широкими глазами.
В Персии такие ж точно куры,
Как у нас в соломенной Рязани.

Тот же месяц, только чуть пошире,
Чуть желтее и с другого края.
Мы с тобою любим в этом мире
Одинаково со всеми, дорогая.

Сергей Есенин

Когда-то у меня был аквариум и в нем плавали рыбки. Но поскольку я завел этот аквариум в целях чисто декоративных, а не от великой любви к природе, постепенно там все сдохло и окочурилось, оставив после себя только память. В которую более всего почему-то врезалась голубоватая цихлида. Очень злая была рыбка! Она безжалостно гоняла всех обитателей аквариума.

А вспомнил я про нее потому, что на примере цихлид очень удобно разбирать любовную автоматику. Внешние сигналы, поступающие в обрабатывающий центр этих рыбок (мозг), запускают одну из трех главных программ — агрессию, страх или стремление к спариванию. Дело в том, что внешне самцы и самки цихлид никак друг от друга не отличаются. Они отличают друг друга только по поведению. То есть по набору стандартных реакций и сигнальных движений. У самцов и самок наборы реакций разные, как будто у них стоят шунты, блокирующие одновременный запуск двух определенных программ. У самца никогда не активизируются одновременно страх и сексуальность, у самки же никогда не включаются одновременно агрессивность и

сексуальность. Если самец испытывает страх перед соперником (точнее, перед другой рыбкой, поскольку внешне самец от самки не отличается), его сексуальность полностью подавлена и он бежит сломя голову. А вот страх самки перед самцом ничуть не мешает ей испытывать сексуальное возбуждение, которое выражается в определенных движениях, сигнализирующих о том, что она не прочь.

Если самка настроена агрессивно, ей совершенно не хочется секса. А вот у самца «лампочки» агрессии и сексуальности вместе гореть могут. Самка же вполне запросто «зажигает» вместе страх и сексуальность — чужая агрессия ее сексуальности не подавляет, ее движения страха сочетаются с призывными сексуальными движениями. Так они и танцуют друг напротив друга, выдавая движениями угрозу наряду со знаками возбуждения (он) и страх наряду с возбуждением (она).

Как отмечает Конрад Лоренц, «именно такие смешанные формы действий, обусловленные бегством и сексуальностью, превратились посредством ритуализации в те широко распространенные церемонии, которые принято называть «чопорным» поведением… В различных вариантах, видоизмененный различными процессами ритуализации, этот способ распознавания пола играет важную роль у очень многих позвоночных, вплоть до человека».

Глава 1
Размер имеет значение

Сказал я девушке кротко:
— Простите за нетактичность,
Но бюст ваш, и торс, и походка
Напомнили мне античность.

Она в ответ мне со вздохом:
— Простите, но ваше сложение
Напомнило мне эпоху
Упадка и разложения.

Олег Григорьев

Любовь и смерть — главные темы мирового искусства. Потому что затрагивают два самых сильных инстинкта — инстинкт самосохранения и половой инстинкт. Кнут и пряник, так сказать… Обожествление смерти и придумка вечной жизни «на том свете» — это работа инстинкта самосохранения. Обожествление любви (тезис о том, что Бог есть любовь), а также красная нить любовной лирики, проходящая через всю мировую литературу и кино, — работа инстинкта размножения.

Инстинкт срабатывает, и глухарь самозабвенно токует; павлин, который, как известно, принадлежит к отряду куриных, распускает перья перед своей курочкой; гопник с гитарой поет блатную балладу своей даме сердца, сплевывающей семечки, — так самцы разных видов привлекают самку, подчиняясь зову программы размножения… А девочки провоцируют драки между мальчиками, инстинктивно выбирая таким образом самого сильного оплодотворителя.

Женщина безутешно рыдает: он бросает ее, уходит к молодой самочке, подлец! Почему она плачет? Отчего она к своему самцу так привязана?.. Вопрос, конечно, интересный. И таких вопросов можно назадавать великое множество! Почему, например, основная форма брачного союза у нашего вида — парный брак? Или отчего наш вид гиперсексуален? Наконец, зачем нужна любовь, ведь от нее одни проблемы, — кролики и рыбки без

всякой любви прекрасно размножаются и не страдают от чувства неразделенности!

Начнем с последнего. Любовь у нашего вида появилась вместе с широким тазом у наших самок — есть такое мнение. Идея состоит в следующем. У австралопитеков никакой половой любви не было, один голый секс. И ничего, прекрасно работало — детеныши рождались, и самки вполне справлялись с их воспитанием. Но потом пошла мода на поумнение. То есть на рост мозга. Большой мозг в маленькой черепушке, ясен перец, не поместится. Значит, коробку нужно увеличивать. А если у ребенка увеличивается голова, значит, надо менять и конструкцию родовых путей. Иначе все старания напрасны: младенцы с большой башкой, то есть потенциально более умные, просто не будут рождаться, не проходя в тесные родовые пути и убивая мать при родах. И вот у нас уже все поползло. Как в анекдоте: тут всю систему менять надо!

Вывод, товарищ конструктор? Бросайте свои старые чертежи в корзину и увеличивайте таз! Наращивайте диаметр родовых путей!

Легко вам сказать, товарищ полковник! А знаете ли вы, что любое конструктивное решение имеет свои плюсы и минусы? Увеличение задницы женщины, конечно, увеличивает разумность вида, но зато снижает подвижность конструкции — самка с широким тазом уже не может столь же быстро передвигаться, как с узким. Она с меньшей вероятностью сможет убежать от хищника или догнать мелкую добычу. И потому неплохо бы ее защитить и с ней поделиться добычей… Кто это сделает? Да хахаль ейный! Пусть и защитит, и едой поделится. Хватит ему жить по принципу «наше дело не рожать — сунул, вынул и бежать». Будем создавать ячейку общества!

Вот к чему привело простое увеличение жопы — к пересмотру конструкции и всей организации взаимоотношений внутри вида.

А как этого добиться? Ну зачем это надо самцу — защищать самку? Он же рискует при этом сам погибнуть! Что его может подвигнуть на такие подвиги? Только великая сила! Которая может пересилить даже самый сильный инстинкт — самосохранения. И тут, собственно, ничего нового изобретать не надо. Такая сила уже существует. Что заставляет самку отчаянно защищать детеныша даже перед превосходящими силами противника? Крепкая эмоциональная привязанность! Любовь… Ну, раз аркан уже изобретен, давайте его накинем и на самца. Пусть он будет теперь тоже привязан к своей самке и детенышу на уровне биохимии! И вот вам пожалуйста, получите.

Как видите, от жопы до любви один шаг…

Причем, поскольку природе нужен обмен генами для увеличения разнообразия, а детеныш примата становится самостоятельным на третьем-четвертом году жизни, на больший срок привязывать самца к самке нет смысла, можно и даже нужно перетасовать пары для повышения разнообразия. Поэтому любовь, как правило, и проходит годика через три-четыре. Отмирает за ненадобностью, переключаясь на другой объект.

Такую теорию жопной любви в свое время высказал Дольник. Однако скорее всего половая любовь возникла раньше, чем представлялось Виктору Дольнику. Почему?

В попытках ответить на этот вопрос мы неизбежно упремся в другой вопрос: к какому же виду мы принадлежим — моногамному или полигамному?

Между прочим, ответ на этот вопрос не так-то прост! Да, действительно, абсолютное большинство представителей нашего вида живет в парном, то есть моногамном, браке. Но есть некоторые страны, самцы в которых имеют целые гаремы самок, как какие-нибудь моржи. Они что, от другой обезьяны произошли и не принадлежать к нашему виду? Ведь форма брака — видовой признак!.. Мы теперь грамотные и знаем знаменитую формулу: «Есть инстинкт — есть поведение, нет инстинкта — нет поведения».

Мы ходим по лесу и ищем грибы — это срабатывает древний инстинкт собирателя… Мы любим смотреть на огонь, потому что тысячами лет наши предки жили вокруг костра. А те, кто не любил огонь или боялся его, не выживали или выживали с меньшей вероятностью… Мы с детства любим собак и кошек, поскольку тысячи лет провели с ними в симбиотическом существовании… Мы любим охоту, а наши дети обожают салочки и прятки, потому что тысячами лет в полуживотном состоянии добывали себе пропитание именно охотой, пришедшей на смену трупоедству…

Нет поведения, если нет программы, ее обусловливающей. Получается, что жить парным браком нас заставляет один инстинкт, а гаремным браком другой? У нас что — в прошлом было и то и другое?

Так оно и есть…

Биологам известно: моногамия возникает там, где есть необходимость заботиться о потомстве, это просто инструмент. Поэтому птицы моногамны: одному партнеру нужно высиживать яйца, а другому — обеспечивать сначала самку, а потом вместе с ней и весь выводок едой. Это разумное решение. При этом заметьте, сами по себе птицы в большинстве своем — довольно глупые создания. И «разумно» они ведут себя автоматически —

под управлениям инстинктов, то есть наработанных эволюцией и вшитых в тело программ.

А вот млекопитающие более умные создания, чем птицы. Но они за редчайшим исключением не откладывают яйца, а вынашивают детенышей в утробе или в специальных кожных складках, как кенгуру. Стало быть их потомство защищено телом матери и в стационарном высиживании не нуждается. Поэтому подавляющее большинство млекопитающих устойчивых брачных пар не составляют, им не нужно. Всего 9% видов млекопитающих практикуют моногамию, причем у травоядных ее практически не бывает. Однако есть группа зверей, у которых моногамия встречается гораздо чаще, чем у прочих, — это мы, приматы. Треть всех приматов моногамны!

Считается, что моногамия возникла у обезьян довольно поздно — примерно 15–16 миллионов лет назад, в то время как сами приматы появились на мировой арене 55–65 миллионов лет назад.

Почему вдруг вспыхнула моногамия?

Понятно, что в моногамной семье ребенку достается вдвое больше внимания и «пряников», чем в «свободном мире», где самцы и самки стаи ничем не связаны. Но есть и еще одно, гораздо более важное преимущество моногамии — она не только дает «пряники» детям, но и защищает их от «кнута». Дело в том, что у многих видов, практикующих «свободный секс» существует такое явление, как детоубийство. Это ужасное, на взгляд современного человека, явление на самом деле вполне обычно для животного мира и является частью естественной борьбы за существование. Поясним…

Самка, занятая выкармливанием и воспитанием детеныша, не готова для случки с другим самцом. Поэтому другой самец детеныша просто убивает, «освобождая» самку от забот по уходу за ним и делая ее вновь фертильной. После чего скрещивается с ней, передавая в будущее свои гены, а не гены конкурента, который с этой самкой был ранее. Вполне разумное поведение, согласитесь. Внутривидовая конкуренция.

Самки, конечно, по мере сил стараются свое чадо защитить. И поскольку сил у них меньше, чем у самцов, эволюция изобрела несколько стратегий на этот случай. Самки некоторых видов обезьян — например, мартышки и макаки — защищают детенышей от чужих самцов совместно, для чего эволюция включила им дружбу между самками.

Второй стратегией борьбы с детоубийствами является образ жизни, которым живут, например, мартышки-верветки. У них самка в период, пригодный для оплодотворения, спаривается не с

тем, кто ей симпатичен, а более чем с половиной самцов в стае. И это выгодно по двум причинам.

С одной стороны, включается дополнительный механизм конкуренции — конкуренция сперматозоидов (о спермовых войнах мы поговорим чуть ниже).

С другой стороны, все самцы, имевшие связь с самкой, полагают, что детеныш его и не стремятся его убить.

Наконец, третьей стратегией защиты потомства как раз и является моногамия. Американское исследование, в ходе которого было проанализировано поведение 230 видов приматов, позволило ученым сделать однозначный вывод: главной причиной появления у наших предков моногамии была именно защита детей от детоубийства. Введя моногамию, природа заставила самца заботиться о будущем своих генов — защищать свое потомство от других самцов.

Почему же из трех стратегий нашим видом была выбрана именно эта?

Потому что моногамия имеет еще одно преимущество: постоянно находясь рядом со своей самкой, удобнее ее ревновать, то есть защищать от случки с другими самцами.

Разумеется, в становлении моногамии у нашего вида сыграл свою роль и упомянутый ранее фактор большеголовости и широкого таза, он также работал в этом направлении — на становление любви.

При этом дремлющие древние инстинкты иногда позволяют самцам homo sapiens в некоторых культурах и регионах заводить гаремы, то есть иметь подле себя несколько самок одновременно. Что, вообще говоря, в характере всех самцов: они, даже любя свою самку, не прочь гульнуть на стороне, чтобы отправить в будущее свой семенной материал по параллельному каналу.

Между прочим, животная практика детоубийства дожила до разумных времен и даже вылилась в древние сказания, которые можно найти у разных народов и которые повествуют о том, как победитель убивает потомство побежденного, а его жену забирает в наложницы. Как когда-то наши предки переживали этапы трупоедства, каннибализма, промискуитета, полуводного образа жизни на обширных мелководьях, так был в анамнезе нашего вида и период активного инфантицида.

Воду мы любим до сих пор. Отдых у водоема, поездки в отпуск на море — обожаемое дело для особей нашего вида… Трупоедство вылилось в появление в кухнях разных народов мира продуктов с запахом тухлятины… Промискуитет порой вдруг вспыхивает искорками карнавалов, свингер-клубов и секс-пати… Программа каннибализма срабатывает во времена голода или у

сумасшедших… А инфантицид сигналит статистикой детоубийств!

Антрополог и историк Марина Бутовская в одной из своих книг приводит со ссылкой на западные исследования любопытный факт — даже в цивилизованных западных обществах (не говоря уж о диких) в первые два года жизни у усыновленного младенца в 6,5 (!) раза выше шансы быть убитым приемным отцом, чем у родного младенца быть убитым отцом биологическим. Разницу в 6,5 раза статистической погрешностью не назовешь. Это уже говорит о работе каких-то механизмов. И мы знаем, каких именно — механизмов нормативного инфантицида.

Разумеется, рассматривая каждое конкретное такое убийство, мы можем списать его на алкоголь или внезапную вспышку ярости у приемного самца из-за орущего младенца, но все вместе они говорят о заложенной инстинктивной программе поведения, которая не осознается, а просто срабатывает. Едва раздражение или алкоголь снижают критичность и гасят рассудок, как вдруг раз — и трупик. «Отчего? Почему?» — ломают головы следователи. А оттого, что инстинктивные программы консервативны и могут дремать в архивных файлах вида миллионы лет.

В дальнейшем, то есть после истечения двухлетнего возраста, когда ребенок становится больше похож на настоящего человека, включаются более сильные тормозные механизмы, и смертность детей от руки неродного самца резко падает.

Самцы воспринимают детенышей совсем не так, как самки. У матери биохимическая фабрика любви запускается в момент рождения, и она начинает любить все, что выродила, автоматически. Самец не рожает. Не вынашивает. И вообще может подзабыть, что когда-то развлекался с этой самкой. Поэтому многие мужчины вообще не воспринимают младенца как человека. Для них это бессмысленно орущий кусок плоти, работающий на инстинктах. Контакт между отцом и чадом начинает налаживаться только к тому моменту, когда с чадом уже можно о чем-то более-менее осмысленно поговорить. Если же он еще ничего не соображает, а только сосет сиську, писает и какает, то о чем тут вообще говорить? И с кем?

Любовь отца к ребенку в корне отличается от автоматической материнской. Если материнская любовь безусловна, то отцовская во многом условна. Мать любит потому что, а отец за что-то. Хорошо учишься, имеешь успехи в спортивной секции — получаешь заслуженную порцию отцовской любви и похвалы. Именно поэтому мужчины так часто уходят из семьи, если женщина рожает дауна. Животной женской любви к этому

несчастному созданию мужчина не испытывает, а подсознательно и сознательно воспринимает его как неудачу. Но задача самца — побольше распылить своих генов и передать их в будущее. Убогий же ребенок часто закрывает для женщины желание рожать дальше: он отнимает больше времени, чем нормальный, женщина боится — а вдруг опять?.. И самец уходит к другой, будучи не в силах вынести эту катастрофу. Тяжесть его существования с этим ребенком не компенсируется животной любовью, которая есть у матери.

Вот вам классическая история времен Древнего Рима. Полководец Тит Манлий во время войны римлян с латинами запретил своим частям вступать в бой с противником без приказа. И надо ж было такому случиться, что кавалерийский отряд, которым командовал сын Тита Манлия, ввязался в бой со сторожевым дозором латинов. И вышел из этой стычки победителем. Узнав об этом, полководец приказал казнить сына — за нарушение приказа.

Это поступок отца. Вы можете себе представить, чтобы так поступила мать?.. Вот в этом и состоит разница. Отец любит головой, мать — сердцем.

Теперь переходим к ответу на следующий вопрос — а для чего человек является гиперсексуальным животным? К чему эта постоянная тревожность и перманентные мысли: а вот кому бы вдуть? Не лучше ли освободить время, чтобы подумать о высоком — рассчитать траекторию космического аппарата, например? И какую роль вообще имеет гиперсексуальность вида для его «очеловечивания»?

У собак течка бывает дважды в год. Все остальное время они асексуальны. Птицы размножаются раз в год. Все остальное время они асексуальны. У китов три овуляции за два года. Все остальное время у них нет проблем… У человеческих же самок овуляция происходит каждый месяц! Причем ни по каким внешним признакам об этом узнать нельзя, что, вообще-то говоря, странно, потому как у всех других зверей период овуляции сопровождается яркими внешними проявлениями. Собаки, например, чуют запах овулирующей самки за километры. У существ с менее развитым обонянием, но с более развитым зрением, самки, готовые к оплодотворению, подают самцам визуальные сигналы. Например, у самок приматов набухают и заметно увеличиваются молочные железы, сигнализируя о том, что они готовы к спариванию. У человеческих же самок молочные железы всегда в «боевом положении» и сигнализируют о постоянной готовности к скрещиванию. Или, что то же самое, период, когда самка действительно может забеременеть, скрыт и

от самца, и от нее самой.

Почему?

Наша постоянная готовность к спариванию настолько ярко выделяет нас из всего прочего животного мира, что нуждается в объяснении. Она пронизывает буквально всю человеческую культуру, которая едва ли не полностью посвящена отношениям самки и самца, желающего ее покрыть. И это вполне естественно: у гиперсексуального животного, которое может и готово заниматься сексом постоянно, а не раз-два в год, сексуальность самым естественным образом отделяется от репродуктивной функции и становится самостоятельной ценностью — как игровой, так и экономической.

Есть гипотеза, что гиперсексуальность у нашего вида развилась в целях снижения конфликтов между самцам из-за самок, ведь если период возможного зачатия скрыт, ценность каждого отдельного полового акта резко снижается, поскольку вероятность зачатия падает в разы. Значит, и смысл воевать с другим самцом за перепих в данный конкретный момент резко падает, можно и подождать более благоприятного момента — когда хозяин самки отлучится по делам. Подобная стратегия может теоретически служить биологической компенсацией отсутствия у нас инстинктивных запретов на убийство, поскольку сокращает количество конфликтов. Кроме того, перманентная сексуальность постоянно подбрасывает дровишки в костер половой любви, привязывая самца к самке.

Биологам известно: порой по одному только внешнему виду животных можно сказать, какой формы брачных отношений они придерживаются. Давайте же глазами биолога посмотрим, например, на размер яичек у самцов человека. Большие они или маленькие? Все познается в сравнении! У тех видов приматов, которые не практикуют моногамные браки и не создают гаремов, а занимаются промискуитетом, самцы имеют огромные яйца! А вот у тех видов, где самец имеет монополию на самку (моногамия) или самок (полигамия), яйца у самцов маленькие. Скажем, самцы шимпанзе и макак имеют большие семенные железы. А у самцов орангутанов и горилл яички маленькие.

С чем это связано?

С войной сперматозоидов. Эта война возникает у тех видов, где все трахаются со всеми, то есть в вагине одной самки может оказаться несколько зарядов спермы от разных самцов. Вот там и проливаются невидимые миру слезы и разворачивается невидимая миру война сперматозоидов.

Сперматозоиды одной особи представляют собой армию, которая действует слаженно и в которой есть свои «рода войск».

Только 1% сперматозоидов предназначен для проникновения в яйцеклетку, это своего рода элита, «десантники». Остальные — камикадзе, задача которых заблокировать половые каналы и не пропустить в заветной цели чужую «армию». Причем «солдаты» делятся на авангард и арьергард. Авангард расчищает путь «десантникам», атакуя чужие сперматозоиды, которые прибыли ранее и уже засели в «ущельях», удерживая их. А арьергард прикрывает ушедший вперед «десант» от наступающих по пятам сперматозоидов чужой «армии».

Биологи Гарвардского университета провели эксперимент с хомяками двух видов — промискуитетным и моногамным. У промискуитетного вида, как и положено, самцы имели крупные яичники, а у моногамного мелкие. Выяснилось, что сперма этих двух видов отличается по своим свойствам. Сперматозоиды моногамного вида не умеют отличать своих от чужих, а вот «солдатики» промискуитетного вида умеют это делать прекрасно, причем избирательность их сперматозоидов чрезвычайно высока. Ученые смешали в пробирке окрашенную разными красками сперму двух братьев, то есть двух хомячков с очень похожими генетическими наборами. Так вот, сперматозоиды быстро разобрались по «форме одежды» — «солдатики» одного цвета группировались в боевые группы только со своими против чужих.

Понятно, что чем больше армия — тем она сильнее. Поэтому промискуитетные виды и имеют огромные семенники, вырабатывающие целые «армии» спермы.

Плохому танцору яйца мешают, это известно. Но даже если не плясать, а просто ходить, лучше иметь «бубенчики» поменьше. Тем более что большие семенные железы у самца — большая мишень в драке. У самцов нашего вида относительные размеры «мишеней» в сравнении с размерами тела небольшие. Гораздо меньше, чем у шимпанзе, например. Зато у нас они больше, чем у горилл. Значит, мы конструктивно находимся в промежуточном положении — монополизация самок самцами у людей больше, чем у шимпанзе, но меньше, чем у горилл. О чем это говорит?

Что мы много менее промискуитетны, чем шимпанзе, но чуть более склонны к беспорядочным связям, чем гориллы.

Когда женщинам говоришь, что мы вид скорее моногамный, им это очень нравится. Потому что женщины любят постоянство и хотят, чтобы муж был при них. Однако есть для женщин и минусы во всем этом. И главный из них — та самая монополизация самцами самок, которая на тысячи лет превратила женщину в вещь. Только в либеральных экономиках (античная, современная западная) наши самки наконец получают почти те же или совершенно те же права, что и самцы. А вместе с ними и бóльшую

сексуальную свободу. Иными словами, современное общество слегка сдвигается в сторону промискуитетного, но тысячелетние видовые инстинкты (прежде всего женские) его пока сдерживают.

В общем, яйцами померялись. Теперь посмотрим на остальное. Ведь, помимо размера яиц, существуют и другие внешние признаки, говорящие о форме брачного союза. Ранее мы на примере моржей говорили о половом диморфизме, то есть различиях между самцами и самками. Сильнее всего, если вы помните, эти различия выражены у полигамных видов. Теперь рассмотрим половой диморфизм у приматов.

У моногамных обезьян самки и самцы различаются меньше всего — и по росту, и по размеру клыков. А вот у гаремных видов самцы и самки друг от друга отличаются сильно. При этом самцы гаремных видов имеют огромные клыки. Посмотрите клыкастых обезьян — павианов, горилл, орангутанов, — и вы увидите полигинных (полигиния — многоженство) приматов, самые огромные и клыкастые представители которых сколачивают себе гаремы и ревниво охраняют их от тех, кому может прийти в голову пожениться.

Клыки как признак агрессивности и доминантности нужны им не для охоты (орангутаны и гориллы, например, почти стопроцентные вегетарианцы), а для защиты гарема. Их демонстрация воспринимается конкурентами вполне однозначно — как угроза. Величина самца также фактор угрозы и свидетельство его силы. Поэтому у перечисленных обезьян самочки вдвое мельче самцов, а самцы представляют собой настоящую гору мускулов!

А что у людей? Наши самки вовсе не вдвое мельче самцов. Возьмем для примера китайцев. Средний рост хорошо питающегося китайца — 165 см для мужчины и 155 см для женщины. Про клыки у людей и говорить нечего — не клыки, а слезы. Это свидетельство негаремности вида. То есть либо его моногамности, либо промискуитетности. У наших близких родственников — шимпанзе — тоже половой диморфизм не выражен, и самочки по росту не сильно отличаются от самцов. Но у шимпанзе большие яйца. А у нас маленькие. Значит, шимпанзе трахаются свободно, а мы вид моногамный. Все сходится, товарищи!..

Но остаются некоторые загадки… Вот вы любите порнографию? Тогда вы должны были отметить, проводя бессонные часы за просмотром ночного Интернета, что женщины во время коитуса издают кричащие звуки. Вы можете сказать, что режиссеры специально заставляют порноактрис кричать, поскольку это возбуждает зрителя. Правильно! А почему самца

возбуждают крики самки? Причем эта особенность характерна не только для самок и самцов человека, но и для некоторых других обезьян и является их (и нашей) видовой особенностью. С какой целью она возникла? Какие задачи решает? Зачем природа выработала этот инстинкт?..

Ученые — существа любопытные, поэтому длительные наблюдения за обезьянами были посвящены как раз решению данной проблемы.

Оказалось, гортанные крики самок во время коитуса характерны для НЕмоногамных видов. И служат они для привлечения других самцов путем оповещения их о том простом факте, что самка находится в периоде овуляции. Эти крики самцов извещают, возбуждают и привлекают. После чего в соответствии с рангом, занимаемым в иерархии, самцы кричавшую самку еще несколько раз покрывают. Причем, когда дело доходит до низкоранговых самцов, самка уже не кричит: дальнейшего смысла нет привлекать в своему богатому телу всякие отбросы общества.

Но мы-то моногамны! И это значит, что до периода моногамии наши животные предки прошли внушительный этап промискуитета, в наследство от которого нам достались эти самочьи крики во время коитуса и автоматическое возбуждение самца, который их заслышал и правильно распознал. Причем было это в те далекие времена, когда наши предки еще не приобрели гиперсексуальности, которая период овуляции от самки скрывает.

Другим доказательством промискуитетного периода в прошлом наших далеких предков является длина полового члена у человеческих самцов. Мы не только гиперсексуальные обезьяны, но и с самым длинным членом из всех человекообразных! Если у орангутанов и горилл средняя длина полового члена в состоянии эрекции 4 см, у более мелкого шимпанзе 7 см, то самец человека демонстрирует результат в 12 см. И более того, у нашего вида принято большой длиной члена хвастаться, маленькую скрывать, и вербально демонстрировать свою крутизну, посылая оппонента на фаллос.

— Но зачем нужен длинный хуй?

Хороший вопрос, читатель! Хвалю… Длинный пенис в состоянии подать сперму прямо к матке, сокращая долгий путь сперматозоидам, — так сказать, литерным поездом. И эта фора может оказаться решающей при спермовых войнах. Иными словами, наш длинный причиндал — еще одно свидетельство нашей былой домоногамной развратности.

Почему же после перехода к моногамии яйца у нашего вида

уменьшились в размерах, как и положено моногамному виду, а половой член нет? Удивляться этому не стоит. У нас ведь не только этот признак остался со времен половой неразборчивости! Некоторые свойства спермы с той поры тоже сохранились. Человеческие сперматозоиды уже не отличают своих от чужих, как и моногамных хомячков, но еще сохранили способность к коллективным действиям — они «по старой памяти» передвигаются боевыми группами, как во времена спермовых войн. Отчего же не ушел и этот признак, ведь природа лишнего не поддерживает? Если в каком-то направлении нет давления отбора, признак быстро уходит, растворяется.

Дело все в том, что группой сперматозоиды передвигаются чуть быстрее, чем поодиночке, — видимо, за счет синергетического эффекта от движения множества жгутиков. Исследования, проведенные на грызунах, показали, что скорость сперматозоидов в группе составляет 127 микрон в секунду, а скорость отдельных «бойцов» — 110 микрон в секунду. За счет этого группа добегает до цели быстрее. Соответственно в будущее передается каждый раз тот ген, который заставляет сперматозоиды «дружить», а не ген «индивидуалистов». То есть для борьбы с вражескими сперматозоидами принцип сборки в отряды уже не нужен, но все еще сохраняется у вида, поскольку воспроизводит сам себя.

А вот с длинными пиписьками вышла совсем другая история. Они могли и «усохнуть», как «усохли» у нашего вида семенники после перехода к моногамии. Однако этого не произошло. И, по всей вероятности, причина тут в так называемом «Фишеровском разбеге».

Когда-то Дарвин высказал две отличные идеи, одну из которых теперь знают все, а вторую — только биологи. Первая — это идея естественного отбора. Вторая — половой отбор. Первая стала такой популярной, что проникла даже в политический жаргон леваков — они теперь либеральные идеи обзывают социал-дарвинизмом. А вот вторая как-то прошла незамеченной.

Между тем именно половой отбор приводит порой к весьма необычным результатам. Мы начали эту часть книги с павлинов. Отряд куриные. Женщина не человек, курица не птица, Болгария не заграница… Продолжим наши кудахтанья в этом направлении.

Курица, как всем известно, умом не блещет. Но этим дурам удалось вырастить у своих самцов-павлинов пышные хвосты красоты столь необыкновенной, что их оценили даже такие умные звери, как мы. В Древнем Египте, Вавилоне, Персии перо павлина необыкновенно ценилось. Везли этот драгоценный товар за тридевять земель, из Индии. В Европу сию драгоценность завез

пораженный красотой перьев Александр Македонский. Украшала себя перьями павлинов только знать, а доминантный самец в дерьмо не нарядится!.. По индийским сказаниям, не гнушался украшать себя павлиньим пером сам Кришна. А знаменитая жар-птица из русских сказок — это павлин.

И если уж людей настолько потрясла красота павлиньих перьев, что последние даже вошли в мифологию, то можно представить себе, сколь чарующее впечатление производит веер перьев на курицу. Она просто впадает в ступор. Млеет. И расслабленно отдается такому красавцу.

Вы думаете, длинный хвост (который на самом деле не хвост, потому что красивые перья растут со спины, а хвост их лишь поддерживает, как камергеры поддерживают шлейф короля)… так вот, вы полагаете, этот длинный хвост (будем его так называть по бытовой привычке) сильно помогает павлину в жизни? Да нет, он только мешает — ограничивает его подвижность, возможность смотаться от хищника. Он существует только потому, что нравится самкам. Других причин нет. Наплевать было павлинам на Александра нашего Македонского! Они курочек заманивали.

Хвост — это сигнал.

Сигнал может нести смысловую нагрузку, то есть свидетельствовать о здоровье и выживательных преимуществах особи, а может и не нести. Я бы назвал такой сигнал вырожденным, пустым. Но такое встречается! Появившись, как это всегда и бывает, по воле случая, пустой сигнал начинает развиваться, как мода, которая вдруг вспыхивает просто потому, что это нравится. А уж потом на этот биологический сигнал садится и положительная нагрузка.

Почему это происходит и какая нагрузка?

Давайте разберемся. В ситуации, когда моржиха выбирает самого здоровенного и потому сильного самца, все понятно — здесь внешний сигнал совпадает с чисто приспособительными преимуществами: ей просто тупо нравится самый здоровый. А что в случае с пустым сигналом? Ну вот люб самкам пышный хвост! Но он же бесполезен! Или уже нет?

Как рассуждает самка: «Если я трахнусь с тем самцом, от которого балдеют все самки, мои сыночки вырастут такими же красивыми, как папа, и будут пользоваться у глупых баб успехом. А значит, мои шансы передать свои гены в будущее вырастут! А вот если я, как полная дура, отдамся страшненькому с коротким хвостом, у меня и дети будут страшненькие, как чертенята. Соответственно, у моих сыночков будут проблемы с поиском баб, которые все предпочитают пышнохвостых красавцев. И значит, мои шансы передать в будущее свои гены исчезающе малы.

Правильно я рассуждаю?»

Хотя постойте… Курица — создание глупое, и так умно рассуждать не может. Она даже в школе плохо училась и наверняка уроки по генетике прокурила на крылечке. Значит, курицей движут не рассуждения. А зов природы. Инстинкт. То есть генетически передаваемая программа.

Иными словами, курица имеет ген, который заставляет ее предпочитать большехвостых. Этот ген ей передался от родителей. И если теперь она без всяких вышеприведенных рассуждений предпочтет самца с красивым хвостом, ее доченьки тоже поимеют ген любви к большехвостым, а сыночки — большой хвост, на который будут клевать курочки.

Таким образом, свойство любви к большехвостым, однажды возникшее в результате мутации и приобретшее в результате случайного стечения обстоятельств небольшое статистическое преимущество, дальше начинает уже воспроизводить само себя. Курочки предпочитают большехвостых, и те передают свой ген большехвостости в будущее.

С длинным членом у человеческих самцов ситуация схожая. Когда-то, во времена животного промискуитета, у наших предков длинный член имел соревновательные преимущества, доставляя генетический материал непосредственно к «месту потребления», минуя бредущих пешком солдат противника. Потом, по мере перехода к моногамии, признак «длинночленности» не утерялся, поскольку воспроизводил уже сам себя: вид наш гиперсексуальный, очень озабоченный, и самки предпочитали «павлинов» с длинным «хвостом».

И не только длинный хвост и прекрасный член были, видимо, фактором отбора для человечьих самок. Но и чувство юмора. Причем юмор, возможно, был как раз одним из основных «очеловечивающих» факторов, поскольку прекрасно коррелирует с интеллектом.

Чувство юмора — один из сильных факторов сексуальной привлекательности. Что неудивительно: смех (от щекотки, от веселой игры) — свидетельство животного удовольствия. И юмор тоже вызывает смех. А тяга животных к удовольствиям известна, поэтому юмор и сопутствующий ему смех присущи всем высокоорганизованным животным, которые достаточно интеллектуальны, чтобы раскусить нелепую, но неопасную ситуацию. Очень любят смеяться крысы[5], дельфины, собаки, птицы, слоны… И приматам смех присущ не меньше. Поэтому чувство юмора самым естественным образом располагает нас к человеку, который доставляет нам радость.

А вместе с юмором шествует интеллект, также являясь

сексуально привлекательным. Проведенные психологические эксперименты этот факт доказали: самцовая особь нашего вида, пытаясь произвести впечатление на самку, старается выглядеть умнее — например, повышает частотность употребления редких и заумных слов и выражений. Что ученые безошибочно классифицировали как сексуальную демонстрацию.

Для человека пыжиться умом перед самкой то же самое, что павлину распускать хвост. Примечательно, что самки ведут себя прямо противоположным способом: девушки, пытаясь произвести впечатление на понравившегося парня, намеренно упрощают речь, снижая частотность употребления сложных слов и выражений. Тем самым они как бы пригибаются перед мощью самца, давая тем самым вполне ясный знак.

Возникает вопрос: а зачем вообще самкам нашего вида производить впечатление на самца, если самец доминантен и может взять любую самку по выбору?

Это не так. Биологами давно замечено: выбирают не только самцы, но и самки. С точки зрения природы, это правильно: в конце концов, ведь именно на самке лежит главная ответственность за потомство. А самец что — две минуты удовольствия, и свободен… Иными словами, самки могут дать, а могут не дать — убежать, начать драться, укусить… Таким образом, самцы делают первоначальный выбор, а самки занимаются «точной подстройкой». Правда, им при этом приходится выбирать только из тех самцов, которые выбрали их.

Наши женщины часто жалуются (друг другу и своим мамам, то есть нашим тещам), что муж мало времени уделяет ребенку. Девушки! Это совершенно естественно, ничуть не удивительно и также является видовым признаком. Зато вы имеет право отказать первому встречному самцу в близости! Биологами давно отмечено, что окончательный выбор брачного партнера осуществляется тем полом, который вкладывает в потомство больше ресурсов. По понятным причинам этим полом, как правило, оказывается женский. Соответственно, у нас все так устроено, что самцы всячески преподносят себя самке, а та уже делает окончательный выбор на основе их презентаций. И на «страницах» этих презентаций немалую долю занимают графики интеллекта и рисунки юмора.

Глава 2
Фабрика любви

Широко простирает химия руки
свои в дела человеческие.

Михайло Ломоносов

Что такое любовь, мы теперь знаем — эмоциональный канат, который привязывает одну особь к другой. Физически особи друг к другу никак не привязаны, и чтобы они тяготели друг к другу, природе нужно было определенным образом скорректировать их поведение через психику. Как?

Биохимически. А как еще?

Четыре ножки, на которых стоит стол любви, — это тестостерон, дофамин, эндорфин и окситоцин. Есть эти четыре вещества, значит, стол установлен, садитесь жрать, пожалуйста…

С тестостероном все понятно. Это главный половой гормон, он же гормон агрессии. Когда у особи наступает половое созревание, именно тестостерон начинает формировать ее поведение, направляя на поиск самки. Это касается всех животных, включая нас. Период юношества, то есть период половой зрелости, есть период кружения головы, влюбленности, активного поиска партнера, с которым можно наплодить потомство.

При этом красивым нам всегда представляется тот самец или та самка, которая наиболее комплементарна по генетическому набору — именно таким образом гены дают нам сигнал, с какой особью получится хорошее потомство. (Аналогичным образом ребенку его мама всегда кажется самой красивой — природа красоты неизменна, и это еще одна маленькая иллюстрация того, что половую любовь природа делала на той же материальной основе, что и детско-материнскую.)

После того как один из объектов, попавших в поле зрения половозрелой особи, опознается как подходящий для спаривания, на него устанавливается условный рефлекс. Аналогично тому, как при виде пищи или представлении о ней организм начинает выделять слюну и желудочный сок, так и при попадании в поле зрения объекта любви или при мыслях о нем организм влюбленного начинает вырабатывать «вещества любви» — эндорфины. Английские биологи, демонстрируя влюбленным молодым людям фотографии их возлюбленных, каждый раз фиксировали возбуждение определенных областей головного

мозга — аккурат тех, которые активизируются после приема наркотиков опиатного ряда.

Эндорфины генерируются в гипофизе и гипоталамусе и отвечают за чувство радости, кайфа, счастья, полета. Открыты эти вещества были не так уж давно, в семидесятых годах XX века, когда ученые стали исследовать проблемы обезболивания. Выяснилось, что организм сам умеет вырабатывать вещества, родственные морфинам, которые реагируют с опиатными рецепторами мозга. Собственно говоря, опиум, морфий и им подобные наркотики только потому и воздействуют на человека, что в его организме существуют схожие вещества и рецепторы для их восприятия.

Эндогенные наркотики, то есть вырабатываемые самим организмом в качестве природного поощрения за правильное поведение, назвали эндорфинами, соединив два слова: «эндогенные» и «морфины». Эндорфины обладают сильным обезболивающим, противошоковым и антистрессовым эффектом, вызывают состояние эйфории… в общем, их не зря называют гормонами радости.

Вырабатываются эти гормоны не только во время секса или смеха, но и при беге, так что люди, которые подсели на бег, фактически являются эндогенными наркоманами. Бегают они потому, что после пробежки торчат от выработанных организмом эндогенных опиатов.

Эндорфины не только приятны, но и полезны, поскольку ускоряют все процессы выздоровления. Собственно говоря, медициной давно было замечено, что при хорошем настроении люди выздоравливают быстрее. Поэтому терапия юмором не такая уж бесполезная вещь, как может показаться.

Кстати, возьмите на заметку — люди, генетически не склонные к наркомании (в любой ее форме — героиновой, алкогольной и пр.), не склонны и к всеохватной, безумно страстной любви. Их любовь такая из себя спокойненькая. Я бы даже сказал — цивилизованная. Везунчики!.. Такие и живут в браке всю жизнь. То есть для крепости брака любовная болезнь должна быть не острой, а хронической.

Третье вещество любви — дофамин — отвечает за животную удовлетворенность. Дофамин тоже является той конфеткой, которую получает медведь за правильно исполненный трюк. Медведь в этой аллегории наш организм, а дрессировщик — сама природа. Дофамин играет огромную роль в процессе обучения, вырабатывается в больших количествах во время найденных удачных решений или при получении любого другого полезного опыта — как награда. Он активно выделяется для закрепления

первичных любовных переживаний. Фиксаж любви, говоря языком фотографов XX века.

А вот «проявлением» любви, используя ту же фотографическую терминологию, занимается такое вещество, как фенилэтиламин. В описании любовного стола на четырех ножках я это соединение не упомянул, поскольку фенилэтиламин является прекурсором для других нейромедиаторов, то есть сырьем для их производства в организме. Вещество это живет не долго, быстро разрушаясь.

Тем не менее это не помешало американскому психиатру М. Либовицу выстроить целую теорию о влиянии фенилэтиламина на процесс формирования любви. Этот доктор, увлеченный последними открытиями в области нейрохимии, даже разработал на основе своей гипотезы медикаментозную терапию любви. Кому-то это может показаться странным — зачем лечить любовь? Если любовь приносит радость, то не нужно, конечно. Но дело в том, что радость она приносит как раз не всегда. Есть любовь, которая мешает, — безответная любовь, например. Есть ситуации разрыва, когда муж уходит, а жена остается одна в депрессии. Вот за такие случаи и брался Либовиц, теория которого как раз основывается на роли фенилэтиламина в формировании психической привязанности.

По Либовицу, возникновение первичного чувства любви сопровождается фенилэтиламиновой вспышкой в организме. Дело в том, что в периоде становления любви есть две отчетливо различимые стадии — «проявления» и «фиксации». То есть возникновение первичной влюбленности с последующим ее переходом в стадию глубокой привязанности. Первая фаза характеризуется растормаживанием психики, активным поисковым поведением. В этот период «зеленой» любви особи еще плохо знакомы друг с другом, поэтому друг друга идеализируют. Иными словами, природа словно ослепляет их, заставляя закрыть глаза на недостатки друг друга, чтобы они не мешали формированию психологического каната, который их свяжет. Биохимически этот период можно назвать фенилэтиламиновым. Организм «заводится», активно впрыскивая в камеру сгорания легкие фракции прекурсоров и пуская снопы искр.

С клинической точки зрения этот период очень напоминает манию. Мания — вид психического расстройства, которое отличается возбуждением, а также перепадами настроения — эйфорическими вспышками с последующим эмоциональным дауном; при этом анализ мочи показывает нарушения метаболизма в виде резкого увеличения секреции фенилэтиламинов. И в самом деле сумасшедшее поведение

молодого влюбленного со всеми его сумасбродствами напоминает поведение зацикленного на чем-то маньяка. Так что люди, утверждающие, будто любовь — это болезнь, не так уж и не правы.

Вторая стадия болезни, пришедшая на смену первой, — это уже зрелая зависимость. Причем, поскольку она сопровождается выбросом эндогенных наркотиков опиоидной группы, разрыв с предметом любви вызывает самую настоящую ломку. Причем страдания от абстиненции могут быть для любовного наркомана весьма и весьма мучительными, в особо острых случаях приводя к депрессии, плохому самочувствию. Порой влюбленный, лишенный предмета своей любви, на вид которого организм уже имеет условный рефлекс по выработке эндорфинов, пытается снять ломку алкоголем, поскольку алкоголь способствует выработке эндорфинов.

Если провести небольшой эксперимент — на время лишенному предмета своей любви этот предмет внезапно предоставить, — радость испытуемого и состояние его эйфории будет сильно превышать обычное, получаемое ранее при каждодневном приеме. То же самое происходит с заядлым морфинистом, которого на время лишили наркотика, а потом предоставили обычную дозу. Дело в том, что после периода абстиненции опиатные рецепторы реагируют сильнее.

Поскольку природа половую любовь сгондобила из материнской, используя те же «узлы» и «детали», детско-материнская любовь имеет аналогичную опиатно-наркотическую природу. Чтобы доказать это, детеныша обезьяны отнимали от матери, вызывая у обоих животных тяжкий стресс. Этот стресс настолько силен, что может вызвать у малыша задержку в развитии. А также полнейшую прострацию или сильную подавленность, тревожное волнение, отказ от приема пищи — в общем, типичные симптомы абстиненции. Излечить его в такой ситуации может только искусственное введение в организм веществ опиатной группы взамен тех эндогеных опиатов которые перестали вырабатываться после разрывом связи с матерью.

Аналогичного эффекта (прострации и пр.) можно добиться даже не отнимая ребенка от матери, а просто вколов ему налоксон — антагонист опиатов, который блокирует опиатные рецепторы, не давая им воспринимать эндорфины. Но про лишение детей родителей мы еще поговорим чуть ниже, а сейчас вернемся к любви половой. И покончим с ней!..

Так как природа половой любви имеет наркотический характер, для нее характерно все то же, что и для наркомании. Например, эффект привыкания. Механизм затухания любви чисто

биохимический — рецепторы, располагающиеся на клеточной мембране и химически реагирующие на молекулы опиатов (эндогенных или экзогенных, без разницы), постепенно «садятся», адаптируются, теряют чувствительность и начинают реагировать на раздражитель все хуже и хуже. Наркоман в ответ на это просто увеличивает дозу — до тех пор, пока не загонит себя в могилу. А влюбленный увеличить дозу не может: он сидит на эндогенных наркотиках, и организм не в состоянии их производить в неограниченных масштабах — уж сколько может, столько и выдает, не обессудьте. Он же себе не враг, чтобы загонять себя в могилу!

И вот уже объект бывшей любви начинает потихоньку раздражать клиента своими бытовыми привычками, вызывать скуку. Надоел!.. Какое-то время человек находится в этом состоянии равнодушия, его рецепторы отдыхают. А потом организм, поднабравшись сил, переориентируется на новый объект.

Однако все люди разные, и у одного любовь может пройти раньше, чем у другого. Он уходит, а партнер-то еще зависим! Вот в этой ситуации и помогал доктор Либовиц, облегчая последствия ломки тому, кто еще «в теме». Как вы догадываетесь, обычно это женщина. Женщины вообще больше склонны к наркомании, алкоголизации, любви. Потому что самцу нужно побольше своего семени раскидать, а самке — чтобы о ее потомстве подольше заботились. В результате ее «опиатный механизм» настроен на быстрое привыкание, чтобы быстрее привязаться к родившемуся младенцу, которого еще вчера не было, а также на более прочное торчание. Именно поэтому мужчина всегда легче переживает развод. Зато потерю бизнеса или работы он переживает гораздо тяжелее — по той же самой причине, которую мы разбирали в первой части книги, говоря о функциональном разделении полов. (Напомню: в кибернетической системе вида самец представляет собой внешнюю оболочку, так сказать эпидермис. Он стирается, и его не особо жалко, мужчин всегда избыток. Они — расходный материал для войны между собой или со средой. Работа для мужчины — это его война. Его главная в жизни задача…)

Короче говоря, для ломаемых кручиной женщин Либовиц подобрал ряд стимуляторов нервной системы, прием которых не только снимал ломку у его пациенток, но и восстанавливал им радость жизни. У теток менялись взгляды, они утирали сопли, начинали скакать и видеть перспективы. Менялось их поведение и, как говорят специалисты, пробуждалась поисковая активность.

Вдумчивый читатель может задать вопрос: а почему же, если любовь закономерно проходит, некоторые пары — и их немало!

— умудряются прожить всю жизнь в браке? А внимательный читатель спросит, почему мы ничего не сказали о четвертой ножке любовного стола под названием «окситоцин»? Обе группы читателей будут отоварены незамедлительно.

По всей видимости, прожить вместе целую жизнь людям помогает как раз окситоцин — гормон эмпатии. Он очень древний, встречается у всего живого на планете и отвечает за кучу телесных функций, а также чувство удовлетворенности, душевное спокойствие, тихую радость, великодушие и добросердечие. И опять-таки следует отметить, что женщины более эмпатичны, чем мужчины, поскольку окситоцин — антагонист тестостерона.

Тестостерон, будучи гормоном агрессии, толкает мужчин к риску, драке, включает эгоизм. А окситоцин, напротив, включает взаимопонимание, альтруизм и стремление решить вопрос неконфликтно, потому что ведь все мы люди, все мы человеки. Окситоцин — гормон коммуникации!

Он столь же нестоек, сколь и фенилэтиламин: период его полураспада в организме около пяти минут, — но его действие трудно переоценить. Поскольку народу на планете становится все больше, люди столетие за столетием прессуются на цивилизованных территориях все плотнее и плотнее, то, чтобы избежать войн, их толерантность друг к другу должна расти, а агрессивность падать. Именно это и наблюдается в современной городской цивилизации Запада — рост толерантности. Мы уходим от дикого тестостеронового прошлого. Тенденция заметна даже дилетантам, недаром появляются фильмы-антиутопии, в которых люди будущего предстают перед нами забитыми созданиями с контролируемым уровнем тестостерона, у которых искусственно подавляется агрессия.

Про тестостерон голливудские сценаристы и бабки у подъезда все выучили. А вот про окситоцин еще нет, он пока не стал столь же популярен. И зря! Потому что мы становимся окситоциновой цивилизацией. Мы приобрели уживчивость и настолько же утратили алертность. Знаете, в словаре отсталых диких народностей, живущих на уровне каменного века, зачастую нет смыслового разделения между понятиями «чужой» и «враг», они обозначаются одним словом. Цивилизация же начинается тогда, когда чужой перестает быть врагом. Когда с ним возможен диалог. Торговля. И даже сочувствие. А уровень сопереживания другому как раз находится в прямой пропорциональной зависимости от уровня окситоцина в организме — чем его больше, тем глубже сочувствие и готовность помочь и поделиться.

Могут возразить: «И про повышенную уживчивость вы

говорите после двух мировых войн со всеми их неприятными эксцессами, после ужасов гитлеризма, сталинизма, маоизма и полпотовщины! Да мы убиваем миллионами!..»

Отвечу: не стоит затемнять абсолютными цифрами относительные показатели. Миллионами мы стали убивать не оттого, что нетерпимость возросла (она как раз упала), а оттого, что людей стало много и у них появились другие инструментальные возможности. В современном мире вероятность погибнуть насильственной смертью (в результате войны или криминального убийства) в сотни раз ниже, чем в пасторальном мире первобытности. Сейчас смерть от старости — норма. А раньше ее практически не существовало — нормой была насильственная смерть. Об этом свидетельствуют и археологические данные, и этнографические.

Даже в разгар кровопролитной Второй мировой войны уровень смертности в воюющих державах со всеми их бомбами и снарядами не превышал уровня насильственной смертности в племенах примитивных дикарей, живущих охотой и собирательством. Иными словами, вероятность преждевременной гибели и там, и там была практически одинакова. Но для нас эпоха глобальных войн давно закончилась. А дикари живут в условиях перманентной войны постоянно.

Как отмечал этнограф Джаред Даймонд, «в обществах с племенным укладом… большинство людей умирают не своей смертью, а в результате преднамеренных убийств». Вот что по тому же поводу пишет автор многочисленных книг о природе человеческой агрессии профессор А. Назаретян: «любопытный факт из жизни общества Новой Гвинеи: при опросе гвинейских туземок выяснилось, что большинство опрошенных женщин не живут со своим первым мужем, т.к. их мужья были убиты в то или иное время».

Цифры разные исследователи дают разные — они фиксируют от 30% до 60% насильственных смертей среди дикарей Амазонии, Австралии, Папуа — Новой Гвинеи. То же самое было и в каменном веке. Характер повреждений на черепах и костях, найденных в могильниках времен каменного века в африканской Нубии, говорит о том, что 40% людей погибли от удара копьем или попавшей стрелы. И это только те случаи, когда наконечник попал в кость, а такое для наступления смерти вовсе не обязательно. То есть в статистику надо накинуть еще и тех, чьи кости уцелели, а стрела пробила сердце, печень или артерию. Могильники Евразии и Америки дают примерно ту же цифру — 30% черепов имеют повреждения или проломы.

А теперь посмотрите на причины смертности в наше время.

Под нашим временем я имею в виду последнюю сотню лет.

Насильственные смерти здесь отдельно даже не учитываются и относятся к несчастным случаям. Видно не только падение насильственной смертности вдвое всего за сто последних лет, но и изменение самой структуры смертности — заразные болезни уходят, уступая место болезням комфортной жизни, порожденным гиподинамией и перееданием.

Так что можно смело констатировать: никогда еще человечество так хорошо не жило и так мало не убивало! Тишь, да гладь, да окситоцин.

Окситоцин охотно продуцируется и в организме влюбленных. Где, помимо перечисленного, отвечает за ускорение метаболизма и снижение аппетита, именно поэтому влюбленные часто худеют.

Ну, похудение еще ладно. Гораздо интереснее то, что биологам удалось с помощью инъекций окситоцина добиться формирования моногамных пар у немоногамных грызунов! Потому что супружеская неверность, оказывается, напрямую связана с уровнем окситоцина в организме. Много окситоцина — крепкая семья, и люди хорошие. Мало — ну что ж, не всем в жизни везет, бывают и увечные…

Если много окситоцина у родившей женщины — хорошая мать. Мало окситоцина — плохая мать, плюс проблемы со вскармливанием, плюс послеродовая депрессия. И у младенца с такой мамкой будут проблемы, потому что окситоцин, получаемый с молоком матери, действует на младенчика как наркотик — успокаивает, умиротворяет, благотворно влияет на психику. Вывод: отсутствие грудного молока влияет на человечка крайне неблаготворно. Даешь сиську без разговоров и условий!..

Продуктивность производства окситоцина, как и все прочие свойства организма, зависит от генетики. Если молодой человек вырос в крепкой стабильной семье, скорее всего его дети тоже не вырастут безотцовщиной, поскольку парень получил хорошие гены, отвечающие за производство окситоцина. Девушки, обратите внимание!

Кстати, вполне возможно, что производство окситоцина в организме влияет на его (организма) запах. Почему говорят, что собаки чувствуют тех, кто их боится? И чем такие люди отличаются от прочих граждан? Уменьшенным производством окситоцина! Недружелюбные они, вот собаки и нервничают, чувствуя это.

В общем, если в совместной жизни двух супругов в достатке окситоцина, они могут продержаться на нем всю жизнь в условиях полного взаимопонимания. Тогда говорят, что на смену горячей молодой влюбленности с ее наркотической эйфорией

приходит привычка и уверенное спокойствие. А при разрыве связи нарастает беспокойство, обусловленное дефицитом «успокоительного».

И последнее… Заканчивая эту главу, хочу сказать, что мы получили только самое общее и схематичное представление о работе любовно-биохимической кухни, поскольку, чтобы не усложнять повествование, я ни словом не упомянул вазопрессин, адреналин и норадреналин, серотонин и норэпинефрин, энкефалины и эндогенные каннабиоиды, а также множества других веществ.

Природа создает симфонию любви, играя на сотнях клавиш, педалей и рычагов…

Глава 3
Горячее сердце, холодная голова, чистые руки

Гложет сердце кручина,
Давит грудь подоконник,
Где ж ты бродишь, мужчина,
Настоящий полковник?

Юрий Исаков

Слушая печальные исповеди друзей-приятелей и наблюдая вокруг бесчисленные катастрофы семейных кораблей и лодок, разбивающихся о быт, поневоле задумываешься — а почему «в добрые старые времена» семьи были крепче? Пришла пора, надев стерильные перчатки науки, препарировать чувство любви под углом социальности. Взрежем, так сказать, скальпелем логики и правду, и матку!..

Если в начале XX века на сто браков в России случался один развод, то к середине XX века один развод приходился уже на 15 браков. А в начале века XXI число разводов сначала сравнялось (в 2010 году) с числом заключаемых за год браков, а потом и перевалило его — теперь разводятся чаще, чем брачуются, — за счет накопленного ранее «запаса браков».

Это, повторюсь, годовые параметры, то есть сравнение числа всех браков (первичных и повторных) и разводов, совершенных за один год. А вообще в нашей стране до 80% заключенных браков распадаются. Далее люди вступают в новые браки. Или не вступают.

Почему сложилась такая тенденция, ясно: едва пали узы, которые скрепляли брак, а попросту говоря, едва упал запрет на разводы и упростилась сама процедура расторжения брака, как тут же возобладали естественно-биологические механизмы, прописанные в инстинктивном поведении вида. То есть мы снова пришли к «временной моногамии», обеспечивающей, с одной стороны, генетическое разнообразие, а с другой — совместное выращивание брачной парой детей до 3-6 лет, чего обезьяне вполне достаточно для более-менее самостоятельного существования. Все развивается по диалектической спирали! От чего ушли, к тому и пришли.

А ушли мы в свое время от переменной моногамии из-за требований экономики, а также более позднего взросления человеческих детенышей. В условиях техносферы, которую построил себе для обитания человек, детенышей нужно было долго учить. Детенышам нужно было передавать не только биологические гены, но и «гены финансовые» — наследство. Кроме того, семья стала хозяйственной ячейкой общества — как только мы сменили технологии разрушения среды на более щадящие, то есть перешли от охоты и собирательства к сельскому хозяйству, биологическое разделение функций между полами обрело еще одну, дополнительную грань. Теперь мужчина уходил работать в поле, обеспечивая семью пропитанием, как раньше он уходил на охоту, а женщина по-прежнему занималась хозяйством, только теперь уже не в пещере, а в доме. Она топила печь, готовила, ткала-шила-пряла, стирала-полоскала, присматривала за детьми и рожала новых. Разорвать этот железный круг, подчиняясь капризам новой любви, было уже невозможно. Да и некогда ерундой заниматься: сенокос на дворе — симбиотические животные должны быть обеспечены кормами на зиму! А еще нужно сходить в лес надрать лыко на лапти, заготовить дрова, подправить избу, подковать лошадь… Хотя измены, конечно, случались, в том числе и нормативные — со времен языческих сатурналий христианству достался предохранительный клапан карнавальных оргиастических праздников (типа праздника Ивана Купалы), периодически спускающий избыточный сексуальный пар, когда снимались все запреты, надевались маски и можно было все.

Шизофренические противоречия между социальными и биологическими потребностями и снимались тоже шизофренически — в одной христианской голове запросто сочетались несочетаемые установки и постулаты: запрет на обнажение и вера в существование невинной наготы; тотальное угнетение телесности в виде жестко декларируемых ограничений на проявление сексуальности и при этом весьма простецкое отношение к сексу среди простонародья. А у высших классов зеленым росточком, взламывающим догматическую серую корку христианского асфальта, расцвела особая модель придворной любви. Она отличалась утонченностью, романтичностью, вдохновенной воздыхательностью и, разумеется, эротичностью, поскольку в основе ее лежало не экономическое принуждение, а голое чувствование. Трубадуры, серенады, возвышенный культ прекрасной дамы… Экономика и передача наследства отдельно, любовь отдельно.

Как видите, впервые возвращаться к биологической базе

любви начали высшие слои общества, что понятно: чем легче жизнь, тем легче нравы. Именно среди богатых и образованных слоев общества началось размывание тех догматичных традиционных ценностей, которые противоречили ценностям настоящим, то есть базовым, природным.

Под традиционными ценностями, как вы уже поняли, я имею в виду ценности наносные, искусственно придуманные, идеологические — в первую очередь церковные… Секс — грязен! Заниматься им можно только в миссионерской позиции и только с целью продолжения рода, а не ради удовольствия (отсюда христианская идея о греховности презервативов и прочих противозачаточных средств и абортов). Чтобы не вводить очи в соблазн, были придуманы длинные ночные рубашки с прорезью в районе гениталий. Красота — грех. Красивая женщина — подручный дьявола, и лучше бы ее отправить на костер. Развод — грех. Аборт — грех. Презерватив — грех. Порнография — грех. Адюльтер — грех.

Все перечисленное и есть те самые «духовные скрепы» и «традиционные ценности», которыми нас сегодня пытаются соблазнить угрюмые особи, до чертиков напуганные свободами современности. Той прекрасной и удивительной современности, которая устроила теперь уже не только аристократам, а всем нам легкую и комфортную жизнь с помощью стиральных и сушильных машин, мультиварок, дешевой еды и одежды, транспорта и связи. Легкая жизнь — легкие нравы. Если можно вырастить ребенка в одиночку, пожизненная моногамия уже не столь необходима.

Вернуть любезные сердцу староверов традиционные ценности (например, ценность крепкой семьи до гроба вне зависимости от отношений супругов внутри этой семьи) мы можем только вместе с нищетой, грязью, ручной стиркой, антисанитарией, голодом, высокой детской смертностью и короткой продолжительностью жизни… Так что страдателям по традиционным ценностям придется потерпеть цивилизацию. Вряд ли граждане — даже те, кто демонстративно тоскует по старым добрым временам, — согласятся променять комфорт на нравственность, тем более в ее самом угрюмом — религиозном понимании. Вряд ли женщины согласятся лишиться своих прав и снова занять в человеческой иерархии то положение, которое самкам диктует наша обезьянья природа. Как верно однажды заметил Виктор Дольник, «у приматов высокого отношения к любви нет: самка подавлена». Именно такое положение и занимает женщина в обществе Традиции, которое ближе к животной дикости, чем мир Современности. Обратите внимание на тот факт, например, что в христианской традиции женщине входить в алтарь нельзя. Откуда

это идет? От животности нашего вида, у которого самка считается неполноценной, не равной самцу по своему иерархическому статусу.

Только цивилизация дала женщине статус полноценного человека. И оправдала любовь.

Любовь стала в нынешнем мире самоценностью. Игрушкой. И потому любовь убила семью. Семью в социальном смысле — как союз, заключенный до гробовой доски. Каждая новая любовь ставит крест на прежней семье. На этот парадокс Нового времени обратил в свое время внимание Лев Толстой в своей «Анне Карениной», которая разрывалась между животным чувством и социальным долгом, пока ее в этих метаниях не разорвал на части паровоз — такой же великий символ прогресса, как и требующая полноправия любовь.

Когда-то нормой были браки без любви — родители сватали и выдавали замуж/женили своих детей, расставляя по своему разумению фигурки и играя таким образом в социальные шахматы. Это было обычной практикой не только селян, засылавших сватов, но и буржуа, объединявших капиталы, и особ царственной крови, заключавших династические союзы с политическими целями. Или, вы думаете, от большой любви Наполеон просил руки сестры русского царя Александра I, которую никогда не видел?

Интерес обедневшего римского патриция, женившегося на дочери неродовитого, но разбогатевшего на торговле нувориша, понятен — он получает деньги, а папенька дочери — сияние древнего рода. Но к природе это отношения не имело. И в определенной мере шло ей наперекор, поскольку подбор генетических пар был случайным и не руководствовался взаимной симпатией скрещивающихся особей, каковая симпатия является агентом полового отбора. Такие «искусственные» семьи были и у аристократической публики, которая, заключая родственные браки, попросту вырождалась, и у крестьян — у последних, правда, вырождение было вызвано низкой социальной мобильностью, что приводило порой к ярко выраженному вырождению у жителей отдаленных деревень или островов.

К аналогичным результатам, то есть к постепенному вырождению, ухудшению биологических качеств приводило и ограниченное скрещивание из религиозных соображений. Так, например, евреи, жившие всегда в Европе закрытыми коллективами и предпочитавшие внутренние браки, между своими, получили в результате подобной брачной политики дефектные гены, которые чаще всего встречаются именно у евреев — например, мутировавший ген HEXA, ответственный за синтез

гексозоаминидазы. Хотели сохранить нацию и веру — получили амавтротическую идиотию Тея-Сакса. И не только ее…

Короче говоря, любви в условиях искусственного скрещивания не было, зато браки были до гроба. Точнее, любовь встречалась, но к браку она отношения не имела, существуя параллельно, поскольку в суровые времена на игрушки мало кто обращал внимание — нужно было выживать. А когда необходимость выживать слегка ослабла, чувство вылезло поперед долга. Инстинкт поднял голову, а религиозная мораль, соответственно, упала. И вряд ли кто-то сегодня захочет вновь в кандалы долга и морали: к хорошему привыкают быстро.

Это был настоящий взрыв — и появление паровоза с электрическим фонарем, и стальной кулак Любви, разбивающий челюсть традиционной Семье! На протяжении столетий институт брака жестко сбивался духовными скрепами, а сексуальность человеческая, которая грозила его развалить, не по-детски чморилась — объявлялась сначала греховной, потом просто неприличной. Неиспорченность и чистота женщины понималась в первую очередь как ее асексуальность, а уважение к даме зависело от уровня этой асексуальности. Работницы секса уважением не пользовались вообще, а строгая мать семейства с губами в суровую ниточку — в полной мере. Секс прочно ассоциировался с грязью и унижением, с чем-то таким, о чем в приличном обществе даже говорить нельзя, — хотя все прекрасно знали, что все сексом занимаются и именно от этого появляются дети. А вот прием пищи грязным процессом не был, и потому о блюдах в великосветских салонах Викторианской эпохи могли говорить столь же смело, что и о погоде. Но о сексе… даже представить себе такое невозможно!

Выхолащивание сексуальности дошло до того, что в медицинские знания позапрошлого века прочно вошло представление о том, что порядочная женщина сексуальных желаний лишена напрочь, а в женский оргазм наука просто не верила, как сегодня физика не верит в вечный двигатель. Оргастические спазмы у женщин считались пароксизмами маточной истерии. Симптомами этой истерии считались бледность, утомляемость, нарушение сна, головные боли, слабость, перепады настроения, хандра… Врачи искренне полагали, что две трети женщин хронически больны female hysteria, причину которой видели в недостаточном кровоснабжении матки. Поэтому женскую истерию лечили массажем половых органов. Для этого врачи использовали как руки, так и приспособления в виде фаллоимитаторов. Если массаж заканчивался слезами, криками и воплями, он считался

проведенным успешно — истерика вышла наружу, сопровождаясь мышечными сокращениями. Это называлось пароксизмом.

Поскольку женская истерия, как тот же остеохондроз, например, считалась болезнью хронической, ее и нужно было лечить всю жизнь — с помощью массажа, на время снимая нездоровое состояние. Поэтому женщины, не удовлетворенные в постели, ходили к семейным докторам годами.

«Уже рука колоть устала!» — так можно было бы поэтически охарактеризовать труд этих героических врачей-подвижников, которым приходилось порой добиваться от пациентки «истерических пароксизмов» десятками минут. Поэтому почти сразу после открытия способов лечения этой ужасной болезни перед эскулапами встал вопрос механизации труда.

Довольно быстро были изобретены устройства гидронажимного действия, а попросту говоря — душирующие установки. Теплая вода, небольшой напор в область клитора, и вуаля — болезнь на время побеждена! До следующего сеанса… В отсутствие электрических насосов такого рода женские залы для лечения маточной истерии устраивали на многих курортах термальных вод. Там и нагрев был дармовой, и напор. Женщины XIX века очень полюбили ездить на воды!

Когда наступил век пара, на смену натруженным рукам врачей пришли специальные машины. Они представляли собой нечто вроде стола или станины с отверстием в середине. В центре отверстия располагалась полированная сфера, приводимая в движение при помощи шатунов и рычагов. Сфера, вибрируя, массировала наружные половые органы. Трещали горящие в топке дрова, пыхтел пар в котле, ходили туда-сюда промасленные шатуны, тряслась сфера, кричала пациентка…

Затем пришла эпоха электричества, и в конце XIX века появились компактные электровибраторы с частотой колебаний до 7000 Гц, сильное облегчившие врачам работу. Впрочем, вскоре вибраторы покинули врачебные кабинеты и стали продаваться в аптеках, рекламироваться в газетах и рассылаться по почте, поскольку женщины быстро просекли фишку и взяли заботу о своем здоровье в свои руки.

А в XX веке был открыт оргазм. Тут-то и кончился великий и наивный XIX век. И на его руинах проклюнулся робкий росток сексуальной революции… Это было открытие века! Женщина наконец-то получила моральное право испытывать удовольствие в постели наравне с мужчиной. Что стало ее первым шагом на пути к токарному станку и избирательной урне. Потом во рту женщины оказалась сигарета. Ну а в штаны женщины влезли еще раньше…

Лет пятьдесят мир привыкал к женскому равноправию, мирясь с растущими разводами и безуспешно пытаясь запретить аборты. Ничего, привык. Женщины стали как мужчины. А мужчины, как известно, не рожают. Поэтому к падению рождаемости тоже пришлось привыкать.

И сейчас, на секунду остановившись в этом быстротекущем мире или же остановив на секунду мир — как вам больше нравится, — мы может понаблюдать за конфликтом, который разгорается в головах наших юных самцов и самок, когда им приходит пора искать себе пару. Это конфликт между социальными установками и инстинктами. Установки требуют одного, а инстинкты — другого.

Психологи в свое время проводили серию экспериментов, давая молодым людям заполнять анкеты, в которых спрашивали, какие качества парни хотели бы видеть в своей будущей жене. После чего эти качества ранжировали по важности. Затем интересовались, а какие девушки им больше нравятся. И ранжировали качества, которые парням импонировали. Затем тот же эксперимент провели с девушками, поинтересовавшись, какие качества они хотели бы видеть в муже и какие парни им нравятся.

Затем сравнили желаемое умом и требуемое инстинктом.

Сводные таблицы представляли собой почти полные перевертыши — те качества, которые являются завлекательными для тела, рассудком ставятся на последние места. И наоборот: то, что разум считает важным для совместного ведения хозяйства, совершенно не интересует тело.

Например, телу требует самка красивая, веселая, любящая танцевать. И это понятно: красивая — значит, породистая, симметричная, с хорошими генами, комплементарными твоим, о чем твои гены тебе недвусмысленно и сигнализируют… Веселая — значит, здоровая, жизнерадостная, энергии полно… Хорошо танцует? Тоже ясно: мы приматы, у нас не очень развито обоняние, но мы в анамнезе чрезвычайно подвижные существа. Для нас движение играет важнейшую роль. И мы инстинктивно оцениваем особей своего вида по тому, как они двигаются. Отсюда возникновение танцев и спорта как зрелищ. Нам инстинктивно интересно смотреть на движения представителей своего вида, это зрелище почему-то представляется нам привлекательным.

* * *

Наш мозг автоматически считает привлекательными наиболее «усредненно-симметричные» лица. Симметрия выдает хороший генетический набор. А усреднением убираются «генетические шумы», уродующие лицо и уводящие особь от

генетически оптимальной серединки к краям. Таким образом, усреднением выделяется только качественная информация.

В общем, нам нравятся хорошо двигающиеся, веселые, здоровые, симметричные самки с правильными чертами лица, наиболее близкими к «национальной средней норме».

Зато такие качества самки, как порядочность, умение владеть собой, спокойствие, ответственность, туловище самца мало интересуют. Но зато разум ставит их на первое место. Еще бы! Как с ней уживаться без умения владеть собой? Если она стерва, ведь житья не даст!

И самки, точнее, девушки, когда отвечали на вопрос, какие юноши им больше нравятся, отметили практически те же качества в самцах — веселость, красоту, умение танцевать. А также выделили рост и смелость — типично самцовые свойства. Самец должен быть высокий, потому что инстинкт не обманешь, он знает: чем больше гора мышц, тем больше у нее шансов в драке и охоте!

А вот когда исследователи закончили с инстинктом и обратились к рассудку с вопросом: «Каким вы видите отца ваших детей?» — тут все резко изменилось, и те качества, которые инстинкт отметил как наименее важные, разум вывел на первые места. Ответственность. Трудолюбие. Сдержанность. И ум — потому что тот, кто не имеет ума, будет всю жизнь работать руками. А слесарем много не заработаешь. Значит, потомство под угрозой!..

Вот только кто принимает решение о браке — голова или ищущая приключений задница? Увы, чаще всего последняя!.. Как говорит один очень известный в нашей стране оголтелый борец с наркотиками, «наркоман не человек». А влюбленный — это наркоман. Он плотно сидит на эндогенных наркотиках. Просто любовная зависимость прославлялась всем нашим искусством тысячи лет, отчего данная форма наркомании считается не позорной, а почетной. И никто не осуждает юношу, женившегося на стерве, или девушку, выскочившую по замутнении рассудка за алкоголика в надежде его потом перевоспитать «силой своей любви».

А потом начинается рванье волос на всех местах:

— Ой, права была мама, не надо было за него замуж выходить!..

Это тягостное противоречие между браком, который являлся молекулой социального вещества, и страстной любовью, которая по определению преходяща и в лучшем случае может заменяться теплой привычкой и привязанностью, сопровождало человечество на протяжении всей его истории. «А я люблю жена-а-атого!..»

Парадокс — чтобы брак был крепким, любовь должна быть слабенькой. Потому что брак по любви держится, пока не погас огонек любви, а после часто выясняется, что больше ничего влюбленных и не связывало. Брак же по расчету держится, пока справедливы расчеты. А с математикой не поспоришь!

Вот в каких выражениях пишет об этом один из самых известных этологов России Анатолий Протопопов:

«…невольно закрадывается крамольная мысль о том, что былая практика соединения пар по усмотрению родителей не так уж и плоха, несмотря на ее очевидные издержки. Конечно, в условиях нынешнего культа любви глупо ратовать за ее возрождение — кроме бури протестов и шквала насмешек, ни к чему не приведет. Да я и не могу представить, как это реализовать в наше время. Но ведь дело, по сути, в следующем: родители, подбирая пару для своих детей, даже если и имеют в виду свои интересы, оценивают претендентов скорее с цивилизованных позиций, производя, таким образом, самоселекцию вида homo sapiens в направлении роста уровня культуры и цивилизованности. Доверяясь зову инстинктов, человечество медленно дрейфует назад, в первобытное стадо, и, по-моему, некоторые признаки такого дрейфа мы уже наблюдаем».

Получается, что мы либо движемся в сторону здорового потомства, подчиняясь природному зову генов, либо идем в сторону цивилизованности. Демонстрируя этот внутренний разрыв, Протопопов когда-то ввел термин «примативность», чтобы описать тот тип самца, к которому самка стремится инстинктивно. Термин оказался настолько удачным, что вошел в широкое употребление. Хотя не всеми верно понимается.

Что же такое примативность?

Это внешние и внутренние проявления в поведении человеческого самца его сильной животной натуры и прежде всего — стремления доминировать.

Чем вообще движим зверь, в том числе и такой зверь, как человек? Считается, что главных доминант, которые формируют все наше поведение, всего четыре — инстинкт самосохранения (трусость), инстинкт размножения (трахать), стремление найти и поглотить еду (жрать), стремление доминировать в стае (помыкать). Я бы сюда в качестве самостоятельного стремления добавил характерное для высших животных стремление развлекаться, которое вытекает из животной потребности в игре. Последняя, как мы помним, возникла в качестве положительного подкрепления процесса обучения. А если вдруг забыли, напомню.

Я иногда буду проходить по вашим мозгам вторым слоем

лака — для лучшего блеска, не пугайтесь повторов, они формируют ваше мировоззрение. Итак…

Поведение продвинутых биологических конструкций настолько сложное, что сформировать его только на базе одних вшитых инстинктов нельзя, требуется еще тонкая подстройка под обстоятельства — в виде обучения. Обучением занимаются родители. Они учат охотиться, ставят на крыло, показывают, чего стоит бояться, чего бояться не стоит. Иногда обучение шлифует и доводит инстинктивные программы. Например, такая, казалось бы, базовая и вшитая программа, как инстинкт размножения, у стадных видов корректируется обучением. Обезьянки, выросшие в изоляции, не приобретают необходимых коммуникативных навыков, поэтому в сексуальной сфере становятся поведенческими инвалидами, о чем попозже мы еще скажем пару недобрых слов.

Чтобы положительно подкрепить особь и заставить ее учиться, природа изобрела подражательное поведение у малышей. Их никто не заставляет, малышам самим хочется подражать взрослым. «Я сам!» — часто слышим мы от ребенка. Мы видим, как мальчики водят игрушечную машину, девочки обезьянничают у зеркала, стремясь накраситься, как мама. У детей вызывает восторг даже такое скучное занятие, как мытье посуды, после того как они впервые научаются делать это самостоятельно.

Дети учатся играя. И так же как секс отделился от репродукции, став самостоятельной развлекательной ценностью, так ею стала и игра, отделившись от обучения.

Потому порой люди развлекаются, играя в игры. Люди сексуются — тоже для удовольствия. Люди давно уже едят для удовольствия, а не для того, чтобы не помереть с голоду, причем предпочитают пищу особой выделки, чтобы поярче раздражала вкусовые рецепторы. Наконец, люди стремятся занять в иерархии место повыше — и тоже с целью повышения качества жизни, потому что просто прожить можно и дворником. И даже бомжом на помойке! А что? Еды полно, она зачастую фабрично упакованная и только вчера просроченная, то есть вполне годная к употреблению. Фрукты попадаются — гнилой бочок отрезал, и персик готов к употреблению! Да и одежду теперь выкидывают совершенно нерваную и также пригодную к носке. При этом работать не заставляют. В теплотрассе халявное тепло. Всегда можно добыть водку. Чем не жизнь?

Однако многие предпочтут те же самые продукты, на истечении срока годности, только за деньги. Предпочтут квартиру, где за тепло приходится платить. Предпочтут покупать

одежду, пусть и в секонд-хенде. И тяжелую работу по 8 часов в сутки — чтобы оплатить все это.

Почему?

Потому что инстинкт доминирования изо всех сил противится сползанию в социальные низы. Не хочется чувствовать себя подонком! Для некоторых лучше смерть.

Мы прошли огромный путь от дикости до цивилизации. Но остались все тем же стадным видом со своей иерархией. Разница только в том, что в современном цивилизованном обществе больше шансов занять привилегированное положение имеет человек умный, а в сообществе диком и животном — сильный и наглый. Второе слово довольно важное, поскольку не всегда преимущество имеет голая физическая сила. Иногда психологический напор, уверенность играют роль более важную, что мы знаем из поведения гопников и уголовников.

Вот такое нахально-агрессивное поведение в сочетании с ярко выраженным эгоизмом и является примативным. Именно на такое поведение и клюют самки. Потому что инстинкт подсказывает им: это первый парень в стае, в племени и на зоне!

Я был назвал это животностью, чтобы не использовать хорошее слово «примат», что значит «первый». Животность противоположна цивилизованности. Животность внутри цивилизации процветает в оазисах дикости — таких, например, как армия или тюрьмы, где выстраиваются жесткие самцовые иерархии, а так называемые «опущенные» (играющие роль самок) находятся на самом дне этой иерархии. Хотите посмотреть, как устроен наш вид в своей базе, посмотрите на тюрьму, где животность из людей вылезает в полной мере. Именно в стае обезьян вожак имеет право отбирать лучшие куски у субдоминантов и трахать лучших самок чаще других. Именно у обезьян демонстрация эрегированного члена — заявление на превосходство. И поэтому именно пенисом в тюрьме и на зоне самцы указывают «самкам» на их положение в иерархии.

Эта глубинная животность и особенности сексуального поведения вида вылезают порой в самых неожиданных местах — например, в спорах Евросоюза и России за Украину в 2014 году комментаторы в Интернете гадали, «под кого ляжет Украина» — под восточного соседа или западного. Лечь под кого-то, то есть сексуально отдаться, означает в глазах инстинкта быть в униженном положении самки, то есть на самом дне иерархии. В этой связи становится совершенно понятно, почему в диковатом СССР после вступления Красной армии на ранее оккупированные немцами территории советских женщин и девушек, спавших с немцами, вешали. А в более цивилизованной Франции после

изгнания фашистов деятели Сопротивления несчастных «коллаборационисток», спавших с немцами, обривали наголо и всячески над ними издевались. Причина понятна: это же наши самки! Как они смели скрещиваться с чужими самцами и вообще вести себя по своей воле, не слушаясь природных хозяев! Тем самым они нас унизили, ведь самец, трахающий самку, ее унижает, нагибает. Наших самок покрыли против нашей воли, показав, что мы слабые! Нас тем самым унизили, показав нам наше истинное место в иерархии. Отомстим же за это… самкам!

Забавно, что выражение «я трахнула его» используют порой даже женщины, желая продемонстрировать свое превосходство в чем-то перед кем-то. А на мужской зоне активные педерасты активно и гневно отрицают свой гомосексуализм, поскольку ведь это же они трахнули «пидора», то есть выступили в роли самца!

Произойди мы от какого-нибудь иного вида, с иным рисунком сексуального поведения, весь облик цивилизации был бы другим, а сейчас…

Женщина млеет перед высоким (во всех смыслах) самцом. Истеричное поклонение нимфеток перед популярным певцом или не менее истеричный вопль «я хочу ребенка от фюрера» — типичные признаки самочьего поведения, не ограниченного рассудком.

Вот Высоцкий — активный, энергичный, поющий, склонный к наркомании, а значит, и яркой любви, сносящей крышу… Но хорош ли он как верный муж? Плох. Однако разум часто бессилен перед инстинктом. Поэтому рожают от одних, а замуж выходят за других. С мужчинами ситуация аналогичная: любят одних — ярких и стервозных, а замуж выходят за серых мышек. Потому что зов природы — это одно, а требования социальной среды — совсем другое.

И вот теперь, в эпоху легкой жизни, мы вновь возвращаемся к любви, то есть развлечениям тела и души, и отказываемся от семьи, как ячейки общества. Семья перестает быть молекулой социального вещества. Происходит его атомизация.

Глава 4
Социальные аспекты животной любви

Осень жизни, как и осень года,
Надо, не скорбя, благословить.

Эльдар Рязанов

— Дочь — отрезанный ломоть, — сказала моя супруга жене моего друга, когда те пришли к нам в гости и разговор между женами зашел об ихней тяжкой бабской доле. — Сыновья больше к своей семье как-то привязаны. А дочь вырастет и уйдет в другую семью. Вот я, например, где встречала Новый год? Думаешь, у моей матери? Нет, пошли в гости к Сашкиному отцу. Как-то так издревле повелось, что дочь отдают в чужую семью. И она становится частью чужой семьи, не той, в которой выросла. Даже фамилию меняет!

Действительно, так и есть. Но в одном жена моя все-таки немного ошиблась: повелось это не в далекие исторические времена и к обычаям вовсе не относится. Это тоже видовой признак!

Называется такое поведение экзогамией и встречается у многих обезьян, не только у нас — подросшие самочки уходят в другую семью или стаю, а самцы остаются в своей родной группе. Экзогамия типична для приматов, в том числе человекообоазных. Вот, например, как описывается социальная организация гамадрилов:

«…сообщество павианов гамадрилов организовано по многоуровневому принципу. Оно состоит из односамцовых гаремных единиц, объединенных в кланы самцов-родственников, кланы объединяются в банды, состоящие из неродственных животных. Банды объединяются в более крупные структуры. Самцы, члены клана, никогда не переходят в другие банды. Вместе с тем взрослые самки чаще всего переходят в другие кланы в пределах банды и могут переходить так же в другие банды» (М. Бутовская).

Так что в своей экзогамии люди, отдающие дочь в чужую семью, не уникальны. Иногда ее выдают с приданым, лишь бы взяли — такое происходит в моногамных культурах, — а иногда самку продают за калым — в тех культурах, где самцы

устраивают гаремы и самок дефицит.

Однако есть у нашего вида и совершенно уникальные особенности, не характерные более ни для каких других обезьян. И это нечто вовсе не гиперсексуальность, которая хоть и редко, но в мире приматов встречается — например у карликовых шимпанзе. Речь идет о менопаузе. Менопауза встречается только у трех видов живых существ на земле. Причем два из них никакого отношения к приматам не имеют.

Для начала разберемся, что такое «менопауза».

Природа рачительна: если самка не может больше рожать, то она и не нужна. Поэтому природа таких самок быстро прибирает. У многих видов репродуктивность падает с возрастом, но в большинстве случаев самки могут рожать чуть не до смерти. А вот у женщин климакс наступает относительно рано, и после этого они могут прожить еще несколько десятков лет. Зачем? На фиг они нужны, если потеряли способность к репродукции? Треть жизни — впустую!

Для того чтобы найти ответ на эту загадку, давайте посмотрим, у каких еще видов существует менопауза. Незнающих людей ответ удивит — у косаток[6] и черного дельфина. Косатки могут дожить до 90 лет, а рожать прекращают в 50. Самки черных дельфинов живут до 60, а теряют способность к родам к 35 годам.

Биологи из британского университета Экстера, которые 40 лет наблюдали за косатками, описали историю жизни почти шестисот представителей этого вида. И выявили следующую статистическую закономерность: выживаемость не только молодняка, но и довольно взрослых и уже самостоятельных особей падает, если в результате случайности гибнет их мать. Смертность молодежи в этом случае подскакивала в восемь раз.

Оказывается, у этого интеллектуального вида долог процесс обучения и потому сильны эмоциональные родственные связи. Самке нужно не только родить, но и воспитать. Поэтому стареющему организму, который производит уже менее качественное потомство, нежели молодой, выгоднее роды выключить, но оставить его в живых, чтобы задействовать в передаче опыта молодым и опеки.

Природу не обманешь — если вы нужны своим детям, вы будете жить долго.

Любопытный момент: смерть матроны в восемь раз увеличивает смертность ее сыновей и всего лишь в три раза — смерть дочек. Возможно, дочкам помогает новая семья, в которую их «выдали». Это всего лишь предположение, поскольку о цивилизации косаток мы знаем очень мало и даже их язык изучен весьма поверхностно. Известно только, что разные племена,

живущие в разных местностях Мирового океана, говорят на разных диалектах (или имеют разное произношение).

Может быть, и женщинам природа раньше времени отключила родовую деятельность, чтобы они занимались не тем, что у них уже плохо получается в силу изношенности организма, а тем, что они могут делать прекрасно, — передачей накопленного опыта? Это предположение получило название гипотезы бабушек. Бабушка специально была изготовлена эволюцией из подручного материала (бывшей женщины), чтобы помочь своим детям воспитывать их детей. В связи с затянувшимся детством. А что? Хорошая идея! Мужик на охоте промышляет, мамаша поползла корешки искать или за хворостом, а бабка тут как тут, на подхвате, — следит, чтобы внучки в костер не упали. Очень удобная старушка!

Это предположение часто кажется публике каким-то ненаучным, несерьезным. Гражданам представляется, что природа глупа, а вот люди разумны и сами придумали припрячь старых самок к сидению с внуками. Но тут надо вспомнить, что поведения без программы не бывает — вернее, исключения бывают, конечно, — но массовое одинаковое поведение особей уже позволяет говорить о какой-то заложенной природной программе такого поведения. Во всем мире у всех народов бабушки помогали воспитывать внуков. В 1997 году, наблюдая в Танзании за жизнью первобытного племени охотников и собирателей, ученые нашли сей порядок и там — бабушки выкапывали сладкие корешки и отдавали их своим (а не чужим) внукам. Это во-первых. А во-вторых, включение климакса — это дело именно природы, а не человеческого разума.

Ну и в-третьих, гипотеза бабушек недавно была доказана с помощью компьютерного моделирования, которое позволяет ускорить эволюцию в тысячи раз. Антропологи американского Университета Юты запустили компьютерную симуляцию эволюции и убедились в этом сами. Появление у ребенка дополнительной «мамы» в условиях долгого периода взросления положительно сказалось на выживаемости потомства. И выразилось в ощутимом давлении среды, которое и сформировало менопаузу.

В свою очередь открытие «второго фронта», то есть появление за спинами родителей второго поколения, заботящегося о детях, положительно сказалось на умножении внутренних связей в человеческой стае. И сказывается до сих пор. Вся наша цивилизация — отражение «природных обычаев» нашего вида, то есть инстинктивных программ, наработанных еще в те далекие времена, когда мы жили, как животные. И в этой связи смешно,

например, читать грезы феминисток о грядущем обществе, в котором они будут делать ну прям все-все наравне с мужчинами. Феминисток вообще читать смешно, поскольку реализуют себя на этой стезе (как и вообще в левацкой политике) люди не очень интеллектуально развитые и крайне малограмотные, а потому забавные на различные глупости.

Помните миф о матриархате, от которого и наука, и даже феминизм давно уже отказались? Отказались потому, что ни в одном из известным нам первобытных обществ не было женщин в стабильном и долгосрочном управлении. Женщины на троне бывали, но только как редкие эксцессы, и их (эксцессов) продолжительность не превышала продолжительности жизни самой правительницы, посаженной на трон мужчинами исходя из сиюминутных политических интересов разных мужских кланов. Более того, порой восшествие женщины на трон сопровождалось ее символическим омужичиванием. Так, например, древнеегипетская царица Хатшепсут на всех официальных мероприятиях должна была носить мужскую одежду и накладную бороду, дабы не ломать «духовные скрепы». А у некоторых диких народов переход гомосексуалов в другой пол не возбраняется при условии, что они должны будут наряжаться соответственно тому полу, к которому захотели принадлежать. У отдельных африканских племен женщины могут даже находиться во власти, но только если «станут самцами» — заключат брак с другой женщиной. Почему? Потому что в таком неестественном случае дикари стремятся хотя бы внешне воспроизвести естественно-природную закономерность.

Почему ведущую роль всегда играли мужчины? И настанут ли такие времена, когда и женщины смогут делать так же хорошо то, что могут делать эти неотесанные и воняющие козлом самцы?

Отвечу сразу на второй вопрос: времена такие настанут только после того, как генетическая структура человека будут изменена генной инженерией. То есть тогда, когда мы перестанем быть тем видом, к которому принадлежим. И когда не будет женщин и мужчин в привычном биологическом понимании этого слова — с их функциональным разделением, запроектированным природой. Ведь именно потому и играют самцы главную роль в социальной жизни всех приматов, что именно самцы у приматов доминантны. Никаких других, небиологических, причин тут нет.

Самцы и самки просто по-разному устроены, мы это проходили в первой части книги. То, что отлично могут самцы, самки сделают хуже. И наоборот. Различия между нами конструктивны, а потому неустранимы, как бы того ни хотелось феминисткам. Самцы сильнее, самцы умнее, самцы выше, у них

больше объем серого вещества и совсем иная морфология мозга, другая биохимия организма, по-другому работают железы внутренней секреции, у мужчин больше тестостерона, а у женщин эстрогена… И от разницы в конструкции идет разница в функционировании. Никого же не удивляет, что автомобиль ездит иначе, чем трактор, а молоток имеет иное назначение, нежели отвертка, хотя и то и другое — инструмент.

В книге «Конец феминизма» я рассказывал, что две мировых войны выбили десятки миллионов мужчин в цивилизованных странах, освободив место у станка. Кого туда поставить? Бабу. Больше некого. И уже встав к станку, начав получать деньги и превратившись в полноценного потребителя, женщины в результате получили все полагающиеся хозяину денег права, а именно — право избирать и быть избранной. Однако, даже несмотря на это, эмансипация так и не стала тотальной, что весьма огорчает феминисток, — ведь некоторые сферы деятельности так и не увидели «равнозаполненности» женщинами.

В политике, авиации, армии, бизнесе, криминалитете, вождении грузовиков, точных науках и во многих других областях и профессиях количество женщин даже близко не подобралось к числу работающих в этих сферах мужчин, несмотря на равноправие. Просто в силу биологической специфики женщин. Оказалось, мало дать равные права, нужны еще и равные способности! Которые играют тем большую роль, чем конкурентнее общество. Оно и понятно: карлик с равными правами все равно будет играть в баскетбол хуже двухметрового великана.

А биологические особенности женщин направляют их на совершенно иные сферы деятельности, нежели мужчин. Мозги у женщин больше заточены на коммуницирование, нежели на предметную деятельность. Соответственно, среди воспитательниц детсадов и школьных учителей подавляющее большинство — женщины. Потому что дети и костер (очаг, плита) — их естественная прерогатива. А задача мужчин — орудийная активность: копья метать, пробитые колеса менять… Так было всегда и во всех обществах без исключений — мужчины ловят рыбу, строят, льют, куют, пашут, исследуют, рискуют, охотятся и воюют; женщины прядут, плетут корзины, шьют, пекут, огородничают и ждут с фронта.

Мужчина всегда уходит дальше от дома, женщина всегда находится рядом с логовом.

Можно, конечно, начать строить по этому поводу какие-нибудь теории заговоров (см. феминистическая «теория

стеклянного потолка»). А можно просто покопаться в природных отличиях самцов и самок. Благо они обнаружатся без труда. А отсюда уже вытечет разница в деятельности и восприятии мира.

Например, мужчины в среднем более стрессоустойчивы, то есть склонны сохранять голову трезвой, даже несмотря на крайне нервную обстановку, в которой женщина теряет голову, визжит или рыдает. Именно поэтому женщин практически никогда не берут на стрессоопасные операторские работы: например, в авиадиспетчеры, пилоты или водители автобуса.

При этом главный парадокс «запрета на профессии» состоит в том, что по многим характеристикам женщины вроде бы для операторской работы подходят лучше мужчин. Например, у них шире угол зрения. У мужчин зрение прицельное, поэтому мужчина может долго искать в холодильнике масло, а в шкафу рубашку, дюйм за дюймом сканируя пространство. А женщина находит нужное, бросив один всеохватный взгляд. Женщина более труслива, а значит, более осторожна, что неплохо. Но эти плюсики перечеркиваются тем жирным минусом, который описан выше, — при высоком уровне стресса баба пугается и создает аварийную ситуацию там, где мужик только сигарету в зубах крепче сжимает.

Главная ошибка большинства современных граждан состоит в том, что граждане эти забывают о своей животности. Человек слишком зазнался. Почувствовал себя слишком оторванным от фауны. Уже и животным себя не признает! Отказывает зверью в возможности мыслить, полагая, что свойством сознания обладают только люди. Полагает свое поведение не сформированным генами, а стопроцентно воспитанным. До того дошли многие в оной ереси, что уже и талант, и даже пол полагают следствиями воспитания! Мол, при надлежащем воспитании и талант реально вырастить, и пол поменять. Отчего это девочек тянет на кукол? Вовсе не потому, что они самки и у них в крови возиться с маленькими существами, на них похожими, а потому, что их клятый социум так воспитал. Так считают левые и феминисты. А у консерваторов свои заморочки! Не говорите такому, что он от обезьяны произошел. Нет, ему низкое происхождение не к лицу, у него айфон есть и три иконки на приборной панели! Он ниже, чем от Бога, происходить не желает. Только по образу и подобию повелителя Вселенной!

Нос задрал человек. Своих не узнает…

На одном из феминистических сайтов встретились мне такие рассуждения: «Добыча мамонтов, в смысле охота, глубоко зашита в нашу культуру, а культура формирует человека, как социальное существо». Это мнение — ошибочно. Охота зашита еще глубже,

чем представляется безымянному автору цитаты. Она зашита в инстинкты, то есть в структуру нашего тела. Мы рождаемся уже с будущим поведением. С характером. И судьбой как следствием характера.

А избыточная глупая гордость и забвение естественных корней, приводящее к нарушению технологии по эксплуатации, до добра не доводят.

Человек не может летать. Поэтому если он кинется с крыши двенадцатиэтажного дома, он прекратит свое глупое существование. Забвение биологии приведет к конфликту с физикой. А если уж очень приспичило полетать, приходится изощряться и строить самолет. В данном случае прогресс позволяет обойти биологический запрет.

Если же вы хотите обойти какие-то другие биологические запреты, не столь явные, как отсутствие крыльев, а более тонкие — например упомянутую стрессовую неустойчивость, индивидуальную генетическую склонность к раку или невозможность видеть в ультрафиолетовом диапазоне, — нужно идти по тому же пути прогресса и развивать генную инженерию, которая позволит нашу животную природу модернизировать. Если же ломиться в закрытую дверь грубо, как этой порой делается под влиянием не науки, но идеологии, можно все поломать. Вот пара примеров.

Как вы знаете, все виды спорта разделены на мужские и женские. Даже шахматы, хотя, казалось бы, тут сила не нужна, только ум. Тем не менее оказывается, что самцы не только сильнее, но и умнее самок. Теперь представим себе, что ради некоей идеи — например, примитивно понятой идеи равноправия — мы вводит в мужском виде спорта специальную квоту для женщин. Возможны варианты: ввести, скажем, квоту для карликов в баскетболе. Чтобы в каждой команде — по 10% карликов в соответствии с их процентным содержанием в обществе. Что мы получим?

Ясно что — среднее ухудшение результатов. Если вы начинаете честное соревнование между лучшими искусственно разбавлять всяческим отстоем, аутсайдерами, то получаете вместо отбора на лучших отбор на худших. И общую просадку системы.

Именно к этому приводит квотирование для женщин мест в парламенте, бизнесе, других сферах — ради какого-то абстрактного «равноправия». Причем женщин в данном случае вы можете заменить любой другой категорией, для которой хотите добиться равноправия, — карликами, даунами, отсидевшими, голубоглазыми, лысыми, картавыми, татарами, русскими, геями,

чернокожими, велосипедистами…

Равноправие, как стремление не к равенству возможностей, а к равенству результата, тут же обернется нивелировкой. Уравниловкой. А говоря физическим языком, социальной энтропией.

Это против природы. Эволюцию вперед и вверх движет конкуренция. То есть выживание лучших конструкций и результатов. С каждой ступенькой все совершеннее и совершеннее. Так мы и дошли от одноклеточных до «Мадонны» Микеланджело, искусственных спутников и лазеров. А разбавление меда дегтем приводит только к «убийству» меда. Однако именно это сейчас и происходит.

Причем стремление к этому самому непонятно зачем нужному равенству в результатах не единственный фетиш современного общества, пораженного левой идеей. Обобществление детей — еще один признак данной болезни.

Наиболее известны своей патологической любовью к справедливой уравниловке скандинавские страны. В Норвегии, например, официально считается, что все дети должны расти одинаковыми и в одинаковых условиях, не выделяясь, а также выдвинут лозунг «Дети не принадлежат своим родителям».

А кому же они принадлежат? Ведь дети не могут быть бесхозными! Если за них не отвечают родители, значит, решение принимает кто-то другой. Этот другой — государство. Российские коммунисты начала двадцатых годов XX века всерьез грезили об обобществлении всего и вся — быта, жен, детей. Считалось, что профессионалы смогут делать дело лучше, чем непрофессионалы. Поэтому воспитывать детей лучше доверить людям с педагогическим образованием или психологическим, нежели таким дилетантам, как родители. А то заводят и воспитывают детей кто ни попадя, а знаний, нужных для этого, не имеют!

И как только животные с этим справляются без высшего образования?!.

Нет, в общем и целом профессионалы действительно лучше справляются с профессиональными обязанностями. Но в том-то и дело, что воспитание детей не профессиональная обязанность. Человек на этом не зарабатывает. Он на это тратится. Все профессии мы выдумали сами. А вот детей до сих пор производим по старинке, без затей. Это пришло к нам из глубин нашего животного прошлого. Так же как ходьба или дыхание. Почему никто еще не заявил, что дышать лучше поручить профессионалам?

В основе всего нашего поведения лежат лишь несколько базовых требований — я их уже перечислял: размножение,

самосохранение, поиск и потребление пищи, доминирование, развлечения. Мы учимся и овладеваем профессиями, чтобы прокормиться. Мы пристегиваемся ремнями безопасности, чтобы самосохраниться. Мы стремимся к успеху, чтобы удовлетворить свое стремление к доминированию. Мы занимаемся наукой, чтобы развлечься (некоторые, а другие — в карты играют). Мы воспитываем детей, подчиняясь могучему инстинкту продолжения рода. И при чем здесь чья-то профессия?

В процессе воспитания детей надуманный, тоненький, наносной слой профессионализма, легко стираемый грубым пальцем равнодушия к чужим детям, с успехом заменяется толстенным канатом животной родительской любви. Материнское молоко лучше синтетической жижи!

Леваки этого не понимают.

В результате норвежская (и не только норвежская, она здесь только в качестве примера) ювенальная юстиция поставила изъятие детей у матерей на поток. Организация, занимающаяся внесудебными расправами над детьми, называется в Норвегии «Барневарн». Она прикрывается защитой детских интересов, как Гитлер, уничтожавший евреев, прикрывался интересами нации, но при этом у самих детей не спрашивают, хотят ли они быть арестованными и лишенными матери.

Барневарн неплохо финансируется — почти миллиард евро в год норвежские налогоплательщики тратят на то, чтобы сотрудники этой организации по доносам (зачастую анонимным) арестовывали детей, отнимая их у родителей. Можно представить себе масштаб репрессий, охвативший страну, если одних только русских детей, томящихся в застенках Барневарна, более пяти тысяч! «Успех» норвежского детского гестапо феноменален — по некоторым данным, Барневарн изымает детей у родителей со скоростью полтора ребенка в час.

Охота на детей в современной Европе, пропитанной левыми ценностями, приняла масштаб настоящей охоты на ведьм. Европа, которая удивляла мир то кострами инквизиции, то дымами гитлеровских крематориев, теперь нашла себе новую забаву — лишать плачущих детей матери.

Между тем нет ничего страшнее для маленького существа, чем потеряться, то есть быть разлученным с матерью. Что такое смерть, дети еще не понимают. Поэтому страх потери мамы для них главный в жизни и самый ужасный.

Для нормальных людей это понятно. Для идеологически зашоренных (феминистов, коммунистов, социалистов) — нет. Безграмотность и бесчувственность рулят!.. А между тем еще в середине XX века в Америке были проведены весьма

поучительные опыты на животных, вошедшие в ряд самых безжалостных экспериментов в истории науки. Это были как раз эксперименты по отъему детенышей у приматов.

Американский психолог Гарри Харлоу изучал на наших ближайших родственниках роль родительской любви. Именно результаты его работы внесли понимание в вопрос о том, почему же по детям, выросшим в детдомах, тюрьма плачет. В России, например, половина детдомовцев по выходе из детдома попадают за решетку. И так не только в России. Отчего же? Этот вопрос долго не давал покоя психологам. Вроде и смотрят там за детьми профессионалы с образованием, и кормят, и занимаются, и учат. Живут дети словно бы в огромной семье, окруженные многочисленными братьями и сестрами по несчастью. Но выходят в мир и оказываются в тюрьме, спиваются, кончают жизнь самоубийством, не находят себя. И даже не умеют строить отношения, хотя в детдоме обитали не в одиночной камере, а среди себе подобных.

Почему? Почему?

Жестокие опыты Харлоу дали ответ на этот вопрос. Экспериментатор отрывал маленького детеныша от мамы. Отрывал в буквальном смысле, поскольку маленькие обезьянки предпочитают ездить на мамах, вцепившись в их шерсть. А Харлоу детей отрывал и с мамой разлучал.

Навсегда.

Все дети реагируют на это одинаково. Маленькие обезьянки и их мамы реагировали на разлуку так же, как реагируют на нее представители нашего вида, — дети рыдают, мамы тоже рыдают. Смотреть на все это нормальному человеку совершенно невыносимо. Для этого нужно работать в гестапо или в Барневарне, что, впрочем, одно и то же.

Маленькие обезьянки в опытах Харлоу плакали, дрожали, скулили, выли, впадали в депрессию, получали эмоциональную травму или психопатологические отклонения на всю жизнь. Иногда даже погибали от тоски.

— Наверное, это потому, что мать — штука полезная, поскольку она имеет сиськи, в которых молоко для пропитания, — подумал экспериментатор.

Такой точки зрения, между прочим, и по сию пору придерживаются многие поверхностные люди. Мол, ваша собака любит вас только потому, что вы ее кормите и она это знает. Когда она приветствует вас с работы, это она не вас приветствует, а свой предстоящий ужин… Люди с подобным плоским уровнем понимания действительности и идут, как правило, в социалисты — те тоже воспринимают мир примитивно: эксплуатация, отнять

и поделить, коллективизация… Они и слыхом ни слыхивали, что от тоски по утраченному хозяину собака может и вовсе отказаться от еды.

Увидев катастрофические последствия своих действий, Харлоу сделал для обиженных обезьянок две искусственные мамы. Одна мама была произведена из проволоки — по сути, это был проволочный каркас с нарисованной мордочкой и резиновой соской на уровне груди. Через соску подавалось молоко. Вторая мать была мягкая и теплая, сделанная из шерстистой ткани, с такой же нарисованной рожицей, но без сиськи с молоком. То есть это была совершенно непрактичная бесполезная мама.

Вопрос: какую маму малыш любил больше — кормящую или теплую?

Правильно, шерстистую и теплую. А к холодному проволочному чудовищу, оборудованному соской с молоком, дитенок ходил только кормиться и проводил возле нее ровно столько времени, сколько сосал молоко. Не любил он ее!

Почти все свое время малыш проводил, вцепившись в искусственную шерстяную маму, напоминавшую утраченную настоящую, — это его немного успокаивало.

Тогда Харлоу сделал Злую Маму. Теперь шерстяная иногда обдавала детеныша струями холодного воздуха или колола выдвигающимися иголками. Но все равно детеныш тянулся даже к злой маме — настолько она была ему важна. Жизненно необходима!

К чему же приводило отсутствие живой мамы? К потере социализации. Обезьянки, выросшие без матери или с искусственным мамозаменителем превращались в социальных деградантов. Они не умели строить отношения с другими обезьянами, а также с противоположным полом. Когда наступала пора продолжения рода, самцы просто не знали, как законтачить с самками. И никакой инстинкт, не будучи обточенным воспитанием, не помогал. Только жесткая фиксация самки в специальном станке в позиции, пригодной для случки, помогала: самцу в этой ситуации с горем пополам удавалось провести половой акт.

Именно поэтому люди, выросшие без родительской любви, часто становятся насильниками и жестокими убийцами. Им необходима «фиксация самки», чтобы чего-то достичь с ней. Коммуницировать по-человечески они не умеют. Не выработан механизм.

Самки же, выросшие с искусственным чучелом, сами родив детенышей, оказывались плохими матерями, часто они убивали своих детенышей или бросали их. Иногда стресс от

невозможности коммуникации с другими особями был так велик, что у обезьянок-«искусственников» вдруг просыпалась тяга к самоуничтожению — они занимались членовредительством, отгрызали себе пальцы…

Иногда можно слышать мнение, будто детдомовцы вырастают асоциальными из-за того, что за них в детдоме все решают взрослые и всем их обеспечивают, вот они и теряются в большом мире. Это довольно странная точка зрения. Как будто в семье за детей все не решают взрослые! Решают, конечно, и даже в большей степени, поскольку за родных детей и душа болит больше, и времени на них остается больше, нежели у воспитателя детдома, на которого два-три десятка неродных приходится. Дело тут не во внешнем обучении. Вернее, не только в нем. А в том, что поток материнской любви определенным образом настраивает функционал растущего организма, и является необходимым биохимическим закрепителем всех социальных навыков.

Опыты Харлоу проводились в пятидесятые годы и произвели на прагматичную Америку сильное впечатление! Тогда в американской педиатрии господствовала идея о том, что баловать ребенка излишним контактом не стоит, что от мамы ему достаточно сиськи с молоком. А сюсюкаться с малышом и часто брать его на руки нет смысла… И вот оказалось, что такая политика есть самое настоящее преступление перед ребенком. Мы приматы, и нам для формирования здоровой психики крайне важен плотный и постоянный контакт с матерью, потому что миллионами лет наши животные предки именно так и формировались — вися на маме и испытывая ужас при случайно потере контакта. Мама — это защита. С мамой спокойно. Попав в незнакомое помещение без мамы, малыш примата дрожит и сворачивается в комочек, испытывая перманентный стресс. Попав в то же помещение с мамой, он не испытывает никакого страха, отцепляется от нее и начинает с любопытством обследовать помещение.

Инстинкт слеп и туп: ему не объяснишь, что сюсюканье и тактильный контакт — ненужное баловство. Поэтому организм должен работать и формироваться в штатном режиме, а не с перманентным перенапряжением надпочечников, вырабатывающих гормоны стресса, выжигающие организм. Иначе получается поведенческий урод.

Поэтому семья для ребенка необходима. Если нет родной, то хотя бы приемная. И дети это своим маленьким нутром понимают. Главная мечта детдомовского ребенка — о папе в мамой. Сюжет новогодней комедии «Елки» начинает

разворачиваться с фантазии детдомовской девочки о том, что ее папа — президент России. Детдомовские дети часто фантазируют о своих родителях, приписывая им разные замечательные свойства и даже прощая прямое предательство — тот факт, что родители их бросили: мы уже знаем из опытов Харлоу — даже если мама колется или дует холодном воздухом, ребенок инстинктивно все равно упорно тянется к ней, потому что она мама. Эти непрекращающиеся мечты детдомовцев о родителях — инстинктивная и отчаянная попытка организма спастись: от будущей тюрьмы, самоубийства, несчастной личной жизни.

Поняв, насколько важны мамимы улыбки и тактильный контакт для правильного развития мозга ребенка, родильные дома Америки изменили свою политику и стали рекомендовать побольше ребенка тискать и улыбаться ему. Именно тогда были изобретены первые рюкзачки для переноски детей, максимально приближающие человеческих детенышей к тому положению, в котором находятся детеныши обезьян.

К сожалению, в левацком угаре цивилизованное человечество об этих опытах полувековой давности подзабыло. Отсюда и ювенальная юстиция с ее холодной идеологией о том, что детей нужно от родителей спасать, хотя даже плохие родители лучше, чем казенная койка в детской тюрьме детдома. Налаженная система отъема детей на Западе — форменное преступление против человечности.

Даже собаки любят, чтобы их гладили. Кошки, как известно, обожают спать в ногах у хозяина, а дети стремятся поутру прибегать к родителям в кровать. Потому что прикосновения и ощущение чужого тепла — важная часть коммуницирования у млекопитающих, наполнения жизни, ее качества. Для нашего же вида, предки которого большую часть детства проводили, вися на матери, это просто необходимо.

Поняв это, проходя мимо жены, непременно хлопните ее по заднице, а в ответ на ее возмущение, объясните, нравоучительно подняв палец:

— Мы теплокровные, нам необходим тактильный контакт!..

Кстати, шлепки по заднице, которые в лево-деградирующем западном обществе считаются насилием над детьми и за которые у вас стопроцентно отнимут ребенка, детям необходимы не меньше, чем обнимашки и поцелуи. Потому что в животном мире уважение одного продуцируется силой другого. Нет ничего хуже разболтанных отпрысков, не уважающих родителей. Там, где ребенка в три года можно спасти шлепком по заднице, в десять лет подзатыльником, а в пятнадцать поркой, в двадцать его не спасет даже тюрьма.

Детский писатель Григорий Остер, остро чувствующий детскую психологию, однажды на мой вопрос, стоит ли шлепать детей, ответил совершенно блистательно:

— Если вы ребенка любите, шлепайте на здоровье!

Помни, товарищ! Круглая детская попа предназначена не только для поцелуев, но и для благоотеческих шлепков!

И последнее в этой части. В 2012 году наши славные, блещущие интеллектом и добротой депутаты приняли так называемый закон Димы Яковлева, который запрещает усыновлять российских детей в американские семьи. В результате часть детей, которые могли бы получить семью, остались на железных койках в казенных приютах. Учитывая все вышеизложенное, степень адекватности и гуманизма нашей Государственной думы предлагаю оценить вам самим.

Часть 5
Homo Economicus

— Папа, а кто такой Карл Маркс?

— Экономист.

— Как наша тетя Рая?

— Нет, сынок. Тетя Рая — старший экономист.

Анекдот времен позднего СССР

Почему невозможен коммунизм?

Потому что мы не муравьи.

Я часто для релаксации душевной (нужно ведь иногда и развлекаться) захаживаю на разные сайты и форумы младокоммунистов, не нюхавших социализм в его реальные онучи, и потому мечтающих о светлой и утопической второй его стадии — коммунизме. То есть о том времени, когда все станут сознательными и начнут работать даром — просто из понимания своей нужности обществу.

Когда начинаешь намекать, что все в этом мире не так просто, как рисуется в юношеских мозгах максималистов, подростки и взрослые дяденьки, не вышедшие из подросткового возраста, начинают вскрикивать звонкими голосами, столь подходящими для распевания песен про прекрасное далеко:

— А вот у себя в семье вы тоже все деньгами меряете? Жене и сыну тоже деньги за работу даете или же просто так, по-человечески?

Иногда выдвигается и другой аргумент:

— У муравьев же получилось! Там каждый работает на все общество! А вы достали уже своей конкуренцией и принципом «Человек человеку волк»!..

«Аргументы» эти столь часто встречаются, что стали едва ли не стандартными в обличениях младокоммунистами мещанско-эгоистической логики людей умудренных, поживших и советские онучи понюхавших. Естественно, у людей зрелых нашлись возражения, достаточные для того, чтобы перекричать звонкий хор, поющий о прекрасном далеко.

Вкратце эти возражения таковы.

Товарищи любители коммунизма, юноши пубертатного периода и приравненные к ним! Действительно, социальная организация муравьев чрезвычайно развита. Все члены общества честно трудятся, никого не выгоняют на работу насильно, под ударами хлыста. Каждый сам стремится с утра выйти потрудиться ради счастья всего муравейника! Но дело в том, что муравьи — это винтики. Они абсолютно одинаковы — как те самые пресловутые винтики сталинской социалистической машины. Если бы люди тоже были одинаковыми и различались только по номерам, мы бы тоже устроили коммунизм. Собственно, и у нас, людей, все попытки построить коммунизм сводились к обезличенности, одинаковости и номерам на груди…

Это объяснение очень хорошее. У него есть только один недостаток — оно неправильное.

Рисунок нашей экономики и всей человеческой цивилизации, включая экономику, определяется характеристиками наших инстинктов, образом жизни наших предков и общим устройством нашего тела. По всем перечисленным параметрам мы от муравьев отличаемся кардинально. И главное отличие состоит вовсе не в том, что люди суть индивидуальности, а муравьи — стандартные роботы, работающие на инстинктах и не имеющие индивидуальных предпочтений.

У левых есть такое ругательство: «зоологический антикоммунизм». Зоологическими коммунистами они называют своих ярых противников. Это считается очень плохо — быть зоологическим антикоммунистом! А я всегда с гордостью говорю: «Я — зоологический антикоммунист!» Потому что мой коммунизм основан на знании человеческой зоологии. Прочтя следующую главу, вы тоже, как и я, станете грамотными людьми.

Глава 1
Пальцы веером

С бритой головою,
В форме полосатой
Коммунизм я строю
Ломом и лопатой.

Олег Григорьев

Муравьи только кажутся нам глупыми и одинаковыми. На самом деле каждый муравей — это личность, о чем прекрасно известно мирмекологам, то есть специалистам по муравьям. Присмотримся к этим созданиям чуть повнимательнее, раз уж речь зашла о коммунизме.

Спят муравьи, поджав лапки, а проснувшись поутру, потягиваются, распрямляя конечности, и зевают — разводят челюсти. После чего отправляются на работу.

Профессию молодые особи выбирают себе по характеру и склонностям. Муравей может стать фуражиром, строителем, мусорщиком, нянькой, разведчиком, пастухом… Дело в том, что муравьи, как и люди, обладают яркой индивидуальностью. Одни трусливые, другие отважные; одни терпеливые, другие взрывные и не терпят монотонной работы; у одних хорошая память, а другие все время что-то забывают; одни ленивые, другие трудолюбивые; одни умные и могут отлично решать трудные задачи, а другие туповаты, но старательны. Самые умные мураши становятся разведчиками или охотниками, кто потупее — рабочими. А муравьи-пенсионеры занимаются тем, что обучают молодежь.

У муравьев есть даже игры. Вот что в книге «Внутривидовые отношения у муравьев» об этом пишет известный мирмеколог, доктор биологических наук А. Захаров:

«Свидетельством высокой психической организации муравьев… являются муравьиные игры. Игры наблюдались целым рядом исследователей. «Муравьи поднимались на задние ноги, ласкали друг друга усиками, начинали примерные сражения и, казалось, играли в прятки» (Huber P., 1810). Форель (Forel, 1874, 1928) наблюдал игры у лугового муравья Formica pratensis. Рабочие муравьи схватывали друг друга лапками или верхними челюстями, катались по земле, потом отпускали друг друга, увлекали один другого во входы своего гнезда и скоро выходили

оттуда снова. Различные авторы описывают игры у Eciton legionis (Бэтс, цит. по Леббоку, 1885), у Formicoxenus (Stager, 1919), у рыжих лесных муравьев (Мариковский, 1962 в; Huxley, 1934).

Нам приходилось неоднократно наблюдать в садках игры муравьев-рабовладельцев F. sanguinea. Обычно события развивались при этом следующим образом. Один из муравьев прибегает в камеру, где находятся несколько других рабочих. Остановившись посредине камеры, муравей поднимается возможно выше на всех шести ногах (как бы становясь на цыпочки) и начинает мелко дрожать. После этого один-два муравья приближаются к нему с раздвинутыми мандибулами и делают несколько угрожающих движений. Далее в игре остаются, как правило, двое. Они начинают бегать друг за другом (инициатор чаще убегает), иногда устраивают короткие схватки. Муравьи старательно возятся, после чего отпускают друг друга и погоня продолжается. После окончания игры партнеры долго чистятся рядом. Во всех наблюдаемых у F. sanguinea играх инициаторами выступали муравьи, занятые вне гнезда. Иногда один и тот же муравей-инициатор поочередно играл с несколькими муравьями. Был отмечен один случай, когда все попытки муравья-инициатора увлечь кого-либо из обитателей садка не увенчались успехом, хотя этот муравей выступал около 5 мин».

Игры и вправду говорят о высокой организации интеллекта. Последний подтверждается разными экспериментами, а также наличием у муравьев развитого языка и математических способностей. Муравьи не только умеют считать до шестидесяти, но и редуцируют информацию, строят умозаключения, а также дают собственные имена (!) объектам. Могут недоверчиво спросить: ну а это-то откуда известно?.. Я уже сказал: из экспериментов. В которых мирмекологами применялась шенноновская теория информации.

Известно, что для передачи двух бит информации нужно вдвое больше времени, чем для передачи одного бита, — от этого и плясали. Ученые строили для муравьев лабиринты таким образом, что расположение в них приманки четко показывало количество бит передаваемой информации, которую муравей-разведчик должен был сообщить рабочим муравьям. А пока муравьи беседовали, ученые меняли лабиринт на точно такой же, чтобы исключить возможный запаховый след. И это еще не все: после передачи информации изымали и муравья-разведчика — так чтобы рабочие муравьи шли только по «словесному» описанию.

Они шли и находили. Причем в полном соответствии с

теорией у муравья-разведчика на передачу десятибитовой информации уходило в пять раз больше времени, чем для передачи двухбитовой. Но были нюансы…

Представьте себе, что вам нужно сообщить своему соседу по лестничной площадке, где вы нашли вкусную каплю сахарного сиропа, чтобы он тоже сходил и покушал.

Капля лежит в лабиринте. И есть два разных варианта расположения в нем драгоценной капли. И соответственно, два варианта объяснения.

Вариант первый: от входа нужно повернуть направо, потом налево, потом направо, снова направо, снова направо, затем налево, направо, налево. Краткая запись: П-Л-П-П-Л-П-Л.

И второй вариант расположения приманки: как войдешь — налево, потом налево, налево, налево, налево, налево, налево. Краткая запись: Л-Л-Л-Л-Л-Л-Л.

Количество информации одинаково в обоих случаях. Но во втором случае ее можно сжать, сказав соседу «все время налево» и тем самым сократив время на нудное перечисление. Именно так и поступят люди. Именно так поступают и муравьи. В случае когда информация может быть подвергнута редукции, она ей и подвергается.

Еще пример. Гребенка — длинный коридор с тупиковыми ответвлениями в одну сторону. Ответвлений шестьдесят. В сорок седьмом тупике от начала лежит капля сиропа. Разведчик, ее нашедший, сообщает информацию рабочим, и команда фуражиров отправляется на дело.

Муравьи обычно считают довольно медленно — вдумчиво. Но на сей раз они ничего не считают, а просто быстро бегут в конец коридора, разворачиваются… и начинают медленно и вдумчиво отсчитывать от конца коридора 13-й тупик. Потому что если от 60 отнять 47, будет 13. Это значит, что разведчик произвел вычисления и облегчил себе и друзьям задачу, сказав не «47-й от начала», а «13-й от конца».

Еще пример. В некоторых тупиках гребенки (допустим, в десятом и тридцатом) приманка появятся гораздо чаще, чем в прочих. Во всех она возникает с вероятностью 1/60, а в десятом и тридцатом с вероятностью 1/3. Муравьи моментально просекают эту фишку! А дальше происходит следующее.

Допустим, разведчик сегодня нашел еду не в 10-м тупике, а в 13-м. Он возвращается к своим и как-то подозрительно быстро передает сообщение. Что-то средуцировал хитрюга!

Фуражиры бегут за добычей. Добегают до десятого поворота и отсчитывают от него три вперед. Это значит, что излюбленный муравьями десятый тупик, в котором еда попада-лась чаще всего,

получил у муравьев собственное название и сообщение выглядело так: «Чуваки! Сегодня жратва в третьем повороте дальше Удачного. Вперед!» (При этом первое слово, как вы догадались, означает «внимание, начало сообщения», а последнее слово — команда на исполнение.)

Представляете, какие умнички?.. И вот такие вот умные создания живут при коммунизме?!. Даже странно. Отчего же им так не повезло?

У муравьев, как мы теперь знаем, есть многое из того, что есть у нас, — сельское хозяйство, игры, скотоводство, строительство, рабовладение, выходные дни (в которые муравьи на работу не выходят) и даже алкоголизм (бывает, спиваются целыми муравейниками, жадно поглощая особые наркотические выделения жука-ломехузы). Но кое-чего у них нет. У них нет экономики, но зато их общество вполне коммунистично. Все у муравьев общее. От работы никто не отлынивает (за исключением законных выходных дней), а распределение благ — по справедливости.

— Почему же им удалось создать коммунистическое государство, а нам нет? — тоскуют коммунисты за рюмкой водки.

А ответ прост: все дело в том, что муравейник — это не государство. Муравейник — это семья. И разница тут принципиальна!

В муравейнике размножается самка-королева. А рабочие муравьи бесполы и не претендуют на то, чтобы передать свои личные гены в будущее. Они своего рода «бабушки», задача которых — заботиться о «детях»: яйцах, личинках, куколках. А почему рабочие о них заботятся? Да потому что все муравьи в одном муравейнике родственники — родные братья и сестры. Соответственно, у них, грубо говоря, один генетический набор. О нем они и пекутся совместно.

И у нас, между прочим, то же самое! Наши бабушки бесплатно заботятся о своих генах, живущих во внуках. Папы и мамы неустанно трудятся для пополнения общего семейного бюджета, не считаясь со временем и затратами, вкладываются в своих детей, причем порой помогают и взрослым детям тоже. У нас в семьях абсолютный коммунизм!

А вот все, кто вне семьи, — это прямые конкуренты в гонке на передачу в будущее своих генов. Будь рабочие муравьи не бесполыми, имей они претензию на самостоятельное размножение… О-о, тогда от хваленого муравьиного коммунизма не осталось бы и следа.

Будь мы с вами в большинстве своем бесполыми, как муравьи, тоже, глядишь, строили бы коммунизмы — в рамках

отдельно взятых муравейников. Но нам коммунизм без надобности: мы гиперсексуальны и моногамны. А произойди мы от промискуитетного вида приматов, сложно даже сказать, возможна ли была бы у нас экономика и в какой форме она могла бы существовать. Есть ощущение, что вещество экономики может состоять только из «двухатомных» молекул моногамной семьи с кружащимися вокруг парного ядра общими электронами детей. Так проще отслеживать свои гены и передавать им наследство — не нужно гадать в большой промискуитетной стае, где чей ребенок и кому передать нажитое непосильным трудом. Впрочем, если кто-то готов накидать модель экономики на основе «многоатомной» семьи, я с удовольствием ознакомлюсь…

В общем, внутри семьи — коммунизм и родственные отношения, основанные на любви, а вне ее — конкуренция. Крутнувшись по диалектической спирали и поднявшись по ней на один пролет, можно проследить ту же самую закономерность уже на уровне фирм. Ведь и здесь мы слышим от коммунистов славословия в адрес плановой экономики и восторги по поводу общественной солидарности, которая выключает соревнование и «позволяет разумно распоряжаться общими ресурсами без ненужной конкуренции».

— Или, вы думаете, при капитализме нет планирования? — Хитро прищурившись, восклицают юные леваки с горячим сердцем, влажными руками и пустой головой. — Фирмы и корпорации тоже внутри себя не могут работать без плана. Так давайте распространим план на все общество, чтобы люди и заводы не грызлись друг с другом, а работали кооперативно. Как клетки в организме! Клетки же не конкурируют между собой.

Да потому клетки в организме и не конкурируют между собой, что у всех клеток — единый генетический набор. Они родственники! Близнецы. Они — это Я-целое. А вот другие клетки, составляющие другие организмы, являются моими прямыми конкурентами за ресурсы и будущее.

И в фирмах то же самое. Фирма — это экономическая семья или экономический организм. Ее задача передать в будущее свои «гены» в виде бренда, то есть в виде своей продукции с лейблом фирмы, и получить за это «пищу» в виде денег. А все остальные фирмы-организмы в экономическом ареале — конкуренты. Между ними происходит естественный отбор. А отмена конкуренции приводит к выключению естественного отбора и деградации. Что мы наблюдали на примере СССР. Этот экономический ублюдок, родившись в муках и едва успев прохаркаться кровью, сделал два-три судорожных вдоха и мгновенно (по меркам истории) откинулся в жутких конвульсиях, распространяя окрест смрад

гниения.

А мы, осторожно обогнув его зловонную тушу, пойдем дальше по нелегкой дороге знаний. Наша задача — углядеть биологию в экономике. А она там везде, и в большом, и в малом. И чтобы в этом убедиться, сначала посмотрим на себя в зеркало, а потом раскинем пальцы веером…

Итак, муравьи, ведущие активную социальную жизнь, денег не изобрели. А вот для социальных приматов идея торгового, то есть взаимовыгодного, обмена — оказалась просто родной, инстинктивной. Мы это прекрасно знаем по своему виду. И мы это имели счастье пронаблюдать экспериментально на примере близких видов, ибо выдающиеся этолого-экономические опыты были поставлены разными группами ученых с разными видами приматов — шимпанзе, мартышками… В ходе экспериментов ученые внедряли в стае обезьян экономику. Какие молодцы!

Например, американцы из Йельского университета ввели в стае шимпанзе деньги и придумали для обезьян работу, которую те могли бы выполнять за эти самые деньги.

Что такое работа? Это малоприятная и трудная деятельность, на которую можно пойти только ради каких-то благ. В данном конкретном случае обезьяны должны были качать тяжелый рычаг с немалым усилием.

А что такое деньги? Да что угодно может быть деньгами! Главное, чтобы они были прочными и ценными. Обезьянам за работу давали разноцветные пластмассовые кружочки. Цвет жетона обозначал номинал монеты.

За красный жетон обезьяны могли, например, купить у людей стакан колы, за белый кружочек — ветку винограда, а синий кружочек по номиналу был вдвое больше белого, что обезьяны также быстро поняли.

Что же случилось со стаей, когда в нее ввели деньги? Нечто необыкновенное и прекрасное! Стая стала обществом. В ней тут же возникло социальное расслоение — трудоголики стали жить хорошо, лентяи превратились в бедняков. Возникли, точнее проявились, свои транжиры и скопидомы, воры и разбойники. Обезьяны были готовы жестко отстаивать свои капиталы перед лицом грабителей, а если кто-то терял бдительность, всегда находились особи, готовые украсть чужие деньги.

Аналогичные опыты с мартышками-капуцинами в джунглях Амазонии привели к аналогичному же результату: обезьянки быстро поняли роль и прелесть этих небольших кружочков. Рыночная экономика заблистала во всей своей красе!

Сначала экспериментаторы продавали обезьянкам яблоки и виноград по одной цене. И заметили, что яблоки спросом не

пользуются. Но когда они снизили цену на яблоки в два раза, ситуация изменилась. Обезьяны сообразили, что выгоднее купить подешевевшие яблоки и таким образом сэкономить. Конечно, яблоко — это вам не виноград, но уж больно цена привлекательная! Вскоре весь запас яблок учеными был распродан.

Самое поразительное, что денежная система обращения быстро переключилась с направления «обезьяны—люди» на «обезьяны—обезьяны». Иными словами, деньги вошли у обезьян в оборот. Самки стали оказывать самцам сексуальные услуги за деньги. Когда ученые впервые увидели, как самец предложил отвергнувшей его самке деньги и она поменяла свое мнение касательно его привлекательности и согласилась, восторгу их не было предела. Я представляю, какие шутки отпускали биологи-мужчины в сторону своих коллег женщин!.. Тем более что дальше была замечена такая тенденция — самцы предпочитали сэкономить на фруктах, чтобы «полакомиться» сексом. А самочки, заработавшие таким образом денежки, покупали на них фрукты, шубы и автомобили…

Вывод? Секс лучше винограда! Но только для самцов…

Жалко только, что у обезьян не было карманов, им некуда было складывать деньги. А значит, одну из своих главных функций — накопления капитала — деньги у обезьян практически не выполняли: много ли за щеку набьешь!.. Думаю, если бы ученые догадались продолжить опыты и раздали обезьянам одежду с прочными карманами, как предтечу первых банков, или просто открыли бы в стае надежный банк, размещая в индивидуальные ячейки обезьян их личные накопления, очеловечивание приматов пошло бы еще быстрее. Тем более что все задатки у них для этого есть. Судите сами…

Зоопсихологи из университета Колумбии решили научить обезьян «играть на бирже». Точнее говоря, делать рискованные ставки. Перед этим в стаю обезьян ввели деньги, а затем обезьяне показывали ненадолго шесть картинок с изображением предметов. Затем картинки убирали и давали задание — показывали восемь новых картинок, среди которых была одна из первых шести. Нужно было ее найти. Интерес обезьяны подогревался возможностью сделать денежную ставку — перед выбором она должна была нажать одну из двух кнопок, обозначающих высокорискованную ставку или низкорискованную.

Если обезьяна делала ставку с высоким риском и угадывала, она получала три монеты. Если же она ошибалась, не получала ничего. А в случае выбора низкой ставки при любом ответе —

правильном и неправильном — обезьяна получала одну монету.

И предъявляемые картинки, и монеты показывались на экране, причем получаемые монеты изображались кружочками в углу экрана, так что все это очень напоминало компьютерную игру. Правда, потом исследователи виртуальный счет в электронном банке «обналичивали», выдавая каждой обезьяне ее деньги кэшем.

Так вот: если, выполняя задание, обезьяна была уверена в своем ответе, она делала высокорискованную ставку. А если сомневалась в себе, делала низкую. И это уже, друзья мои, самая настоящая рефлексия! Анализ своих мыслей!

Кстати, обезьянам очень понравилось работать на компьютере, они старались, думали, морщили лбы, тыкали пальцами в экран, радовались правильным ответам и растущему счету, переживали…

И еще один интересный и очень узнаваемый момент. В одной серии экспериментов обезьянам просто показывали картинки, а за труд по их просмотру вознаграждали соком. Меняя количество сока и тип картинок, ученые выяснили, что за просмотр некоторых изображений обезьянам даже доплачивать не нужно, они бы и сами приплатили! Среди картинок, которые пользовались у обезьян большим успехом и которые они были готовы долго рассматривать даже без всякого вознаграждения, были фотографии доминантных самцов и задняя часть самок. Знаменитости и порнография!

Но стоило начать показывать какую-нибудь скучищу — например, низкоранговых самцов или нейтральные предметы, — обезьяны начинали требовать сока.

О чем говорят эти опыты?

Мы уже знаем, что наше поведение определяется программами поведения. Не всегда человек может определить умом, что его подвигло на то или иное действие — инстинктивная программа или благоприобретенная. Тем более что инстинктивные программы от нашего сознания скрыты и работают непосредственно с телом. А сознанию потом остается лишь гадать, «отчего это я вдруг такое сотворил?» Лишь в простейших случаях можно четко определить, какая программа сработала. Так, например, понятно, что когда человек переходит проезжую часть и машинально смотрит налево (если он при этом не англичанин), то сработала благоприобретенная программа. А если потерял голову от ревности и творит глупости — это против его воли включилась инстинктивная программа. Умом-то человек может понимать: от того, что твоя самка имела случку с другим самцом в презервативе, ни от тебя, ни от нее не убудет. Но

инстинктивная программа протестует очень сильно, хотя и совершенно необоснованно.

Опыты с деньгами показали: в инстинктивных принципах организации коллективной жизни приматов заложено все то, что можно назвать экономическим поведением. Если бы эти коммуникационные программы и способность к компромиссам, обменам и договоренностям не была заложена в нас изначально, еще природой во времена эволюционирования нашего вида, хрен бы у нас была экономика! Как нет ее у муравьев. Которые не менее социальны чем мы, да и умом не обижены.

Оказывается, к интеллекту, как умению запоминать информацию и решать логические задачи, это не имеет никакого отношения. Экономика имеет отношение к потребностям тела. А разум, решая экономические задачи, тело просто обслуживает. Теоретически в экономике можно действовать холодно-логически и совершенно рационально. Но никто не действует, о чем мы еще поговорим чуть позже.

Экономика по сути своей — раздел психологии. Я бы даже сказал, зоопсихологии, учитывая вышеописанные эксперименты. Все нервные скачки рынка есть следствие наших страхов, панических атак, неоправданных надежд, адреналиновых выбросов и просто глупостей, которые мы творим. А иногда холодного расчета. Ведь не всегда же мы творим глупости и совершаем ошибки!

Не всегда. Но в большинстве случаев. Мало кто, играя на рынке, наживает капиталы, как Сорос. Абсолютное большинство проигрывает. От них и текут тонкие ручейки в океан, составляющий миллиарды немногочисленных соросов.

Впрочем, если не брать такую специфическую вещь, как игра на бирже, где большинство проигрывается, а также забыть о людях, охотно несущих свои деньги в финансовые пирамиды разного рода, то в обычной бытовой жизни поведение людей представляется все же ничуть не менее осмысленным, чем поведение шимпанзе, которых научили пользоваться деньгами. Мимо рта люди ложку не проносят, на рынке торгуются, скидки используют. Почему же тогда я сказал о нерациональных экономических действиях? Ах, не торопите меня с ответом! Сказал же — отвечу позже, когда время придет. Вот тогда мы и войдем в сияющие неземным блеском парадные залы глобальной экономики. А сейчас продолжим ознакомительную экскурсию по экономической прихожей…

Разницу в поведении разных видов, которые живут социальной жизнью, узреть на большом масштабе не сложно — муравьи ведут себя так, а люди эдак. Но и в микромасштабе

разница в биологической конструкции дает о себе знать, отражаясь на экономике, теперь уже персональной. Далеко за примерами ходить не буду.

В 2012 году психологический журнал Высшей школы экономики опубликовал любопытный обзор экспериментов, связывающих экономическое преуспевание граждан с их биологическими различиями. А если конкретнее — авторами прослеживалась зависимость между генетикой и успешностью в биржевой деятельности. Зависимость была обнаружена и блестяще подтверждена.

Вот уж воистину: «Биология — это судьба!» Сей лозунг до дрожи ненавидят феминистки и другие левые, но от фундамента никуда не уйдешь, товарищи любители равноправия и прочего социального паразитизма! Вы наивно полагаете, будто мы рождаемся «табула раса» — чистыми листами, и все в нас прописывается воспитанием. Нет! Мы уже рождаемся будущими скрипачами, писателями, математиками, миллионерами, алкоголиками или бездарями. Наша судьба на линиях наших рук прописана меленькими буковками генов. Наши будущие разводы, наша нищета или богатство, тюрьма или кафедра — все вероятности уже заданы, дороги жизни черновым пунктиром прочерчены, болезни заложены… Причем не только генами, доставшимися нам от родителей, но и особенностями протекания беременности у матери (что, в свою очередь, зависит от генов, доставшихся беременной от ее родителей).

Как, например, влияет уровень тестостерона в крови беременной женщины на формирование свойств плода и, соответственно, на его экономическое будущее? И можно ли это проследить, не делая каждому испытуемому генетический скрининг и не ковыряясь в истории беременности матери, которую еще и не найдешь в архивах за давностью лет?

А по фенотипу! То есть по внешним признакам. Фенотип — это наше тело, которое нам выстраивает наш генотип.

Фигурально выражаясь, ген — это острие, основание качелей, на одной стороне которых сидит внутренний признак, а на другой — внешний. Например, ген, отвечающий за то, что хвост у собаки завьется колечком, одновременно отвечает и за ее дружелюбие по отношению к человеку. Так что по внешнему признаку порой можно определить внутренний. (Предлагаю читателю самому поразмыслить на досуге о том, почему ярко выраженные носогубные складки в народе окрестили линиями скорби и отчего раздражительных, недобрых людей называют желчными.)

Известно, что высокий уровень тестостерона в период беременности оказывает влияние на формирование нервной

системы, а также разницу в длине указательного пальца и безымянного. Если у вас безымянный палец длиннее, вы тестостероновый человек. Ярко выраженный самец! Вы хорошо ориентируетесь в картах, логически мыслите, неплохо решаете пространственно-координатные задачи. Если вы женщина и у вас безымянный длиннее указательного, то вы настоящая бой-баба! Скорее всего в детстве вы бегали с мальчишками, лазали по деревьям и с интересом глядели, как папа ремонтирует автомобиль. А вот если наоборот, если у вас безымянный короче указательного, вы — женский типаж. Мягкий, неконфликтный человек, страдающий топографическим кретинизмом. И может быть даже гомосексуальной ориентации, если мужчина.

Люди с более длинным безымянным пальцем больше склонны рисковать, соответственно, они чаще выбирают себе брутальные профессии — военный, пожарный.

Так вот, проведенные исследования показали, что чем меньше отношение длины указательного пальца к длине безымянного (У/Б), тем выше у трейдера успешность в биржевых спекуляциях. Не потому, что он больше склонен к риску, а потому что аналитичнее. Кстати говоря, трейдеров, у которых безымянный палец был бы короче указательного, вообще не оказалось! Среднее У/Б-отношение у всех равнялось 0,96. Причем те, у кого это значение равнялось 0,93, имели доход в 680 тысяч фунтов стерлингов в год, а те, у кого он был выше среднего, зарабатывали не более 300 тысяч фунтов.

Существует также положительная корреляция между отношением длин пальцев у хозяев компаний и величиной их компаний. Чем более «тестостероновый» человек, тем больше вероятность, что он является владельцем крупной компании.

Биология — это судьба!

Люди с низким соотношением У/Б (высокий тестостерон) лучше постигают точные дисциплины, тяготеют к занятиям спортом. Это касается и женщин. Если у нее хорошие отметки по физике, если она любит спорт, скорее всего у нее низкая цифра У/Б. Этакая тестостероновая женщина. Мужик в юбке.

Психологические эксперименты в лаборатории подтвердили: люди с разным У/Б-соотношением ведут себя по-разному, обнаруживая устойчивую корреляцию между уровнем тестостерона и поведением игрока во время решения задачи. Приведу пару примеров из вышеуказанного обзора ВШЭ.

Вот игра с условным названием «Ультиматум». Одному игроку — назовем его Филипп Филиппович — дают некую сумму и предлагают поделиться с игроком по имени, допустим, Полиграф Полиграфович. При этом Полиграф Полиграфович

знает, сколько получил Филипп Филиппович на халяву. И он может принять подарок от Филиппа Филипповича, а может отказаться. Если откажется, Филипп Филиппович тоже лишается денег.

Казалось бы, сколько ни дай Полиграфу — все равно хорошо! Не имел Полиграф ни рубля, а тут целый трояк! Математически выверенная стратегия поведения требует, чтобы Полиграф соглашался на любую даримую сумму, потому что всякое положительное число все равно больше нуля!

Но люди не роботы. У них понимание имеется! И понимание Полиграфа Полиграфовича таково: «Этот Филипп Филиппович на халяву, редиска такая, получил 40 рублей, а мне какой-то трояк или пятеру сует! А где справедливость? Справедливость где, я вас спрашиваю?!.»

И Полиграф Полиграфович гордо отказывается от пяти рублев, лишь бы наказать Филипп Филиппыча на сороковник.

Пусть я окривею на один глаз, лишь бы сосед ослеп!

Так нерационально, на зато от души действуют все люди. Эксперименты показывают, что суммы менее 20% от той, которую экспериментаторы вручили первому игроку, вторым зачастую гордо отвергаются. Ни себе ни людям!

Любопытно тут вот что — люди с низким У/Б-соотношением, то есть более аналитичные, чаще принимают мудрые решения, то есть, по терминологии экспериментаторов, соглашаются с «несправедливым» распределением, понимая: иметь трояк лучше, чем не иметь десятку.

А еще любопытнее, что статистику принятия решений, и без того замешанную на чувстве (т.н. справедливости), можно легко поколебать эмоциональной помехой — например, решения, принятые в сексуальном контексте (если испытуемым перед дележкой денег показывают сексуальные картинки), отличаются от решений контрольной группы, которой перед дележкой денег показывали нейтральные картинки природы.

Экономика оказывается очень животной!..

Глава 2
Биохимия экономики

Также любят они соседа и жмутся к нему, ибо им необходимо тепло.

Ницше Ф. Так говорил Заратустра

Как правило, люди отвечают добром на добро и испытывают непроизвольную симпатию к тем, кто относится к ним хорошо. Это естественное чувство симпатии отражением вспыхивает в вашей душе, когда кто-то протягивает вам, сидящему на паперти, то, в чем вы сильно нуждаетесь.

Я вот так, навскидку, могу вспомнить только одного человека, психопатологической душе которого чувство благодарности было совершенно несвойственно. Этот человек — Сталин. По воспоминаниями сталинского секретаря, незадолго до своего расстрела Зиновьев, чувствовавший, что над ним сгущаются тучи, спросил Кобу, знает ли он, что такое «благодарность». Дело в том, что Зиновьев и Каменев однажды спасли Сталина в критической ситуации. И Сталин им этого «не добра забыл», отправив позже на расстрел обоих. А тогда на вопрос своего партийного товарища Коба ответил, вынув трубку:

— Знаю, конечно. Благодарность — это такое собачье чувство.

Что было не так с товарищем Сталиным?

Товарищ Сталин был уродом, в его больном организме имелись большие проблемы с производством окситоцина. Того самого окситоцина, который мы проходили в главе про химию любви. Он, если помните, отвечает за моногамную привязанность. А еще окситоцин отвечает за коммуникабельность, коллективные взаимодействия, взаимопонимание. Люди, которые способны вырабатывать окситоцин в больших количествах, имеют больше контактов, их браки крепче, они редко разводятся и дольше живут.

Читатель может спросить, почему это и за социальность, и за половую любовь отвечает одно и то же вещество.

Хм… А еще окситоцин отвечает за выделение грудного молока у беременных, помогая ему продвигаться через субареолярные протоки к соскам. А еще за сокращения мускулатуры матки у беременных… Ничего удивительного!

Природа строит из тех кирпичей, что у нее есть. И в этом она напоминает хорошего конструктора. Знаете, как начинает проект нового изделия конструктор, получив техзадание? Он берет старое изделие как базу и начинает постепенно менять параметры и узлы в соответствии с техзаданием. И получается совсем новое изделие.

Нельзя же каждый раз начинать с Большого взрыва!

Вот есть у тебя четыре конечности для перемещения в пространстве, нагрузи их новой функцией — например, срывать плоды, или придерживать пищу при поедании, или обтесывать каменные наконечники.

Есть химический анализатор во рту? Пусть модулирует звуковую волну при передаче информации.

Есть плавники? Из них сделаем ноги! А из чего же еще?

Есть окситоцин для внутренней регуляции и половой любви, дадим ему еще и общественную нагрузку! Пусть не только свою самку, но и других людей любит!

— А зачем любить людей, товарищ Христос?

— Хороший вопрос, товарищ Сталин!

Речь идет не столько о любви, сколько об эмпатии, то есть сочувствии. Не столько о том, чтобы сделать кому-то хорошо, сколько о том, чтобы не делать плохо. Потому что когда другому плохо, нам тоже делается нехорошо. Это нормальная реакция. Видеть чужие слезы невыносимо! Когда особо чувствительная половинка нашего вида — женщины — видят на экране плачущего героя, у них тоже непроизвольно начинается выделение слезной жидкости. Жалко им героя! А почему? Они что, не понимают, что это все невзаправду? Что это лишь светотени на белом полотне?

Разум-то понимает. Но не разум отвечает за физиологические реакции. Слезы включает инстинкт. А он слов и логических доводов не воспринимает. Тело просто принимает сигнал — «кому-то плохо» — и отражает его.

Зачем?

Почему мы автоматически сочувствуем другим людям, и не только даже людям, но часто и существам другого вида? Почему по выражению мордочки другой особи мы четко улавливаем эмоцию? Вы когда-нибудь видели, как собаки улыбаются?..

Собственно говоря, мимические реакции, которые формируются маленькими мышцами лица, только для того и существуют, чтобы передавать другим особям сигналы о нашем эмоциональном состоянии. Определение эмоций очень важно для коммуницирования, для построения отношений, для связи отдельных особей в единое надцелое — стаю, общество,

социальный организм.

Это настолько необходимо, что в мозгу появился даже целый отдел, который специализируется на распознавании лиц и только лиц. По всей видимости, он есть не только у нас, а, видимо, у всех стадных животных. У человека этим занимается особая зона на веретеновидной извилине (fusiform gyrus).

В 2013 году биологи из Университета Хельсинки анализировали восприятие лиц и морд собаками. Выяснилось, что собаки воспринимают лица в точности как люди. Если человеку показать на фото лицо другого человека, он сразу смотрит в глаза, анализируя — знакомый это или незнакомый, в каком эмоциональном состоянии находится. А если предъявить то же лицо перевернутым, то есть в таком положении, при котором лица в природе не встречаются, человек начинает осмотр фото как любого другого предмета — просто сканируя его глазами.

Так же поступают и собаки. При предъявлении фотографий человеческих лиц и собачьих морд в нормальном положении псы сразу начинают смотреть в глаза, стараясь узнать, а кто это изображен: уж не любимый ли хозяин — и в каком состоянии. Если же фото перевернуть, собака начинает рассматривать его как обычный предмет — сканируя глазами изображение.

Подойдите к ребенку и улыбнитесь. Он непроизвольно улыбнется в ответ. Глядя ему в глаза, начните медленно корчить рожи, вытягивая лицо, складывая губы трубочкой, поднимая или опуская брови. Лицо ребенка непроизвольно начнет повторять ваши гримасы. Дети в этом смысле — сущий клад. Они отражают превосходно!

Без взаимопонимания нет коммуникации, без коммуникации нет экономики. А биохимическая основа коммуникации — тот самый окситоцин. Центр нейроэкономических (название-то какое!) исследований в Калифорнии провел серию экспериментов по влиянию указанного гормона на экономическое поведение людей.

Эксперименты заключались в получении и передаче денег на определенных условиях. При этом у испытуемых все время брали кровь из вены для замера уровня окситоцина и еще десятка гормонов, но при денежных обменах значимые всплески давал только окситоцин.

Опыт представлял собой аттракцион неслыханной щедрости, в котором участвовали пары людей и суммы от 10 до 1000 долларов. Человеку давались деньги и предлагалось отдать все, или часть, или ничего другому человеку — с условием, что у того на счету сумма утроится. То есть если вам подарили 100 долларов и вы 50 отдали второму участнику эксперимента, у него

на счету возникнет 150$. Учитывая, что он также получил перед началом игры стольник, у него на счету теперь лежало 250$. Приятно!

Теперь и второй участник мог, если хотел, что-то пожертвовать первому. Правда, он при этом уже только терял. Тем не менее, 95% людей отвечали щедростью на щедрость. А биохимически это выглядело так: при получении человеком денег его охватывала радость, а уровень выделяемого окситоцина был прямо пропорционален полученной сумме. Равно как и деньги, выделяемые им в обратку, напрямую зависели от уровня этого гормона. Отражение… Причем, что интересно, назальное (через нос) введение окситоцина в организм в этом эксперименте повысило «деньгоотдачу» — люди стали жертвовать партнеру больше.

Взаимовыгодный обмен вшит в нашу биологию. Ты мне — я тебе. А если в дом приходят комиссары в пыльных шлемах и требуют зерно на нужды мирового коммунизма, окситоцин отчего-то не вырабатывается. И даже напротив — зашкаливает адреналин. Хочется распороть коммунячье брюхо и набить зерном. Как порой и поступали с продотрядовцами сострадательные русские крестьяне.

Кстати, о сострадании… За него тоже отвечает окситоцин, потому что он отвечает за эмоциональное отзеркаливание. Если людям показать душещипательный ролик, как это делали в вышеуказанной лаборатории, хищно подкрадываясь к ним со шприцом для забора крови, то анализ этой крови также покажет повышенный уровень окситоцина. Причем чем сострадательнее человек, тем больше вещества он нарабатывает.

Эмпатия, то бишь сочувственное взаимопонимание, есть основной каркас той естественной, инстинктивной животной морали, на которой потом строятся общество и экономика.

Впрочем, мы знаем, что общество строится не только на любви, но и на ненависти. Люди не только любят и милосердствуют, но и убивают и жадничают. Это второй контур, на котором строятся отношения. Химически он выглядит как главный половой гормон — тестостерон, который является антагонистом окситоцина. Где-то рядом с ним выстраивает свои закономерности адреналин — гормон стресса.

Те же исследователи проводили эксперименты с введением тестостерона в кровь испытуемых. И тогда в результатах заметно росли эгоистические показатели и снижались кооперативные. Больше тестостерона — больше агрессии и меньше сочувствия. Здесь прямая зависимость.

А вот адреналин дал нелинейную зависимость. При

небольшом выбросе адреналина, то есть при слабом или среднем стрессе, одновременно растет и уровень окситоцина, что понятно: порой опасность легче преодолевать сообща, кооперативно взаимодействуя и понимая друг друга, — зря, что ли, мы стадные животные?!. Кроме того, стресс может быть вызван чужими слезами — значит, плачущему нужно помочь, а для этого посочувствовать, иначе внутреннего побуждения помогать не будет. С другой стороны, помочь можно, только если есть ресурсы для помощи. Однако ресурсов может не быть, а ситуация настолько опасна и тяжела, что тут уже не до помощи — самому бы спастись. Поэтому при сильном уровне стресса и мощном адреналиновом залпе окситоцин вырабатываться перестает. Тут уже взаимопонимание и сочувствие ни к чему, поскольку включается режим индивидуального спасения, когда на всех остальных плевать.

Это, кстати, общесистемная вещь. При низких кризисных уровнях в системе происходит сплочение элементов. При высоком — система разваливается на составляющие. Посмотрев по эволюционной лестнице налево и вниз, мы увидим, например, камень, который какое-то время сопротивляется давлению всеми атомами своей кристаллической решетки, сцепленными друг с другом, а потом разлетается на осколки… Посмотрев вдоль эволюционной траектории направо и вверх, мы увидим общества — социальные организмы. В которых кризис, будь то война или внутренние неурядицы, сначала вызывают сплочение и желание противостоять агрессивному фактору, а потом — государственную дезинтеграфию, потерю суверенитета и распад на осколки.

И мы, как скопище клеток, стоящее посредине между камнем и цивилизацией, не исключение. Легкий стресс встряхивает организм и закаляет его, тяжелый убивает. Легкий голод мобилизует и координирует работу органов, нормализуя обмен веществ и оздоровляя организм в целом. Катастрофический голод приводит к тому, что органы внутри организма начинают конкурировать другом с другом за малую толику энергии.

Зато в обычной штатной обстановке, если ресурсов хватает себе и семье, мы готовы пожертвовать и в пользу посторонних. Мы любим и кормим собаку, а будет голод — сожрем.

Так работает наша внутренняя биохимия. И основанная на ней экономика, как способ жизни цивилизации. Читателю уже известно, что по мере роста комфорта, уровня технологий, повышения безопасности жизни и уплотнения населения мы все больше и больше становились окситоциновой цивилизацией, а не тестостероновой. Отсюда и половая конвергенция — обабливание

мужчин и омужичивание женщин. Жаль только, что с потерей «тестостероновости» наша цивилизация теряет хватку и сметку, которые находятся в прямой от тестостерона зависимости.

Макроскопические исследования все сказанное выше об «окситоциновости» и «тестостероновости» подтверждают. Чем выше уровень цивилизации, тем она гуманнее и тем хуже воюет. Если мерять развитость страны уровнем ее ВВП на душу населения (а чем же еще?), мы увидим, что бедные страны имеют низкий уровень взаимопонимания и доверия людей друг к другу, а богатые — высокий уровень.

Исследования, проведенные немецкими экономистами из Института экономики труда, показали: наиболее кооперативное население живет в странах Скандинавии. В Норвегии, например, 68% жителей доверяют друг другу. Ну а страны «третьего мира», типа Тринидада, — крайне низкий (3,8%). Россия же, которая менее богата, чем Норвегия, и более развита, чем Тринидад, со своими 28% уровня доверия болтается где-то посередине. Таким образом, окситоционовая карта мира полностью совпадает с картой экономического развития. Даже внутри одной страны уровень доверия находится в прямой зависимости от экономического развития региона. Так, на промышленно развитом севере Италии уровень доверия составляет 49%, а на солнечном, но бедном юге — 26%.

Кстати, о солнце… Уровень инсоляции, оказывается, тоже влияет на экономику через нашу животность. Есть такой способ продаж — на доверии. Утром ставится в офисе корзина с крендельками, а рядом коробка с прорезью для денег и ценник. Люди сами берут кренделькиа и сами бросают в коробку деньги. Экономия на целом продавце!

Разумеется, в условиях, когда никто не следит, некоторые граждане «забывают» кинуть в ящик монетку за крендель. Но в основном оплачиваемость колеблется в районе 75-90%. Хороший результат. Колебания же зависят от разных причин — величины офиса, например, или наличия праздников. А также от погоды. В солнечные дни люди гораздо честнее, чем в пасмурные. Вот такая мы животная скотинка — реагируем на солнышко непосредственно своим настроением, которое задается биохимически, под влиянием электромагнитного излучения видимого диапазона, и влияет на экономические процессы.

И не только на экономические! Например, «окситоциновые наркоманы» — болельщики футбольных команд или патриоты, — сбиваясь в кучи и объединяясь против других, восполняют таким образом недостаток в чувстве единения, ощущении своей принадлежности к великой стае. Люди вообще любят любить друг

друга, и каждый достигает это своим способом — болельщики орут кричалки, размахивая флагами; кто-то идет пить в бар, хотя на собственной кухне пить дешевле, а кто-то сидит ночами в фейсбуке и твиттере (экспериментально доказано, что даже интернет-общение стимулирует выработку окситоцина, потому что инстинкт не отличает виртуальность от реальности).

Что же делать тем, кто слаб в общении, у кого организм вырабатывает мало окситоцина? Да то же самое, что людям слабым и потому не могущим поднять большую тяжесть, — поднимать тяжести! То же самое, что людям, не разбирающимся в винах, — пить вина!

То есть тренироваться.

Например, много и тесно общаться через не могу. Осуществлять тактильные контакты и делать добро другим людям. Потому что мы любим тех, кому сделали добро. А люди отвечают нам тем же. Так запускается положительная обратная связь по производству окситоцина. Наслаждайтесь!

Глава 3
Квантовая экономика

Отметим, что проигрыш 100 тысяч долларов по своей психологической «стоимости» много больше, чем выигрыш этой же суммы… Этот чисто психологический момент должен лечь в основу проводимых математических вычислений.

В. П. Маслов

— Перед покупателем нельзя выкладывать слишком большой выбор новинок в любимой им серии книг, — поделилась со мной как-то наблюдениями знакомая издательница. — Даже если человек ждет новинки в этой серии, большой выбор может привести его в состояние ступора. Вот новая книга, и вот новая книга, и вот новая книга, и вот новая, и еще одна новая… Что же купить? Когда все это читать? «А-а! — машет человек рукой. — Ничего покупать не буду».

Такое поведение может показаться нелогичным, но оно нередко встречается. Мы существа противоречивые!..

Раньше экономисты думали, что в экономике строго рационально действуют кристально прагматичные, всезнающие индивиды, и выстраивали на основе данного предположения свою науку. Это напоминало модель идеального газа у физиков. Но мы-то теперь знаем, что ничего идеального нет, а мир — сплошное скопище недостатков.

Недостатки в металлах, например, называются дефектами кристаллической структуры и дислокациями. Они и обеспечивают необходимую нам пластичность металлов… Ошибки в репликации ДНК называют мутациями, они обеспечивают эволюционную изменчивость… В экономике аналогичная байда. Неидеальность людей как раз и есть те «дислокации», которые обеспечивают экономическую пластичность. Понимание этого пришло в экономику относительно недавно, сильно сдружило экономику с психологией и положило начало изучению нерациональности людей в экономической действительности.

Но наши недостатки, то есть несоответствие живого человека его идеальному экономическому образу, скорее напоминающему рационального робота, это всего лишь следствие нашего

биологического конструкта. Мы разные, все со своими тараканами, причудами, способностями. Мы порой ведем себя внерационально, нелогично — примеры приводились ранее: вспомните поведение собаки Шарикова и профессора Преображенского в психолого-экономических экспериментах с сорока рублями.

С человеком абсолютно рациональным удобно иметь дело, математика даст ясные предсказания его поведения. Но вот у самого человека в голове математики нет, а есть инстинкты того зверя, от которого он произошел. И которые, как корни, питают все дерево цивилизации. Жизнь этого дерева, движение соков в его стволе называется экономикой.

Еще полвека назад экономика была похожа на классическую ньютоновскую физику, в которой действовали строгие законы и весь мир в теории можно было просчитать и назад — в прошлое, и вперед — в будущее, если бы нам были известны на какой-то момент все массы и скорости всех частиц. Частицы эти с точки зрения классической физики представляли собой абсолютно упругие математические точки. Каждая имела свои скалярные и векторные характеристики (масса, скорость) и передвигалась по определенной траектории.

Классический мир механистичен и фатален — поскольку в нем действуют жесткие физические законы, избежать предсказанных событий невозможно: законы приведут все твердые частички туда, куда велят формулы в соответствии с заданными начальными импульсами.

В начале XX века классическая физика начала испытывать некоторые трудности, а потом и вовсе заболела. Оказалось, беременна! Новорожденное чадо выглядело очень странно, но физикам пришлось привыкать: как-никак родное.

Все оказалось очень относительно! И весьма неопределенно! Выяснилось, что ничего с точностью предсказать нельзя. И не потому, что мы еще чего-то не знаем о мире, а потому, что мир «нечеток», он принципиально вероятностен! Частица в нем не занимает какого-то определенного положения, а значит, нет смысла говорить о траекториях. У частицы также нет определенных характеристик, вернее, они появляются только в момент замера.

Вот такой он странный, этот квантовый мир.

Как было хорошо раньше! Мир был твердым, конкретным и предсказуемым. Формулы все описывали вполне определенно. А теперь формулы выдавали вместо конкретного ответа только вероятность его получения. То есть с такой-то вероятностью электрон окажется тут. А с такой-то — вот здесь. Словно он имел

свободу выбора! Это позже привело даже к спекуляциям на тему: а не имеет ли электрон действительно какого-то элементарного сознания?

Состояние системы (частицы) описывалось так называемой волновой функцией. И согласно этой формуле, до проведения измерения частица одновременно могла находиться в разных местах, причем в довольно большой области пространства. Условно говоря, с вероятностью 50% слева от наблюдателя и с такой же вероятностью справа от него. И только опыт, то есть проведенный замер, давал конкретный результат — частица оказывалась либо слева, либо справа.

Это мгновенное схлопывание частицы из виртуального облака в материальную точку назвали редукцией, или коллапсом волновой функции.

Получалось странно — словно частицы в микромире сами «не знали», где они находятся и в каком состоянии. Положение можно было узнать, только «задав вопрос», то есть проведя эксперимент. Внутренне физики долго не могли с этим согласиться и спорили, действительно ли у частицы нет никаких определенных характеристик, пока мы не провели опыт, или же они есть, но просто нам неизвестны. Вся прежняя история науки говорила за второй вариант. Но верным оказался первый, каким бы абсурдным он ни казался: пока не задан вопрос, пока не произведено измерение, частица находится везде и нигде конкретно — в так называемой суперпозиции.

Этот факт ввел в физику проблему сознания, мощно двинув ее в сторону философии.

— А при чем тут сознание? — спросит внимательный читатель.

А при том, что физическая установка, производящая замер, тоже состоит из микрочастиц. То есть ее состояние можно описать той же волновой функцией, включив в описываемую систему установку. Но человек тоже состоит из частиц. Световая волна попадает ему в глаз, затем в виде электросигнала бежит по зрительному нерву, возбуждает каскады биохимических реакций в зрительном отделе. И все это можно включить в математическое описание физической системы, в волновую функцию, в которой теперь будет и установка в двух состояниях (показывает, что частица слева, и показывает, что частица справа), и физический наблюдатель в двух состояниях (видит, что частица справа, и видит, что она слева). Волновая функция с ее двойственностью пока сохраняется неизменной. Ее коллапс происходит только в тот момент, когда сознание делает выбор — слева частица или справа. Вот тогда мир становится конкретным и классическим.

Решение принято!

Но сознание не есть материя, хотя на материи и базируется. Оно идеально. Материалистической философии это было давно известно, и все получившие высшее и даже среднее образование в советских вузах и школах это проходили на уроках истмата и обществоведения. Таким бразом, идеальное, выйдя из мрачной комнаты философии, постучалось в светлый зал физики.

А биологи, наверное, хихикали, наблюдая за этим, поскольку понимали, что наше сознание, каким бы идеальным его ни представляли философы, весьма животно. Потому что базируется на грубой обезьяньей материи. Оно формируется потребностями вида и способами его отражения реальности. Для нас, например, главное — зрение; обоняние же не несет такой важной нагрузки, как для собак. Это очень важно отметить, поскольку сознание формируется ощущениями. Будь мы дельфинами, у которых есть акустическое зрение, мы воспринимали бы окружающий мир совершенно по-другому. Другим сознанием.

Впрочем, отвлекаться на философско-биологические мудрствования не станем, а просто констатируем: переход от классической определенной физики к физике квантовой и неопределенной дался физикам нелегко. Потребовалась смена поколений для привыкания.

Нечто подобное случилось и в экономике, только позже. Не так давно экономика из классической стала превращаться в неклассическую. Если раньше экономическими атомами были, как я уже писал, рациональные частицы — идеализированные люди, обладающие всей полнотой информации о товаре и стремящиеся к максимизации прибыли, — то последние десятилетия основательно расшатали эту веру.

Эйнштейном от экономики выступил психолог и математик по образованию Даниел Канеман, который в семидесятые годы прошлого века провел серию экспериментов, послуживших для экономики аналогом экспериментов по фотоэффекту в физике, за которые Эйнштейн в свое время получил Нобелевскую премию. Канеман тоже ее получил.

Эксперименты Канемана показали, что «частицы экономики», ранее считавшиеся «чисто конкретными», оказались весьма «размазанными». Их действия математической логике не поддавались. А поддавались логике обезьяньей, точнее — животной. Например, один и тот же предмет с одинаковой стоимостью, выраженной в долларах, люди субъективно оценивали по-разному: дешевле, если предмет им дарили, и дороже, если приходилось отрывать его от себя и дарить кому-то. Поэтому, продавая свою вещь, люди часто выставляют на первых

порах цену, явно завышенную, нерыночную, потому что они любят свою вещь и к ней привыкли.

Если опять-таки речь шла об одинаковой сумме, люди больше боялись потерять ее, чем приобрести такую же сумму, рискнув. Отсюда, кстати, и пословицы типа «от добра добра не ищут» и «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Скорее всего, это лишь следствие общефизических законов сохранения на психологическом уровне. Зверь консервативен. Сегодня выжил, и слава богу. Поэтому он ценит то, что имеет, больше, чем то, что может получить.

Короче говоря, показав в серии экспериментов «неправильность» человеческих решений и экономических оценок, Канеман начал описывать это математически. Результатом и стала та самая нобелевка, приняв решение о вручении которой, Нобелевский комитет констатировал: Канеман «с достаточным основанием поставил под вопрос практическую ценность фундаментальных постулатов экономической теории».

Выяснилось, что люди порой принимают решения «неклассически», базируясь на информации посторонней, не имеющей никакого отношения к чисто экономическому процессу. И поскольку мозг — это «аналитическая железа» для поиска закономерностей, люди довольно часто склонны находить закономерности даже там, где их нет. И, руководствуясь этим, действуют.

Эмоциональных помех в принятии экономических решений оказалось так много, что коллега Канемана, экономист Вашингтонского университета Дэвид Левин, сказал: «Кажется, рациональный homo economicus умер печальной смертью, а экономика перешла к признанию имманентной иррациональности человеческого рода».

В качестве примера такой животной иррациональности Канеман приводил следующий пример: если вам нужно, чтобы в ящик для сбора благотворительных пожертвований люди бросали больше монет, повесьте над ящиком плакат с лицом человека, который смотрит прямо на потенциального жертвователя. Эти надзирающие глаза повысят собираемость. Почему?

Потому что человек ведет себя более нормативно, то есть в соответствии со стадными представлениями о правильности, когда за ним наблюдают. В данном случае наблюдение фиктивно, но подсознанием чужой взгляд отмечается. И если критичность сознаниия, которое может снивелировать магическое действие плакатных глаз, отвлечь чтением какого-нибудь текста, это будет только на пользу собираемости. А в классической экономической теории наполняемость ящика должна меняться не от вида

картинки перед ящиком, а, например, от размера запрашиваемой суммы или цели сбора.

Собственно говоря, подобными приемами уже давно на практике пользовались рекламщики, но для серьезной экономики подобные кунштюки были в новинку. Пришлось углубляться в психологию того зверя, от которого мы произошли. И думать: отчего рекламщики тратятся на имиджевую рекламу бренда, за которой порой не стоит никакой конкретный товар, а лишь группа товаров или услуг? А для того, чтобы в магазине товар с этим брендом выглядел знакомым. Потому что в животном мире знакомый, который не сожрал тебя, не укусил и не ужалил, нестрашный. То есть безопасный. Привычный. Такой, которому можно доверять[7].

Еще одним примером, который приводил Канеман, говоря о способах управления людьми, был пример со страхом смерти. Если людям напомнить о том, что они смертны, они становятся более послушными. Недаром все религии эксплуатируют именно страх смерти, обещая за хорошее поведение тут вечную жизнь там. И одной из главных религий, которая постоянно демонстрирует своим клиентам символ смерти, да еще мучительной, является христианство. С точки зрения возможности зомбирования толпы это очень правильно — держать в страхе, пугать трупом и называть рабами.

Решения человек принимает, руководствуясь параллельно двумя системами — разумом, живущим на высшем этаже мозга, и инстинктами, обитающими в темных подвальных глубинах. И не всегда можно сказать, какая система приняла то или иное решение. Решение человек может принять разумом, проведя на бумажке подсчеты выгодности, а может эмоционально, а разум уже постфактум придумает объяснение тому, что решило тело.

За большинство людей в большинстве жизненных ситуаций решение принимает тело, а разум только машет рукой и говорит: «Ну ладно!» И заметает следы каким-нибудь объяснением.

«Ладно, с понедельника начнем!» — говорит разум телу, понимая, что зарядка — залог здоровья.

«Ну, сегодня праздник, — говорит в наступивший понедельник кто-то внутри человека. — А завтра с похмелья будет трудно. Начнем со следующего понедельника».

Кто это сказал? Это разум проштамповал своей печатью решение, принятое телом.

То же самое касается и решения умственных задач. Человек к ним не очень склонен. Дети не любят ходить в школу и напрягать мозг, потому что, как мы знаем, процесс мышления чрезвычайно энергозатратен, отнимает до четверти ресурсов, и потому тело

неохотно идет на такое роскошество, приберегая силы на сон.

Отмечая нашу животную любовь к окситоцину и коммуникации, Канеман в интервью одному немецкому журналу как-то сказал, что 80% вкладчиков пользуются услугами брокеров и финансовых аналитиков, чтобы играть на фондовом рынке. И не преуспевают! А вот 20% тупо вкладывают деньги в паевые фонды «с постоянным биржевым индексом без всякого вмешательства даровитых финансовых аналитиков.» И оказываются в выигрыше — хотя бы за счет того, что не платят аналитикам. Однако инстинктивно люди тянутся к общению, любят слушать других людей и даже не затрудняются снимать с ушей лапшу.

Кроме того, люди порой выносят важные решения под влиянием случайных помех. И при одних и тех же начальных данных могут вынести совершенно разные решения просто оттого, что рядом птичка пролетела или из-за тучи вышло солнышко.

Неожиданно выяснилось, что люди, оказывается, вовсе не заточены зарабатывать все больше и больше, исходя из постулата «чем больше денег, тем лучше». Замеры счастья и удовлетворенности жизнью показали, что счастье зависит от денег только в области от нищенского нуля до некоторого значения, разного в разных странах и зависящего от уровня жизни в стране. Дальнейший рост доходов уже не влияет на ощущение счастья, происходит физиологическое насыщение. Просто потому, что человек не может вырабатывать эндогенных наркотиков больше, чем способен его организм. А деньги просто выводят его в режим «максимально-оптимального» функционирования.

Короче говоря, возникновение и бурный рост подобного рода психологических исследований в экономике привели экономистов к пониманию: черт подери, люди из-за своего несовершенства часто действуют вопреки своим интересам! И приведенный выше пример с неделанием зарядки в очередной понедельник — лишь малая крошечка того, как губят себя люди! Они вредят своему здоровью, принимая наркотики, хотя это совсем нерационально, так как, будучи в здоровом состоянии, они прожили бы дольше и заработали больше денег! Они вредят своему здоровью, кушая жирное, соленое, копченое, острое, сладкое. Хотя, если бы воздержались от всего этого, опять-таки прожили бы на 7–10 лет дольше и, значит, заработали бы больше бабла!

Люди несут свои деньги в финансовые пирамиды. Люди проигрываются в казино и на скачках. Люди покупают лотерейные билеты, пытаясь бессмысленными тратами поправить свое бедственное положение. Люди совершают ненужные покупки. Люди влезают в кредиты, которые потом отдать не

могут. Это все — нерационально! А рационально только ходить на работу и зарабатывать очки в виде денег. Кто больше в течение жизни насобирал, тот победитель! А эти животные только и знают, что себе вредить!

Давайте их принуждать!..

Мы им запретим получать удовольствие от наркотиков. Мы их отучим курить. Мы запретим сливочное масло, потом что в нем холестерин. Мы под дулом пистолета будем выгонять их промозглым утром на зарядку. Мы отнимем у них детей, потому что всю работу должны делать специалисты, а не дилетанты, в том числе и работу по воспитанию… Мы сделаем этих тварей счастливыми! Ну или хотя бы правильными.

Вот только правильными в соответствии с пониманием кого? А судьи кто? И можно ли доверять этим пастырям, ведь они обладают всеми теми же недостатками, которыми обладает и заботливо опекаемое ими стадо.

Государства, в особенности с левым уклоном, всегда любили порулить гражданами — ради их блага, разумеется! И появление в экономике новых неклассических веяний как бы дало левым либералам в руки научное объяснение: «Смотрите, люди, оказывается, сами не знают, чего хотят, действуют во вред себе! Они как дети! Ну мы им щас поможем».

А для этого давайте так настроим экономику, чтобы люди меньше вредного делали и больше полезного! Полезные отруби ели вместо вкусной колбасы! Можно еще поднять акцизы на «вредные» товары. Или что-нибудь запретить. Наказать. Оштрафовать.

Однако попытка поуправлять экономикой всегда приводит к одному — ее стагнации, или схлопыванию.

Экономика животна и потому жива. Она такова, каковы ее «атомы». Эти атомы имеют свободу воли, а иногда даже кажется, что и сознание! Они ведут себя неправильно и порой непредсказуемо. То есть вероятностно мы еще можем чего-то предсказать, но где, в какой экономической ситуации окажется частица в такой-то момент, мы не знаем. И узнать это можем только после «замера». Вот купил человек вещь — произошла редукция «экономической функции». А до того как он не отдал деньги и напряженно размышляет, стоя у прилавка, вся экономика, замерев в ожидании, находится в суперпозиции.

Если мы начнем сжимать экономику директивно, подталкивая решение человека, фатализируя его, мы эту самую экономику заузим. Или схлопнем, как схлопнулась экономика СССР, которую всю сплошь пытались сделать детерминированной, предопределенной, просчитанной. Фатальной. Каковой она и

оказалась.

Да, люди порой действуют во вред себе. Но кто определяет пользу? И почему одни должны определять, что делать другим? Разве они сами без греха?.. Не все, однако, это понимают даже среди экономических «теоретиков подталкивания»! В постклассическую экономику, которая пытается разобраться с «неправильными» людьми, двумя экономистами (фон Венсакер и Роберт Поллак) были даже введены такие термины как «эндогенные предпочтения» человека и «экзогенные». Эндогенные — это предпочтения и желания как бы внутреннего происхождения. А экзогенные — как бы внешнего, сформированные рекламой, например.

И вот, основываясь на этом условном делении (условном, потому что экзогенные предпочтения все равно формируются внутри человека), некоторые мыслители пустились в рассуждения: коли на человека можно влиять так, что он сам того не замечает, но совершает при этом акт покупки, давайте для его же пользы будем этим незаметно рулить.

В работе «Поведенческая экономика и новый патернализм» Р.И. Капелюшников со ссылкой на американских экономистов[8] приводит следующий пример.

Представьте себе столовую, где люди двигаются с подносами мимо витрин с тарелками. Выбор очень богат, тарелок и тарелочек чрезвычайно много. Как известно, люди более внимательно рассматривают первые предъявляемые предметы. Затем, если предметов много, они утомляются, внимание рассеивается. Короче говоря, те блюда, которые стоят в начале, разбираются посетителями наиболее охотно. Что бы вы там ни ставили, это будет расходиться лучше.

При этом известно, что жирная и сладкая пища людям вредна. Так, может быть, владельцу заведения стоит располагать ее в конце — тогда ее будут меньше брать и меньше вредить своему здоровью? Все равно же это людьми не осознается и обманом потому считаться не может! Владелец столовой, если он сознательный, может сделать так по своей воле. Или его можно заставить делать так законодательно.

Допустим, владелец заведения никем не принуждается, а действует самостоятельно, из лучших интересов и большой любви к людям. Тогда мы увидим, что посетители будут налегать на те блюда, которые владелец считает более здоровыми для них. Если он полагает, например, что мясо вредно, он его спрячет подальше. Если он прочитал где-то в «желтой прессе», что молоко взрослым вредно, он задвинет и молоко.

В такой ситуации никакой разницы между личными

запретами хозяина и запретами какого-нибудь чиновника, который расписал циркуляр по правильному расположению продуктов, нет — в обоих случаях кто-то решает за потребителя.

— Но ведь за потребителя решат в любом случае! — скажет внимательный читатель. — Ведь все равно же как-то располагать тарелки на витринах придется! В случайном порядке предлагаете ставить тарелки, по таблице случайных чисел? Пусть уж лучше с пользой для людского здоровья в соответствии с чьим-либо пониманием о пользе…

Приведенный авторами работы пример довольно забавен, но решение головоломки ими не найдено. Между тем решение простое и лежит в чисто экономическом поле. Не нужно играть в благодетеля и не нужно заботиться ни о чьем здоровье: задача директора столовой не состоит в заботе о чужом здоровье, он не врач. Это задача врача — делать деньги, продавая здоровье. А задача хозяина столовой — делать деньги, продавая еду.

Соответственно, от этой главной задачи любого бизнеса — максимизации прибыли — и нужно отталкиваться. А значит, располагать вначале самые дорогие блюда, самые скоропортящиеся или те, реализацию которых нужно ускорить в силу больших запасов ингредиентов, из которых они сделаны.

Если самые дорогие блюда — самые вредные (жирные и сладкие), значит, их и надо выносить вперед, не терзаясь морально, поскольку все остальные варианты ведут к падению прибыли и, значит, проигрышу на конкурентном рынке. На котором выживает тот, кто прибыль максимизирует. А значит, нужно успокоиться и просто подсчитывать барыши. Иного выхода нет. В противном случае барыши будет подсчитывать другой.

— А если этих паразитов насильно заставить располагать вначале полезные продукты? — может спросить юноша бледный со взором левацким.

Да, можно еще чуть-чуть снизить уровень свободы экономики, зажав гайки тут, и там, и вон там… Но всякое зажатие экономики внеэкономическими колодками в конечном итоге приводит к общему незаметному обнищанию общества. Можно выдавливать кровь по капельке, а можно спустить сразу, сделав экономику целиком плановой. Сколько лет продержался СССР? Ничтожно малый срок в масштабах истории… Не работает! Потому что люди не роботы. И не муравьи. Они хитрые обезьяны. И нельзя не учитывать их свойства — жадность, агрессивность, эмпатичность, завистливость, желание доминировать, сексуальность, мечтательность, леность, желание вкусно пожрать и порадовать близких, порой даже вопреки своей финансовой устойчивости. Мы несовершенны, нелогичны, и потому экономика существует.

Понятно желание примитивных людей воспитать «сознательное население». Этой преступной глупостью грешили еще коммунисты. Все их натурные эксперименты в разных странах провалились, поскольку не учитывали человеческой обезьянности. И вот теперь появление «квантовой экономики» дало приверженцам патернализма второе дыхание:

— Ах, вон оно как по науке теперь выходит! Люди часто ошибаются и поступают неправильно! Значит, нужно ими руководить и склонять сволочей к правильному поведению! Мы их заставим родину любить.

Они даже вспомнили про мультисубъектную теорию личности, которую один из российских психологов называет теорией многоЯйности. Внутри каждого из нас живут разные «Я» — один ленивый, другой решительный, третий экономный, четвертый импульсивный… Эти субличности постоянно борются и если импульсивный берет в какой-то момент верх над экономным, человек может достать кошелек и купить вещь ненужную, но ужасно привлекательную — просто под влиянием эмоций.

Согласны?

А заметили слово «ненужную»? Кому ненужную? В предложении ведь опущен субъект оценки! Этот субъект патерналисты, любящие поуправлять другими людьми, все время опускают, прячут. Что означает словосочетание «вещь ненужная», если человек пожертвовал ради нее деньгами и купил? Значит, в тот момент она была ему нужна? А кому «ему»? Какому из его «Я»? Какое из них «настоящее»? И кто будет определять «настоящесть»?

Дифференцирование человека на отдельные субличности приводит к абсурду. Скажем, в уголовном праве нельзя наказывать невменяемых людей, то есть тех, которые не отдают себе отчета в своих действиях. Но и левые либералы, и религиозные консерваторы, и прочие-разные, заявляющие о необходимости управления людьми, по сути, всех нас хотят превратить в невменяемых. Оградить от наших желаний, поскольку считают их неправильными, сделанными под влиянием мелкой личности. Полагают, будто мы не можем справиться с собой и вредим себе, не занимаясь физкультурой, распивая алкоголь, делая бессмысленные и неверные покупки. Но если люди невменяемы, если каждая отдельная субличность пренебрежима и не может отвечать за себя, нуждаясь в постоянной опеке, то как мы можем голосовать, подвергаться наказаниям, а самое главное — быть избранными на высокие государственные посты и оттуда решать, что правильно и

осмысленно, а что бессмысленно и неверно?

— Государство должно ограждать людей не только от разного рода опасностей, — сказал однажды, подняв палец, левый экономист Михаил Делягин, — но и от их собственной глупости!

В этом потрясании указательным пальцем вся суть патернализма: спасем людей от них самих! Подобную ахинею можно слышать и от депутатов, и от действующих политиков. Говоря такое, они в самом буквальном смысле выносят себя за рамки человечества и сами этого не замечают.

Что же делать?

Забыть про дифференцирование и заняться интегрированием!

Человек — это многоаспектная сущность. И его нужно воспринимать только в целостности — как свободный электрон, как великую потенцию, могущую разродиться чем угодно.

Человеку не нужна эта смешная кружка, у него дома чашек и кружек — вагон. Но он подумал, что, увидев эту кружку, его жена улыбнется, — и купил. Всего один раз улыбнется. И за эту улыбку он заплатил. Потому что ему хочется увидеть улыбку близкого человека.

Другому нужно бы побегать на тренажере часок, а он делает другой выбор — сидит и пишет буквы, которые вы сейчас читаете, потому что полагает это более важным.

Третьему нельзя пить, но он выбирает водку, потому что видеть окружающий мир ему тошно. Лучше уж пусть будет тошно от водки. Это его выбор.

Свобода для нас главное. Потому что мы не растения, а животные.

Человек — это квантовое кипение мыслей, желаний, импульсов, настроений, воспоминаний, могущих подтолкнуть на что-то. Науке уже известно, что фон, на котором принимается экономическое решение, может повлиять на само решение. У компьютера такой парадокс невозможен, там всегда дважды два — четыре. Но человек — это сложное, не всегда предсказуемое создание. И экономика непредсказуема, потому что непредсказуем ее «атом». Всякая попытка схлопнуть волновую функцию человека и загнать его в нужную, но не экономическую лунку принятия решения (обусловленную идеологическими причинами), только вредят экономике. То есть жизнедеятельности социального организма.

У человека нет никаких «правильных» или «истинных» предпочтений, как думала когда-то классическая экономика со своей теорией ожидаемой полезности. И это очень важное замечание, поскольку физика нас уже научила: до замера у частицы нет никаких истинных значений, они возникают только в

момент замера. Соответственно, и в «квантовой экономике» у индивида нет никаких истинных предпочтений. Предпочтения появляются только в момент замера. Достал кошелек и купил. Или не купил, потому что мимо птица пролетела.

Можно статистически определить, что 30% «экономических частиц» купят данный товар в данных условиях. Но определить, приобретет ли его данный конкретный индивид, заранее нельзя. А если мы индивида начнем принуждать к добру насилием, это будет соответствовать установке электронного детектора в знаменитом двухщелевом эксперименте с пролетом электронов. Этот детектор, будучи включенным, сразу смазывает всю картину эксперимента, нарушая интерференцию электронных волн и принуждая электроны превращаться в классические частицы. И тогда остается только нашить им на ватники номера.

Да, с роботами, не имеющими страстей и стремлений, можно было бы построить идеальное общество. И даже коммунизм. Но зачем?

Для чего роботам коммунизм? Коммунизм — мечта ленивых, то есть опять-таки животных созданий. Этакий видоизмененный рай, в котором можно ни черта не делать, но все иметь. Социализм же — его бледная (как спирохета) разновидность.

Стоит ли насиловать людей запретами «ради их же блага»? Например, запрещать наркотики — никотин, героин, алкоголь? Или эти попытки лишь увеличат издержки всего общества на содержание мафии и борцов с мафией?.. Стоит ли добиваться «справедливого» перераспределения, отнимая у тех, кто заработал, и давая тем, кто не заработал? Или это лишь убьет желание работать и флегматизирует экономику в целом?.. Стоит ли вообще одним несовершенным животным решать за других несовершенных животных или лучше не перекашивать систему, отдав решение личных проблем личностям?

А ведь сегодня на Западе некоторые благодетели доходят в своих порывах осчастливить народ, заставив его принимать только правильные (с их точки зрения) решения, до совершенно идиотских предложений — о запрете кредитных карт, например. Для всех! Потому что некоторые не умеют ими пользоваться и набирают кредиты, которые не в силах потом отдать. С такой логикой человечество вообще нужно запретить, потому что не все среди нас ангелы.

Из той же серии предлагаемые налоги на вредную пищу — жирную, сладкую, острую, копченую. Мол, введем их и тем самым заставим людей оздоровиться! Но вот насколько они при этом озлобятся, ответа нет.

Почему-то левым либералам на Западе, ратующим за

подобные меры, кажется, будто подавление нашей животной природы пойдет нам на пользу. Между тем история уже знает примеры, когда человечество, руководствуясь благими пожеланиями, пыталось улучшить свою животную природу — одно время, например, было модно удалять людям толстый кишечник. Он считался ненужным рудиментом.

Аж целый нобелевский лауреат Илья Мечников писал, что «не только слепая кишка со своим придатком, но даже все толстые кишки человека излишни в нашем организме и что удаление их привело бы к очень желательным результатам». В результате более тысячи человек в Англии, где такие операции были поставлены на поток, лишились толстого кишечника просто за здорово живешь. Эта идиотская хирургическая практика по улучшению человеческой конструкции продолжалась до 50-х годов XX века, пока не выяснилось, что толстый кишечник — основа иммунитета и синтезатор витаминов.

Чего только хирурги превентивно не удаляли, считая излишним, — миндалины, аппендикс, копчик… Представьте себе, что, основываясь на последних научных данных, власть имущие решили бы осчастливить население массовым удалением ненужных органов и кишок! Теперь об этих ошибках науки и читать-то страшно. Почти как о коммунистических экспериментах Пол Пота, который пытался сделать всех одинаковыми и «сознательными», словно муравьи. Благими намерениями вымощена дорога в ад.

Не заставляйте, и не повешены будете.

Глава 4
Политическое животное

Кто в молодости не был левым, не имеет сердца. Кто не стал с возрастом правым, не имеет ума.

Цитата без автора

Как-то легко и непринужденно, без всяких усилий и неприятных ощущений внизу живота, мы от экономики легко качнулись в политику и возрадовались: хорошо-то как, господи! Четко и резко в глазах до необыкновенности! Оно и понятно: политика и экономика — две стороны одной модели по имени «социум», и мы постигаем сие умом.

Хорошо сказал. Заковыристо! Теперь к конкретике…

До рождения той неклассической, я бы сказал — этологической экономики, о которой мы говорили в прошлой главе, было еще далеко, на дворе крепким дубом стоял упертый XIX век, и к концу его в общественном сознании сформировались две модели понимания, что есть общественное благо.

Островная английская модель, как ей и положено, была индивидуалистической. Она считала так: вот есть люди, они все разные, у всех свои интересы, и взаимовыгодное (ну или во всяком случае компромиссное) экономическое взаимодействие между ними рождает социальную жизнь. «Атомы» общества стукаются друг с другом, как молекулы идеального газа, ища выгоды, поэтому торговля — это хорошо. И нет на свете никаких «общественных интересов». Разве что джентльмены соберутся в клуб в бридж поиграть.

Европейская же, а точнее — германская, модель была совсем другой, более «религиозной». Она постулировала, что могут существовать некие общественные интересы, не сводимые к интересам индивидов. Откуда они берутся, кто является их носителем и выразителем, непонятно. Висят себе неким инфернальным облаком над обществом, никому не принадлежа.

Неудивительно, что именно Европа породила фашизм и коммунизм.

Я, правда, спорить с европейской точкой зрения не буду. В конце концов, человек тоже не сводится к скопищу его клеток, он нечто большее. Он порожден не индивидуальностями клеток, но их кооперативным взаимодействием. Так и общество не сводится к отдельным индивидам. Но именно потому, что «интересы

общества» принадлежат кооперативной совокупности людей, а не отдельным личностям, никто конкретно из этих людей — даже самый наигениальнейший фюрер — не может вещать от лица общества. Как клетка мозга или печени не может вещать от лица человека.

Каковы же эти «общественные интересы»? Главная задача любого организма — выжить и транслировать себя в будущее. Как же выжить социальному организму в современных условиях?.. На этот вопрос я уже отвечал в книге «Между Сциллой и Харибдой». Но отвечал в чисто политической плоскости. А теперь можно дополнить ответ с привлечением биологии, раз уж мы с вами попали в книгу про людскую животность. Но для этого ту самую политическую плоскость придется еще раз очертить. Вреда не будет.

Нарисуем политическое пространство, потом наложим на него биологические координаты и увидим, что они чудесным образом совпадут. Поехали, как сказал Гагарин наш Юрочка…

Вы наверняка заметили, что главкой выше я довольно часто употреблял политический термин «леваки». Всем известно, кто такие левые. Это коммунисты всякие, троцкисты, маоисты, анархисты, социал-демократы… В общем, все люди, которые считают, что общество должно быть устроено гуманно и справедливо. А для этого у тех, кто заработал, надо отнимать и отдавать тем, кто не заработал. Или напрямую, как предлагали большевики, или тихой сапой, через высокие налоги — так действуют сегодня европейские социал-демократы.

Если коротко, леваки — коллективисты. Они считают, будто общество, коллектив превыше человека, и стараются делать все на благо общества. От лица которого сами же и выступают. Ради общего блага, полагают левые, можно и ущемить индивидуалистические свободы. Главное — солидарность и единение. И поскольку нужно все время перераспределять, отнимая у одних и раздавая другим, а также постоянно что-то регулировать, у леваков всегда будет большой перераспределяющий и регулировочный аппарат — государство.

А кто такие правые? Они антиколлективисты. Индивидуалисты! Правые считают, что люди сами отвечают за свою судьбу и получают от жизни в меру своих стараний и способностей. Отнимать заработанное нельзя, потому что это чужое, а значит, налоги должны быть минимальны и государство тоже, поскольку кормить ораву чиновников нет никакого смысла — люди и без них справятся. В конце концов, человек, знающий, как заработать деньги, и заработавший их, завсегда распорядится ими лучше, чем тот, кому эти деньги достались на халяву для

перераспределения, то есть бюрократ. Такова уж людская психология! Халява не ценится! Ценится только выстраданное.

Левые коллективисты любят круговую поруку и не доверяют согражданам, предполагая постоянный контроль за ними. Даже оружие для самозащиты гражданам они доверять не склонны: еще перестреляют друг друга, они же как дети малые, за ними глаз да глаз!

Кроме того, левые очень любят преступников, полагая их социально близкими. Ведь что сделало человека преступником? Не гены же! Среда заела! Мы все виноваты в этом, товарищи! Недоглядели! Поэтому преступника надо пожалеть и в момент совершения им убийства или изнасилования ни в коем случае не сопротивляться, потому как преступник тоже человек и у него есть права. Его потом общество осудит! А не какой-то обороняющийся индивид с пистолетом. Самосуда быть не должно! Полиция приедет, упакует труп жертвы, а преступника, если найдут, накажут, учтя все смягчающие обстоятельства.

Правые же, полагающие, что люди вполне самостоятельны и потому могут за себя отвечать, вполне готовы доверить согражданам оружие. Оно и преступность заодно подсократит, поскольку ликвидирует часть преступников, так сказать, не отходя от кассы.

Правые не терпят патернализма и бюрократического контроля над собой и полагают, что благотворительностью должны заниматься скорее частные лица, нежели государство.

Иногда к правым относят фашистов и прочих крайних националистов. Это очень распространенная методологическая ошибка! Фашисты и нацисты являются левыми, поскольку в их идеологии — ярко выраженный примат коллективного над индивидуалистичным. Раса или нация превыше индивида! Тот, кто припомнит, какими словами костерили гитлеровцы финансовую буржуазию и западных либералов, не имевших понятия о чести и занятых только зарабатыванием денег, спорить не будет. Да и глупо спорить с леваком Гитлером, партия которого называлась национал-социалистической рабочей.

Вот строки из нацистской агитационной брошюры:

«…либерализм, игравший руководящую роль в 19 веке, после Мировой войны расцвел пышным цветом… Предпосылкой всякого прогресса и всякой жизни вообще является единение… национал-социализм требует от каждого немца и каждой немки, как молодых, так и старых, чтобы они были фанатическими защитниками этого единения…

Решительная борьба национал-социализма с плутократическими государствами… Плутократическая система

является господством денег и золота, она основана и держится на угнетении и порабощении человека…»

Абсолютно левацкие речевки, как видите. Иными они и быть не могут, поскольку генезис гитлеровской партии левый, а огромное количество лидеров нацистской партии — выходцы из марксистских партий. Просто качнулись люди в сторону национального построения социализма, а не интернационального, как у товарища Сталина. Нация превыше всего, а не пролетарии!..

Так что одна политическая ось у нас уже в наличии, она делит политиков на левых и правых. Но одной оси мало! Политическое пространство не одномерно. Есть же разница между левым и нерелигиозным национал-большевиком Лимоновым и левым религиозным мистиком Прохановым, пытающимися скрестить красный проект с православием. Есть разница между правым Илларионовым, который сотрудничает с американским институтом Катона, и небезызвестным американским сенатором Маккейном.

Поэтому для более четкого позиционирования вводим еще одну ось — ось консерватизма. И у нас получилось декартово пространство. Горизонтальная ось — левые и правые (коллективисты и индивидуалисты), а вертикальная — прогрессисты и консерваторы.

Удобнее всего изучать сию политическую плоскость на примерах. Так в физике изучают поле — гравитационное или электрическое: просто вносят в поле пробный заряд или единичную массу… Ну или можно уподобить замер, если так вам ближе, тестовым полоскам на беременность. Или просто лакмусовым бумажкам, которые все мы проходили в школе на уроках химии.

Такой бумажкой (полоской, пробником) является отношение к эталонной проблеме. Например, к проблеме абортов. Или оружия. Или личных свобод. Или проблеме секс-меньшинств. Науки. Роли государства…

Для более точного позиционирования человека на политической плоскости одного вопроса явно недостаточно. Лучше сделать серию замеров и методом триангуляции засечь его местоположение — так ловят шпионскую рацию.

Для начала откалибруем систему. Иными словами, посмотрим, где в нашей плоскости располагаются пробные шарики ответов на контрольные вопросы.

Как относятся к проблеме абортов левые и правые? Невыраженно! Левые могут быть за аборты, как какие-нибудь коммунисты, феминисты или социал-демократы, а могут быть

против абортов, как, например, фашисты. Кстати, коммунист Сталин аборты в свое время тоже запретил. Что мы видим? Мы видим, что данный «пробный заряд» в «гравитационном» поле левизны-правизны не отклоняется.

Меняем поле. И видим, что на шкалу «прогрессизм—консерватизм» вопрос-шарик начал активно реагировать! Прогрессисты голосуют за аборты, а консерваторы против. Причем практически всегда консерваторы обосновывают свое неприятие абортов религиозными соображениями. И действительно, консерватор практически всегда религиозен. А прогрессист, как правило безрелигиозен, либо его религиозность не носит фатального характера, являясь просто «розочкой на торте».

Теперь вносим тестовый вопрос об отношении к геям. Или к легализации проституции. Или к порнографии. И видим, что вопросы, связанные с сексуальностью, являются четким критерием разделения именно по вертикальной шкале «прогрессизм-консерватизм». Консерваторы строго против, либералы (прогрессисты) — за. Можно внести балльную градацию отношений для более тонкой настройки, но нам пока важнее понять принцип работы.

Итак, все, что касается сексуальности, табуируется у консерваторов и разрешается у прогрессистов. А вот по лево-правой шкале корреляция слаба или отсутствует.

Отношение к личному оружию. Тут картина противоположная. В поле прогрессизма-консерватизма реакция пробника не выражена и не отличается от стохастической. А вот лево-правое поле дает четкие качания — леваки (коллективисты) против владения оружия гражданами. А правые (индивидуалисты) — за. Левые полагают, что за безопасность должны отвечать коллективные органы, а отдельным людям доверять нельзя. Убивать больного СПИДом насильника на месте преступления нельзя, потому что он ведь не виноват в том, что такой нехороший, это общество его таким сделало!.. А правые считают, что личное оружие удачно дополняет полицейскую систему, и человек сам отвечает за свои поступки, не переваливая инфантильно ответственность за свои преступления на общество. Полез насиловать — получил пулю в тыкву. Очень хорошо.

Кто-то может возразить:

— А вот в Америке консерваторы из южных штатов выступают за оружие у граждан!

Отвечу:

— Они выступают за оружие не потому, что консерваторы, а потому что правые. Просто в Америке практически все правые —

консерваторы. Так получилось, никто не виноват…

Едем дальше. Что у нас тут еще есть в бархатной коробочке? Ага — пробный шарик вопроса о государстве! Это вопрос «лево-правый». Левые — за сильное государство, потому что они коллективисты, а государство есть общность. Правые же за минимизацию государства и передачу его полномочий частным структурам.

Отношение к науке… Этот тестовый шарик реагирует на вертикальное поле. Прогрессисты за науку, консерваторов она пугает, как пугает любого зверя незнакомое. Прогрессисты любят науку, надеются на нее. Обожают компьютеры, фантастику, новые гаджеты. Консерваторы же предпочитают проверенное столетиями, а компьютерам они не вполне доверяют.

Теперь попробуем инвертировать эти политические шкалы в биологические. Должно получиться, ведь политика — производное нашей животности!

Но прежде чем приступить к математическим операциям по преобразованию системы координат, отвлечемся и посмотрим на социум с точки зрения особенностей поведения нашего вида. Общество — продолжение стада. А как ведут себя в стаде особи нашего вида?

Мы знаем: подчиняясь инстинктам! Поэтому вспомним на минутку этолога Дольника. Он, рассуждая о стадности и государстве, выделяет шесть обезьяньих инстинктов, одно только перечисление которых вызывает у людей чувство узнавания. Этолог называет эти инстинкты «способами присвоения чужого» и отмечает, что подобные способы имеются у всех почти стадных животных.

Первый — инстинкт захвата и удержания. Схватить и сожрать самому, агрессивно отгоняя всех, кто хочет присоседиться к добыче. Мы это знаем и по своему виду, и по дружественным нам собакам, некоторые из которых могут даже хозяина укусить, если тот, дав кость, попробует ее потом отнять. Из этого инстинкта проистекает нечестная агрессивная конкуренция в экономике — та самая, при которой владелец торговой палатки сжигает появившуюся рядом палатку конкурента, а ее хозяина ненавидит глубоко и искренне… Отсюда и так называемое престижное потребление. Дело в том, что в животном мире обладание ценностью есть признак доминантности: раз может удержать, значит, силен и потому занимает высшие ступени в иерархии. Соответственно, кичливое обладание дорогими вещами и показное их выставление нуворишами на всеобщее обозрение есть всего-навсего реализация инстинкта доминирования. Совершенно неосознаваемая.

Второй обезьяний метод действия — насильственный отъем. Он превращается в разбойные нападения и рейдерские захваты, если речь идет о внутригосударственных отношениях, и в войну стран за спорные территории, если речь об отношениях межгосударственных.

Третья инстинктивная стратегия — присвоение ресурса без насилия на правах доминирования. Стоящий на более высокой ступени иерархии может забрать банан у нижестоящего без применения насилия. И тот уступит — потому что иерархия! Добровольная выплата налогов или дани — пример действия этого инстинкта, лежащий на поверхности. Но я по поверхности ползать не хочу, а стремясь достичь определенных глубин, приведу потрясающий пример такого иерархического доминирования из книги Григория Климова «Крылья холопа». Автор, бывший советский офицер оккупационных войск в Германии, описывает взаимоотношения в строго формализованной иерархической среде:

«В Дрездене наш «Адмирал» (автомобиль. — А.Н.) останавливается около отеля «Белый олень», вокруг которого раскинулось целое море автомашин с красными флажками на радиаторах. Кругом сильная вооруженная охрана с автоматами. На ступеньках здания стоит группа генералов. Среди них выделяется дважды Герой Советского Союза генерал-полковник танковых войск Богданов — военный губернатор федеральной земли Саксония.

Сегодня сюда созваны все военные коменданты Саксонии для отчета перед командованием СВА в Дрездене и Берлине… Пока конференция еще не началась, генерал Шабалин удаляется вместе с генералом Богдановым, предварительно шепнув что-то на ухо адъютанту. Майор Кузнецов тянет меня с собой:

— Пойдем выбирать машину.

— Какую машину? — удивленно спрашиваю я.

— Для генерала, — коротко отвечает тот. — Сейчас увидишь, как это делается. Пойдем!

С видом праздных автолюбителей мы проходим между рядами автомашин, на которых коменданты саксонских городов приехали на совещание. Заполучив в свои руки город и став его полновластным хозяином, комендант первым делом реквизовал для себя лучшую в городе автомашину. Теперь перед нашими глазами выставка наилучших моделей германской автопромышленности, начиная от немного консервативных «майбахов» и кончая последними новинками «Мерседес-Бенца». Хозяева автомашин были уже в «Белом олене». В машинах сидели только шоферы-солдаты.

Майор Кузнецов неторопливо рассматривает автомашины. Он постукивает носком сапога по шинам; нажимая на задок, пробует мягкость рессор; даже заглядывает на счетчик километров, чтобы удостовериться, сколько машина уже пробежала. Наконец майор останавливает свой выбор на открытом «хорьхе».

— Чья это машина? — обращается он к солдату, развалившемуся за рулем.

— Подполковника Захарова, — отвечает солдат таким тоном, как будто это имя должно быть известно всему миру. Он не затрудняется поприветствовать нас — шоферы быстро перенимают привычки своих хозяев.

— Неплохая машинка, — констатирует Кузнецов. Он проводит пальцем по кнопкам управления, еще раз окидывает взглядом машину и говорит: — Скажи своему подполковнику, чтобы он отослал эту машину в Карлсхорст для генерала Шабалина.

Солдат смотрит искоса на майора. В его глазах видна досада — подполковник посадил его охранять машину, а ее хотят утащить среди бела дня. Но солдат не удивляется, а только с некоторым сомнением спрашивает:

— А кто такой генерал Шабалин?

— После конференции твой подполковник будет хорошо знать, кто он такой, — отвечает майор. — А ты доложи подполковнику чтобы он наложил на тебя взыскание за неотдачу приветствия адъютанту генерала Шабалина.

Всякого рода трофеи распределяются строго по чинам и должностям: для солдат — часы и прочие побрякушки, для младших офицеров — аккордеоны, для старших офицеров… Классификация сложная, но очень строго соблюдаемая. Если какому-либо лейтенанту судьба сыграла в руки двустволку «три кольца» да еще «с короной», то это для лейтенанта наперед проигранное дело. Не мытьем, так катаньем, а все равно двустволка попадет в чемодан к майору. Да и у майора недолго задержится, если он не сумеет ее хорошо запрятать. В особенности строго этот порядок владения трофеями распространяется на автомашины. Машину не так легко запрятать — в чемодан не влезет.

Исходя из этого, шофер подполковника не удивляется, а только осведомляется, кто такой генерал Шабалин, — соответствует ли приказ «регламенту» или нет.

Комендантуры Саксонии, в ослеплении своей властью на местах, допустили тактическую ошибку, показав на глаза старшему начальству такое обилие соблазнительных автомашин. За такую неосторожность они поплатились половиной

автомашин, которые парковались перед «Белым оленем» и имели несчастье понравиться генералам. Когда спустя несколько месяцев была созвана вторая подобная конференция, многие коменданты, памятуя прошлый урок, съехались к «Белому оленю» чуть ли не на телегах. Конечно, они снова обзавелись хорошими автомашинами, но на этот раз благоразумно оставили их дома…»

Ну как вам советские офицеры? Чистые приматы!..

Четвертая инстинктивная обезьянья стратегия — уже известное нам воровство. Как только хозяин зазевался, нужное у него можно увести. Здесь даже комментировать нечего. Как говорил классик: «Воруют!».

Пятый способ присвоения — попрошайничество. Тут не только приматы преуспевают. Все животные попрошайки. Хозяевам собак это известно лучше всего. Сидит у стола и неотрывно провожает улетающую в хозяйский рот пищу, поскуливает, лапой за колено трогает: дай и мне такой кусочек!

Попрошайничество — неизжитая детская программа. Детеныши все время клянчат что-то у своих мам и пап, вставая в определенную позу. Эта поза у каждого вида своя и инстинктивно узнаваемая. У нас и других обезьян она характеризуется протянутой верхней конечностью. Посмотрите на нищих у паперти или на вокзале. Они некрасивые, а порой и дурно пахнущие. Но ведь подают!

А почему подают?

А потому что в ответ на принятие одной особью позы попрошайки у другой особи инстинктивно включается программа жалости и великодушия, которую эволюция выработала для сохранения вида в целом. Увидев просительную позу, один зверь может поделиться добычей с другим или подвинуться, уступив место на водопое.

При этом просят всегда только у вышестоящих (у нижестоящих отнимают). Поэтому все изложенные нами на бумаге ходатайства и прошения отправляются всегда по инстанции вверх, а не вниз.

Шестая программа — самая интересная. Она нам уже знакома по предыдущей главе — обмен. Обмениваются равные по иерархии, обмен развит не только у приматов, но и у других социальных видов. Причем, как отмечают этологи, животные постоянно пытаются выменять что-то хорошенькое чужое в обмен на никудышное свое. То есть в обмен на ништяки норовят подсунуть всякую гадость. Эта инстинктивная программа обмана-обмена после появления речи и разума породила поговорку «не обманешь — не продашь».

Перечисленные шесть программ, корректируемые социумом,

и построили цивилизацию, государства, экономику, законы… И чем ближе к животным истокам стоит социум, тем больше он напоминает отношения в стаде. Вот, например, легкоузнаваемое замечание этолога: «Иерархи стадных обезьян никогда не делятся с другими самцами тем, что добыли сами, своим трудом. Они раздают отнятое у других, причем то, что оказалось ненужным самому. При кочевом образе жизни все, что не смог сожрать и спрятать за щеку, приходится или бросать, или «распределять». Одаривают «шестерок» и самых униженных попрошаек, зачастую по нескольку раз вручая подачку и тут же отбирая. Эта процедура не забота о ближнем, а еще один способ дать другим почувствовать свое иерархическое превосходство».

Теперь обратимся к ранее описанным опытам, в которых исследователи вводили в обезьянью стаю деньги. Помните, я сетовал на то, что обезьянам не дали развить банковскую систему? Так вот, сетовал я зря! Если обезьянам выдавать емкости для хранения денег, они быстро соображают, что к чему:

«Если обучить содержащихся в загоне павианов пользоваться запирающимся сундуком, они сразу соображают, как удобно в нем хранить пожитки. Теперь, если доминанта снабдить сундуком, он только копит отнятое добро, ничего не раздавая. Если все получают по сундуку — доминант все сундуки концентрирует у себя. Второй опыт: обезьян обучили, качая определенное время рычаг, зарабатывать жетон, на который можно в автомате купить то, что выставлено за стеклом. Общество сразу расслоилось: одни зарабатывали жетон, другие попрошайничали у автомата, а доминанты — грабили, причем быстро сообразили, что отнимать жетоны, которые можно хранить за щекой, выгоднее, чем купленные тружеником продукты.

Труженики сначала распались на два типа: одни работали впрок и копили жетоны, тратя их экономно, а другие как заработают жетон, так сразу и проедают. Спустя некоторое время труженики-накопители, которых грабили доминанты, отчаялись и тоже стали работать ровно на один жетон и тут же его тратить».

По этой же причине русские крестьяне, когда большевики развернули в стране продразверстку, резко ограничили сев… Социализм потому и не функционирует как экономическая система, что обезьяна не желает работать, если заработанное отнимают, а просто так, за здорово живешь, отдавать не хочет. И вы, читатель, эту обезьяну прекрасно понимаете. Потому что и сами обезьяна. А не муравей какой-нибудь.

Впрочем, мы тут не уникальны. Известен опыт с другими социальными млекопитающими — крысами, которых запускали в

клетку, где еду можно было добыть, только нырнув за ней и проплыв по туннелю. Крысы терпеть не могут плавать! Поэтому вскоре в клетке быстро установились тюремные порядки. Были там свои «шестерки», которые носили «паханам» еду. Были и свои «мужики», которые держались независимо — за кормом плавали, но добытое никому не отдавали.

И вот когда в нескольких «камерах» установились такие порядки, ученые сделали следующее — расселили из разных «камер» и посадили вместе «паханов» и «рабов». Теперь в клетках сидели только «рабы» и только «паханы».

Как вы полагаете, что дальше произошло?

Правильно, тут же установилась новая иерархия — и в клетке «паханов», и в клетке «рабов». Среди «рабов» вызрели новые «паханы», а среди паханов появились рабы.

Иерархичность вшита в конструкцию всех общественных животных. Именно поэтому, когда в 1917 году в несчастной Российской империи власть в свои руки взяли «трудящиеся», то есть бывшие субдоминанты, среди них тут же выделилась каста новой аристократии, которая начала эксплуатировать остальных еще жестче, чем прежняя. И несмотря на декларируемое равенство, кто-то в блокадном Ленинграде получал 125 граммов хлеба со жмыхом, а кто-то, как толстый товарищ Жданов, имел пирожные прямо с фабрики, а также икру, балык, баранину и прочие деликатесы.

Конечно, экономика, возникшая на базе природного поведения приматов, развиваясь, вносила определенные коррективы в их (наше) поведение. Тысячи лет назад, во времена античной цивилизации, было введено, например, юридическое равноправие граждан и принцип частной собственности, что позволило вывести из-под удара доминантов субдоминантные особи. И тем самым дало им стимул работать не «за один жетон», а в полную силу — потому что не отнимут. Эта интенсификация вызвала бурный рост техники, науки, искусств.

Но животность на кривой козе не объедешь! Равноправие-то есть, а равенства все равно нет и не будет. Потому что способности у всех разные, а развитие экономики требует конкуренции, то есть полной реализации этих самых способностей. Таким образом, равноправие вовсе не приводит к равенству в уровне жизни. Иерархия все равно сохраняется, но уже на новом уровне — не на уровне мышц или наследуемой власти, а на уровне денег. Теперь на верхних ступенях стоят не самые сильные, а самые умные, экономически адекватные. Места героев занимают торгаши.

И это гораздо лучше!

Вы никогда не задумывались о том, почему избранных президентов ругают, а диктаторов, вождей и тиранов любят и потом в истории величают высокопарными титулами — Великий, Грозный? Лично вам какая политическая ситуация нравится больше — любви или ругани?

Это непростой вопрос! Некоторым нравится, когда над ними висит кнут. Они буквально требуют «крепкой руки».

«Бьет — значит любит!» — сия поговорка есть вербальное отражение данного зоологического феномена, который является одним из самых ярких проявлений нашей животности. Дело в том, что у стадных зверей субдоминант опасается доминанта, поскольку тот может побить. И чтобы не вызывать неудовольствия или гнева доминанта, подчиненный демонстрирует ему знаки умиротворения и покорности. Тогда спокойно делается и самому подчиненному. Но знаки дружелюбия мы демонстрируем тому, к кому относимся дружелюбно! И тут происходит парадоксальная внутренняя инверсия, о которой Дольник почему-то не пишет. А мне механизм представляется таковым… Точно так же, как внутреннее веселье непроизвольно растягивает ваши губы в улыбке, так и при плохом настроении насильственная резиновая улыбка, в которой вы буквально заставляете свои мимические мышцы растянуть ваш рот, может привести к улучшению настроения.

Для иллюстрации этого парадокса в свое время был поставлен интересный психологический эксперимент. Одну группу испытуемых заставляли смотреть карикатуры, зажав карандаш между носом и верхней губой, а вторую группу — зажав карандаш между зубами. Первый способ блокирует мышцы, которые отвечают за улыбку, и тем самым препятствуют улыбке, а второй, напротив, заставляет человека как бы постоянно растягивать рот в улыбке «на все 32». Результат: второй группе карикатуры показались смешнее, чем первой.

Настроения вызывают мышечные реакции: тебе смешно — ты улыбаешься. Но и обратное верно — мышечные реакции могут вызывать настроения. Достаточно перестать скорбно сутулиться, продышаться, раскрыв грудь, пробежаться, как тоску буквально разгоняет кровью!

Примерно так и происходит в нашем случае с тираном — чем больше он бьет, тем больше дружелюбия и лести демонстрируют подчиненные, умиротворяя его. И тогда каждая ответная улыбка или покровительственный жест диктатора вызывают в душе буквально бурю восторга! В условиях жестокого террора и любовь к тирану принимает крайние формы. Вот вам прекрасное описание этого феномена. Писатель Корней Чуковский,

побывавший в 1936 году на съезде партии, вспоминал пришествие Сталина:

«Вчера на съезде сидел в 6-м или 7-м ряду… Вдруг появляются Каганович, Ворошилов, Андреев, Жданов и Сталин. Что сделалось с залом! А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое. Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его — просто видеть — для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко. И мы все ревновали, завидовали — счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства. Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой — все мы так и зашептали: «Часы, часы, он показал часы», и потом, расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах. Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова… Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью».

Понравилось?..

Самое интересное то, что представители этого вида стали разумными, изобрели письменность и в лице Чуковского сумели зафиксировать свои восторженные ощущения от лицезрения жестокого вожака. А потом доискались и до их инстинктивных причин.

Технический прогресс постепенно уводит нас от нашей животности. Вернее, даже не уводит, а усиливает одни инстинктивные программы, гася другие. Ценность прогресса не в том, что он «уводит нас от зверства», а в том, что он позволяет нам успешно выживать, порождая, правда, кучу новых проблем взамен успешно решенных старых. Поэтому так любопытно встать на цыпочки и посмотреть вперед, в перспективу. В каком направлении мы движемся? Какие животные свойства востребованы прогрессом сейчас и будут востребованы завтра?

Для ответа на эти вопросы произведем ту самую давно обещанную инверсию политических координат в биологические.

Политическая ось левых и правых (коллективистов и индивидуалистов) есть не что иное, как ось стадного инстинкта. Те, у кого он развит сильнее, являются большими коллективистами, а те, которые не любят шумные компании, являются большими индивидуалистами. Это понятно.

Как писал Фрейд, «сознание виновности и чувство долга являются характерным достоянием gregarious animal (стадного инстинкта)». Но помимо тяжкого чувства долга и едкого сознания

виновности стадный инстинкт дарит его носителям восторженное чувство единения, сплоченности, братства, принадлежности к чему-то большому, общему, великому — государству, племени, стае, банде или клубу болельщиков. Носители стадного инстинкта очень любят тешить себя патриотическими чувствами. Им очень нравится ощущение комка в горле и проливающиеся слезы во время искусственного возбуждения таких чувств — например, во время поднятия национального флага под ритмичные звуки (пошумелки). Раздражение чувства стадности коллективистам нравится не меньше, чем матери нравится испытывать ощущение любви от своего детеныша.

Стадный инстинкт нельзя недооценивать.

* * *

В пятидесятые годы XX века американский психолог польского происхождения Соломон Аш поставил серию интересных экспериментов по влиянию стадности на личность. Людям давали примерно два десятка легких заданий, одно из которых вы сейчас успешно выполнили. Вот только испытания были групповыми, и в каждой группе был только один настоящий испытуемый. А все остальные — подсадные.

Так вот, если подсадные хором давали неправильный ответ, 75% испытуемых под влиянием толпы тоже давали неправильные ответы — несмотря на всю очевидность. И при этом испытывали чувство дискомфорта.

Очень трудно человеку идти против стада, даже если от ответа ничего ровным счетом не зависит. Позволить себе роскошь иметь собственное мнение могут только по-настоящему сильные люди.

В общем, с горизонтальной осью ясно. Чуть менее понятно с вертикальной осью — как конвертировать прогрессизм и консерватизм в биологические координаты? Однако и с этим можно разобраться, если задуматься.

Первое, что приходит в голову, — это поисковое поведение. У какой-то особи оно выражено сильнее, у какой-то слабее. «Словарь-справочник по зоопсихологии» определяет поисковое поведение как «поведение, базирующееся на поисковой фазе инстинктивного движения (действия)… Оно характеризуется ярко выраженной ориентировочно-исследовательской деятельностью животных и переплетением врожденных и приобретенных, основанных на индивидуальном опыте компонентов поведения».

Широко известен классический опыт с крысами. Даже если у них очень просторная клетка, есть обеспеченность едой, водой и развлечениями, все равно найдется зверек, который, отыскав узкий лаз в дальнем углу, полезет туда, пища от страха. Зачем?

Ведь у него все есть!

Да, все вроде бы есть. Но чего-то все равно не хватает! Душа горит, мать вашу!.. И неуспокоенная крыса ползет в темноту, в страх, в возможную погибель, оставляя позади свою сытую теплую жизнь.

Вот таких крыс я очень люблю.

Именно эти неуспокоенные особи с гипертрофированным исследовательским инстинктом — или, по-людски говоря, любопытные — и создали всю нашу цивилизацию. Это здорово, что в популяции есть индивиды, у которых шило в жопе и которым свербит узнать, что там, за углом, за поворотом, за горизонтом.

А если бы все были ксенофобическими консерваторами, цепляющимися за старое и пугающимися всего нового, так и прыгали бы мы до сих пор по веткам, таская на себе блох.

Кстати, половой диморфизм у нас затрагивает и исследовательский инстинкт. Мальчики более активны в поисковом отношении, чем тихие консервативные девочки, сидящие возле очага. Потому и живут самцы меньше — это следствие их неугомонности и в плохом, и в хорошем. Но зато они — двигатель прогресса. И развязыватели войн. Гении. И маньяки.

…А еще вертикальную ось можно назвать осью брезгливости, как ни парадоксально. В начале XXI века была обнаружена зависимость между врожденным чувством брезгливости и консерватизмом. Брезгливость — защитное свойство организма, оберегающее его от заразы и отравлений. Брезгливые люди не любят пробовать новую пищу, контактировать с незнакомцами, соваться в неизвестные места. Чуть наклонив голову и незначительно поменяв угол зрения, вы без труда опознаете это все как консервативную черту характера.

Этот страх порождает у людей консервативных защитную агрессию при встрече с незнакомым. Поэтому консервативные жители южных штатов не очень приветствуют людей, от них отличающихся. Им нужно больше времени, чтобы привыкнуть.

А вот люди, у которых чувство брезгливости притуплено от природы, напротив, тянутся ко всему новому и необычному — экзотической пище, новым людям, новым местам, новым гаджетам, новым планетам. К науке, наконец, потому что именно она открывает нам новое. Такие люди склонны больше доверять другим людям, они менее угрюмы и могут посмеяться над святым, то есть над привычными установками.

В общем, у нас вырисовывается четкая генетическая предрасположенность к политическим воззрениям. Что ничуть не

удивительно: заложенный папой и мамой характер человека определяет его отношение к миру и закатывает в определенную лунку на политической плоскости.

Социальность лишь раскрашивает это естественное для организма положение в разные политические цвета. И если человек меняет свою политическую платформу, это просто означает, что воспитательная корректировка, то есть давление внешних обстоятельств родительского дома, школы и близкой среды, поначалу загнала его в чужую ячейку. Но потом гены взяли свое, человек начал дрейфовать, в конце концов нашел себя и успокоился.

Перемена политической позиции может быть связана и с возрастом: стало меньше тестостерона, а соответственно агрессии, — человек изменил взгляды. Но кардинального дрейфа ждать не стоит. Все-таки процентов на восемьдесят наше мировоззрение определяется генами и лишь на двадцать корректируется научением.

Брезгливый будет склоняться к религии и прочей мифологии. Особь с сильным стадным инстинктом — к националистам или левакам. Сильный и уверенный в себе уйдет вправо. А если у него еще и низкая брезгливость, то есть слабый страх перед незнакомым, новым и необычным, если его тянет поисследовать это новое и необычное, то он сместится вверх, к прогрессистам, и попадет в правый верхний квадрант политической плоскости.

Как уже было отмечено, именно прогрессисты двигали вперед прогресс, поскольку прогресс есть овладение новым. Это как бы намекает, что интеллект более присущ особям с рисковым тестостероновым поведением, которые с интересом готовы бросаться в авантюры по открытию америк или природы молнии. Которым проще отринуть старые представления, даже если они освящены традицией. Иными словами, интеллект коррелирует с критическим мышлением, так необходимым науке, все время отрицающей старое и постоянно перепроверяющей утвержденные истины.

Вывод номер один: женщины, как существа более консервативные, менее умны — нравится этот факт кому-то или нет.

Вывод номер два: прогресс толкают вперед прогрессисты — левые и правые. А догматичные и обидчивые консерваторы все время норовят схватить их за штанину, крича что-то об опасности насмешек над святым, научных исследований, вреде ГМО, прививок и паровозов.

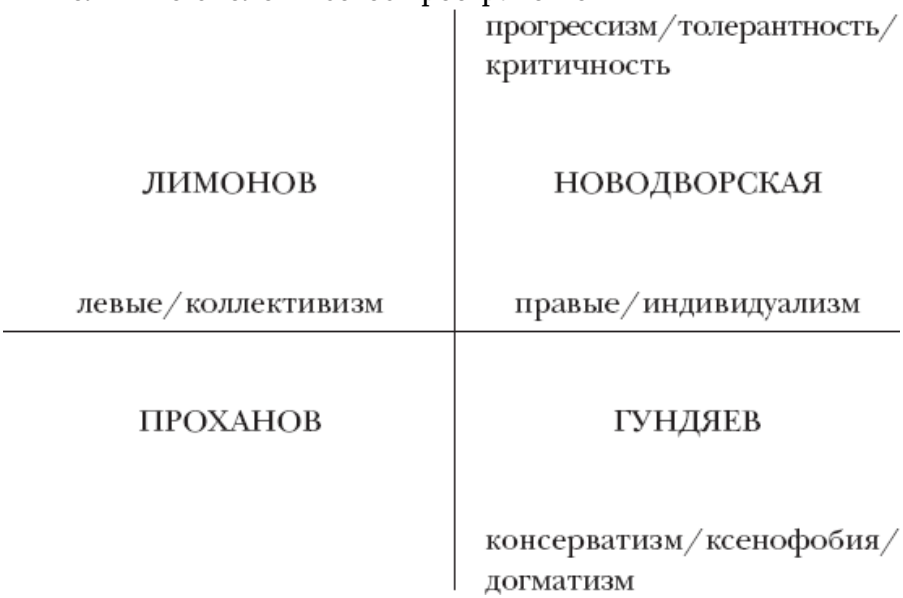
И вот теперь самое время взять стрелку интеллектуального компаса и насадить ее на перекрестие нашего полит-

биологического пространства.

Что мы увидим?

Мы увидим, что стрелка нашего воображаемого IQ-метра слабо реагирует на «горизонтальное поле» и хорошо разворачивается в «вертикальном поле». Иными словами, интеллект коррелирует с выраженным поисковым инстинктом и критическим мышлением. Что, впрочем, ничуть не удивительно. И более того — давно доказано экспериментально: либералы в опытах показывают стабильно более высокий коэффициент интеллекта, чем заторможенные консерваторы, — 106 единиц против 95. Разница — 11 единиц! Это очень много: клинического дебила от среднестатистического нормального человека отделяют всего 30 единиц.

Политико-биологическое пространство



Ну а что насчет «горизонтального влияния»? Есть ли оно? Это важный вопрос. Куда нужно двигаться, чтобы попасть в будущее, — левее или правее? К примату стада или примату личности? Ясно, что надо идти в сторону ума и интеллекта. Но куда качнется стрелка нашего воображаемого IQ-метра — к левой политике или правой?

Иногда, покопавшись в Интернете, можно встретить утверждения, будто согласно исследованиям у левых коэффициент интеллекта выше, чем у правых. Однако, если внимательно присмотреться к этим исследованиям, обнаруживается удивительное: их устроители путают правое и консервативное! И даже правое и левое! Цитирую первый же попавшийся пример: «Правые, как правило, менее умны, чем

левые, а дети с низким интеллектом в более зрелом возрасте чаще склонны к расизму и гомофобии…»

К расизму, гомофобии, а также любому другому неприятию инаковости склонны, как мы знаем, консерваторы — в силу врожденной ксенофобии. Впрочем, дальнейшее цитирование это только подтверждает: «Консервативная политика играет роль проводника предрассудков в отношении других людей… Лица с пониженными умственными способностями более склонны к консервативной, правой идеологии, к сохранению status quo».

Цитируемые экспериментаторы, как видите, работают в одномерном политическом пространстве, что является весьма распространенной ошибкой. Это исследование, которое охватило 15 тысяч человек и которое, по мысли авторов, показало, что правые тупее левых, а на самом деле только подтвердило то, что уже сказано мною выше, — что брезгливые тупее толерантных.

Исследование, кстати, любопытное, о нем даже написали в авторитетном «Psychological Science». Изучалась связь между уровнем интеллекта, замеренным в детстве, и политическими взглядами тех же людей во взрослом состоянии. Корреляция четкая — более глупые дети тяготеют к консерватизму. Причем уровень полученного образования и социальный статус на это никак не влияют, только генетически заданный интеллект.

Учитывая вышесказанное, к подобным статьям нужно подходить осторожно. Мы с вами, читатель, — люди осторожные. И сейчас попробуем с аккуратностью археолога, работающего кисточкой, отмести мусор и найти-таки корреляцию интеллекта именно с коллективизмом/индивидуализмом.

Еще знаменитый Гюстав Лебон, написавший классический труд о психологии массового поведения, отмечал, что человек в толпе глупеет и оскотинивается. То есть если даже отдельный коллективист (социалист, фашист и пр.) обладает высоким интеллектом, их привычка действовать в толпе и подчиняться стаду снижает средний IQ и уровень личной ответственности. Это известный в психологии факт инструментально подтвердил американский профессор и руководитель лаборатории нейровизуализации Рид Монтегю. Он отобрал людей с высоким IQ, произвольно разбил на группы и заставил решать коллективно разные задачи. И обнаружил, что коллективный способ решения вызывает у части людей заметное падения коэффициента интеллекта. То есть после таких вот мозговых штурмов IQ в индивидуальных замерах у людей падал!

Монтегю полагает, что происходило это отупление в силу нашей животности. Дело в том, что мы, как существа стадные, то есть инстинктивно выстраивающие иерархию, не можем на эту

иерархию не реагировать. И если некая особь, которую наше подсознание определило как доминантную, высказала мнение, с нашим не совпадающее, мозг применяет «экстренное торможение», чтобы не раздражать доминанта и не получить от него люлей. Это, разумеется, человеком не осознается, но вылезает на тестах.

Магнитно-резонансная томография показала: у тех людей, интеллект которых коллективной работой подавляется, активизируется область мозга, связанная с возникновением конфликтных ситуаций. Иными словами, в ситуации группового обсуждения они ощущали на себе давление доминантов.

А вот доминантные особи не обнаружили падения IQ после стадных взаимодействий! У некоторых он даже вырос на фоне того удовольствия, которое они получали, неосознанно помыкая другими. И МРТ продемонстрировала, что у них активизируются зоны мозга, связанные с получением удовольствия.

Кстати, поскольку самочки у нашего вида подавлены (самцы доминантны), почти у всех женщин в опытах (10 из 13) умственные способности после коллективной работы упали.

Вывод? Он таков: стрелка нашего виртуального интеллектуального компаса, насаженного на ось политико-биологической плоскости показывает на «север» и чуть-чуть на «восток». А значит, направление в будущее определено — это путь прогрессизма, отказа от религий, научно-технический прогресс и примат личности над коллективом (государством, нацией, классом, стадом).

И куда же девать миллионы генетически не соответствующих этому людей, которым хочется верить в сказки, бояться науки и реализовывать свои стадные инстинкты, получая удовольствие от единения в группы?

Цивилизация, сокращая насилие и повышая толерантность, давно придумала канализаторы человеческой активности в виде компьютерных игр, спорта, сетевых сообществ. В канализации агрессии, а также обеспечении ненасилия, и заключается социальная функция тех систем жизнеобеспечения, которые мы называем государством. Оно должно быть технологично и подчеркнуто отделено от решения любых мировоззренческих вопросов. Идеологии должны быть переданы в частные руки — точнее, головы, — как и экономика, которая тоже должна быть в частных руках: не дело чиновникам заниматься экономикой и идеологией. Только такая система может максимально раскрепостить творческие способности индивида.

В общем, не нужно забывать, что мы животные. У нас есть свои видовые особенности. И их нельзя с ходу отвергать,

поскольку от этого они никуда не денутся и действовать не перестанут. Эти особенности нужно просто учитывать.

Послесловие

На самом деле в этой книге мы лишь коснулись проблемы человеческой животности, поскольку она необъятна. Только о таком животном чувстве, как доверие, и о его роли в экономике люди пишут целые книги, а мы лишь слегка упомянули его. Поэтому сей труд я бы назвал ознакомительным обзором, сделанным исключительно с целью познакомить читателя с некоторыми проявлениями животных особенностей в поведении нашего вида. Я, например, практически не затронул важнейший и интереснейший вопрос языка, этики, чувства юмора и интеллекта у животных. А ведь понять людей, не поняв животных, невозможно. Кроме того, совершенно особняком стоит вопрос сознания (не путать с интеллектом) как феномена. Но все это требует отдельных книг.

Ничего, быть может, когда-нибудь будут написаны и они.

notes

Примечания

1

Формула для вычисления комбинаций в случае двуполости:
К = М.Ж, где
К — количество комбинаций,
М — число самцов,
Ж — число самок.

Формула для гермафродитов выглядит чуть сложнее:
К = N (N–1)/2, где
N — число обоеполых особей.

2

Киберне́тика (от др.-греч. κυβερνητική — «искусство управления») — наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в различных системах, будь то машины, живые организмы или общество.

При этом и у слона, и у двухграммовой землеройки примерно одинаковая рабочая температура, опустить которую нельзя, так как она задается физическими свойствами основного теплоносителя — воды, из которой в основном состоит тело. Дело в том, что минимальная теплоемкость воды находится в пределах 37 °С, поэтому энергетически наиболее выгодно выбрать именно такую температуру в качестве рабочей для функционирования тела. Подробнее об этом см. в моей книге «Формула бессмертия».

4

Ладан содержит ацетат инценсола — вещество, которое в экспериментах на мышах показало себя сильным психоактивным веществом. Кроме того, ладан обладает антидепрессивным, успокаивающим действием. Ученые американского Университета имени Джона Хопкинса совместно с исследователями Еврейского университета обнаружили, что ацетат инценсола связывается с рецептором TRPV3, который возбуждает нейрон мозга.

Кроме того, в христианских практиках используется такой наркотик, как алкоголь в виде красного вина.

5

Крысиный смех был открыт совсем недавно, в 2003 году, в экспериментах профессора Джека Панксеппа. Этот смех представляет собой звуки с частотой в 50 килогерц, издаваемые грызунами в момент щекотки или совместных игр. То есть ничего специфического человеческий смех собой не представляет, это просто физиологическая реакция — вокализация радости. Зоны смеха в мозгу расположены в одних из самых древних его участках. Смешливость, как и все прочие признаки, является наследуемым признаком. Бывают крысы или люди более смешливые, а бывают менее. Причем другие представители вида предпочитают коммуницировать с более смешливыми особями, а не с грустными.

6

Очень часто встречается неправильное написание этого зверя — «кАсатка». Однако кАсатка — это разновидность ласточек, а кОсатка — разновидность дельфина.

Подробнее об этом см.: Никонов А. Управление выбором.

8

Санштейн С., Талер Р, Либертарианский патернализм — это не оксюморон.